

ВСЕСОЮЗНЫЙ ИНСТИТУТ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

КУРС
СОВЕТСКОГО
ГРАЖДАНСКОГО
ПРАВА

Москва · 1960

Б. С. АНТИМОНОВ, Е. А. ФЛЕЙШИЦ

ИЗОБРЕТАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

*Государственное Издательство
Юридической Литературы*

184655
буа

Введение, гл. I, гл. II, § 4, гл. IV § 3, гл. V,
VI — написаны проф. Б. С. Антимоновым.
Гл. II § 1, 2, 3; гл. III, гл. IV § 1, 2, 4, 5, 6 —
написаны проф. Е. А. Флейшиц.

СПбГУ

63

121222

ВВЕДЕНИЕ

Этот том курса советского гражданского права посвящен изобретательскому праву.

Советское изобретательское право в объективном смысле — это совокупность норм, установленных Советским государством для регулирования общественных отношений, возникающих в связи с созданием и использованием изобретений и других новаторских предложений¹ в области техники².

Огромно значение изобретательства в стране, которая ставит своей задачей непрерывное совершенствование всех отраслей народного хозяйства. Изобретательское движение проникло в широкие массы народа: не только отдельные специалисты — инженеры и техники, а каждый производитель и рабочий, стоящий у станка, и тракторист колхоза постоянно задумывается над усовершенствованием техники на порученном ему участке. Только с развитием массовости изобретательства замена морально устаревшей техники новой, более совершенной превращается из случайной удачи в закономерность.

В социалистическом обществе, которое зиждется на общественной собственности на средства производства, идет к преодолению разрыва между физическим и умственным трудом, массовость в изобретательстве, связь изобретательства с повседнев-

¹ По действующему советскому изобретательскому праву изобретение в собственном смысле слова, то есть предложение, обладающее признаком существенной новизны, а также рационализаторское предложение, которое хотя и не обладает признаком существенной новизны (см. гл. II), однако двигает вперед технику, признаются объектами советского изобретательского права. Как известно, до 1 июля 1959 г. новаторские технические предложения, не обладающие признаком существенной новизны, делились на две категории: на технические усовершенствования и рационализаторские предложения.

² Техника понимается здесь в смысле средств и способов, приемов труда, применяемых в производстве материальных вещей для достижения материальных или нематериальных целей в любой сфере деятельности человека. С этой точки зрения можно говорить о технике не только в области промышленности, транспорта, сельского хозяйства, но и в области ветеринарии, медицины и т. д. (см. гл. II).

ной производственной деятельностью многомиллионного трудового народа — это определяющая черта советского изобретательства. Поэтому Коммунистическая партия всегда уделяла и уделяет изобретательству в СССР и его массовой форме исключительное внимание. Постановление ЦК ВКП(б) от 26 октября 1930 г. «О массовом изобретательстве» выдвинуло принципиальное положение: «В период огромного роста социалистического строительства и творческой инициативы рабочего класса исключительное значение приобретает массовое изобретательство как одна из важнейших форм непосредственного участия рабочих в социалистической рационализации производства»¹.

Директивы XIX съезда по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 гг. обязали продолжить развитие массового изобретательства: «Поднять массовое движение изобретателей и рационализаторов из инженеров, техников, рабочих и колхозников за дальнейшее техническое усовершенствование и расширение производства, за всестороннюю механизацию, облегчение и дальнейшее оздоровление условий труда»².

XX съезд КПСС поставил перед страной в шестом пятилетнем плане развития народного хозяйства на 1956—1960 гг. новую задачу, неразрывно связанную с дальнейшим расширением массового движения изобретателей: «Шестая пятилетка должна быть пятилеткой дальнейшего мощного развития производительных сил Советской страны, перехода народного хозяйства на более высокий технический уровень производства...»³.

В докладе на XXI съезде КПСС Н. С. Хрущев говорил: «Успешно решить задачи семилетнего плана можно только на основе широкого внедрения новой техники, комплексной механизации и автоматизации производственных процессов...»⁴. «В Советском Союзе, — сказал Н. С. Хрущев, — созданы неограниченные возможности для творческого развития науки и техники, новых открытий и изобретений»⁵. Эти неограниченные возможности прежде всего — в инициативе и творческом энтузиазме миллионной армии новаторов техники. И эти возможности успешно реализуются в нашей действительности. Развитие массового изобретательства в нашей стране, разумеется, не исключает индивидуального изобретательства, хотя нет сомнения в

¹ «Известия ЦИК» 29 октября 1930 г. № 299.

² «Директивы XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 годы», Госполитиздат, 1952, стр. 30.

³ «Директивы XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956—1960 годы», Госполитиздат, 1956, стр. 5.

⁴ Н. С. Хрущев, О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, Госполитиздат, 1959, стр. 31.

⁵ Там же, стр. 12.

том, что чем более активными становятся усилия изобретателей-одиночек, тем быстрее они переходят на широкий путь организованного партий и государством творческого движения народа. При нынешнем развитии науки и техники человеку, даже обладающему незаурядным творческим талантом, не по силам в одиночку решить любую сложную задачу в области производства, транспорта, сельского хозяйства, ветеринарного или медицинского дела¹. Развитие техники в любой области неразрывно связано с развитием изобретательского движения, массового творческого движения народа.

Другой чертой изобретательства в условиях социализма является его плановый характер: изобретатель-одиночка занимает скромное место в процессе научного технического прогресса нашей страны. Основная масса изобретений и других новаторских технических предложений создается в коллективах трудящихся: на фабриках, заводах и других предприятиях, в проектных, конструкторских и т. п. организациях и в научных учреждениях. Новаторская деятельность работников этих организаций, даже если она не составляет содержания их трудовых обязанностей, осуществляется в плановом порядке.

Организация и последовательное совершенствование планирования новаторской технической деятельности составляют одну из задач государственного руководства изобретательством в нашей стране. Важное значение планирования изобретательства с ясностью подчеркнул Пленум КПСС в постановлении от 29 июня 1959 г.².

В постановлении, принятом Пленумом ЦК КПСС 29 июня 1959 г., и в обращении Пленума ЦК КПСС к рабочим и работницам, колхозникам и колхозницам, к советской интеллигенции, ко всем трудящимся Советского Союза подведены итоги уже достигнутого в области совершенствования техники в нашей стране. Пленум ЦК КПСС призвал широкие массы трудящихся не успокаиваться на достигнутом и в дальнейшем смелее внедрять новое оборудование, модернизировать действующее, совершенствовать технологические процессы.

Детально разработав программу осуществления технического прогресса во всех отраслях народного хозяйства, Пленум ЦК КПСС предложил основывать этот прогресс на творческом союзе передовой науки и труда, на соревновании новаторов производства и на развитии массового движения рационализаторов и изобретателей.

¹ См. «Правда» 6 октября 1956 г., передовая статья «Творчеству изобретателей и рационализаторов — широкую дорогу».

² См. «Материалы июньского Пленума ЦК КПСС», Госполитиздат, 1959, стр. 12, 14

Совершенно понятно, что и среди норм изобретательского права занимают видное место нормы, направленные на стимулирование изобретательства, на вовлечение в изобретательство все более широких кругов работников техники, нормы, определяющие порядок планирования изобретательства и рационализации. Из определенной основным экономическим законом социализма задачи, которой прежде всего призвано служить изобретательство в нашей стране, из задачи непрерывного развития социалистического производства на все более высокой технической базе вытекает и широта охраны интересов и прав новаторов техники, предоставляемой советским изобретательским правом. Наше изобретательское право охраняет интересы не только изобретателей в точном смысле слова, но и авторов рационализаторских технических предложений. Это служит одним из способов вовлечения в дело совершенствования техники огромной и неуклонно растущей армии новаторов, вносящих весьма существенный вклад в дело совершенствования отдельной отрасли производства или работы отдельного предприятия, а в ряде случаев обогащающих мировую технику.

Создание даже скромных по своему техническому значению, но также весьма важных для развития техники рационализаторских предложений является в известном смысле и школой новаторов, подготовкой к изобретательской деятельности в собственном смысле. «Не пропадает» даже самое скромное новаторское предложение, если оно полезно для производства, а это стимулирует энергию новатора, его стремление к повышению своих знаний, к расширению своего технического кругозора для перехода на более высокую ступень технического творчества.

Указанной выше основной задачей советского изобретательства — содействовать неуклонному развитию техники нашей страны — определяется и видное место, занимаемое в изобретательском праве СССР нормами, определяющими порядок использования изобретений, их внедрения в народное хозяйство. Новатор советской техники творит для применения результатов его труда социалистическими производственными предприятиями, прежде всего предприятиями государственными. Поэтому, если изобретатель получил авторское свидетельство на свое изобретение или создал иное новое техническое предложение, заботу о реализации предложения принимает на себя государство (п. 6 Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях от 24 апреля 1959 г.). Автор реализуемого изобретения, как и автор принятого к использованию рационализаторского предложения, получает вознаграждение. Патенты на изобретения, в силу которых исключительное право на изобретение закрепляется за патентообладателем, не имеют

существенного значения ни для экономики страны, ни для участвующих в изобретательстве граждан СССР. Патенты выполняют свою, несомненно, важную практическую функцию почти исключительно в отношениях, складывающихся в СССР с иностранными гражданами и организациями.

Вся совокупность норм советского изобретательского права отчетливо выражает принцип сочетания личных интересов новатора техники с интересами социалистического общества.

Советское изобретательское право регулирует как имущественные, так и личные неимущественные отношения, которые возникают в связи с созданием и использованием изобретений и иных новаторских технических предложений. Иными словами, советское изобретательское право в объективном смысле закрепляет за новатором техники не только право на вознаграждение за творческий труд, но и право признаваться и именоваться автором соответствующего технического предложения и некоторые другие личные неимущественные права. Имущественные правомочия новатора техники чаще всего тесно переплетаются с его неимущественными правомочиями, хотя, как мы увидим в дальнейшем, это не исключает нарушения и защиты в отдельных случаях только имущественных или только личных неимущественных прав новатора. В большинстве отношений, возникающих в связи с деятельностью новаторов техники и использованием продуктов их творческого труда, Советское государство применяет метод регулирования, свойственный гражданскому праву, ставя участников правоотношений в юридически равное положение. Изобретателю, за исключением точно указанных в законе случаев, дано право по своему усмотрению избрать для охраны своих интересов либо авторское свидетельство, либо патент; ряд разногласий, которые могут возникать в связи с изобретениями и рационализаторскими предложениями, подлежат разрешению в судебном гражданском порядке; в таком порядке разрешаются, в частности, все споры о начислении, размере и сроках выплаты вознаграждения за техническое предложение, если автор его недоволен решением, вынесенным по данному спору руководителем государственного органа, вышестоящего по отношению к организации, внедряющей предложение. В других случаях применяется метод административно-правового регулирования, при котором допускается лишь административная жалоба на решение соответствующего органа. Так, например, обстоит дело при несогласии автора, внесшего хозяйственной организации рационализаторское предложение, с решением руководителя этой организации об отклонении его предложения.

Поскольку изобретательское право регулирует по большей части имущественные отношения, а личные неимущественные

отношения, связанные с изобретениями, как правило, регулируются в тесном переплетении с имущественными, поскольку те и другие отношения по общему правилу регулируются на началах равенства их участников, все исследователи советского изобретательского права считают его частью гражданского права. Это имеет под собой не меньшее основание, чем отнесение к составу гражданского права института поставки, подрядных договоров о капитальном строительстве и даже институтов купли-продажи или наследования. Гражданскоправовые отношения в области поставки промышленной и сельскохозяйственной продукции и капитального строительства во все случаях так или иначе связаны с административными актами планирования. С административными актами связан и порядок отпуска тех или иных товаров в розничной торговле. Договоры купли-продажи подлежат в отдельных случаях удостоверению в административном (нотариальном) порядке. В этом же порядке производятся и охрана наследственных имуществ, выдача свидетельств о наследовании и т. д.

Поэтому изобретательское право рассматривается нами как часть гражданского права или как его институт.

Несколько позднее мы обратимся к вопросу о границах между изобретательским правом и смежными с ним институтами других отраслей советского социалистического права, права трудового.

Насколько, однако, самостоятельно положение изобретательского права в составе гражданского права? Этот вопрос связан с природой объектов изобретательского права.

Творческой продукцией изобретателя или иного новатора является решение технической задачи, то есть определенная техническая идея, нематериальное благо. Для применения изобретения в любой области деятельности человека вовсе не нужно иметь новую машину или новое приспособление и т. п., сделанные самим изобретателем: достаточно иметь надлежащие технические указания новатора или сделанный им чертеж. Понятно, однако, что для охраны технической идеи изобретательским правом эта идея должна быть облечена в объективную форму, иначе она будет недоступна ни усвоению, ни использованию другими людьми.

При изучении авторского права мы приходим к выводу, что объектом прав автора также является не вещь, а нематериальное благо: произведение литературы, науки, искусства¹. Однако произведения творческой мысли в области технической существенно отличаются от другой творческой продук-

¹ См. Б. С. Антимонов, Е. А. Флейшиц, Авторское право, Курс советского гражданского права, ВИЮН, Госюриздат, 1957, стр. 7.

ции, являющейся объектом авторских прав, именно своим техническим содержанием, своей непосредственной связью с производственной деятельностью. Поэтому советское изобретательское право имеет существенные особенности, не встречающиеся в авторском праве, и, наоборот, авторское право, содержит немало важнейших норм, неизвестных изобретательскому праву. Достаточно вспомнить о положениях, обеспечивающих неприкосновенность произведения науки, литературы или искусства, занимающих одно из виднейших мест в авторском праве¹ и совершенно неприменимых в праве изобретательском, или систему вознаграждения за труд авторов произведений науки, литературы или искусства, с одной стороны, и авторов технических предложений, с другой.

Поэтому не представляется ни практически целесообразным, ни плодотворным в научном отношении предлагаемое некоторыми советскими цивилистами (Б. С. Мартынов, Н. А. Райгородский, В. Я. Ионас и др.) конструирование в пределах гражданского права института, который охватывал бы одновременно и авторское и изобретательское право как два раздела, на которые распадался бы этот якобы единый институт. Для такого решения вопроса нужно было бы построить общую часть этого двуединого института, то есть дать ряд основных правовых положений, одинаковых для авторского и изобретательского права. Нормы же изобретательского и нормы авторского права, не охваченные общими для обоих институтов положениями, могли бы выступать тогда в качестве «особенностей» каждой из разновидностей того же института. Однако, кроме мысли о нематериальном творческом характере объекта права и о праве авторства как одном из субъективных правомочий лица, создавшего такой объект, в институте «авторско-изобретательского права» не удается обнаружить достаточного общего материала. Понятие «авторско-изобретательского» права оказывается довольно бедной по содержанию абстракцией, не имеющей ни практического значения, ни достаточного познавательного содержания. Идея единого института «авторско-изобретательского права», распадающегося затем на два института — авторское право и изобретательское право, страдает еще тем недостатком, что уводит своих последователей от разработки насущно необходимых для практики особенностей авторского права, с одной стороны, и изобретательского права, с другой, то есть самого главного. Свообразие каждого из названных институтов сказывается в той или иной мере затушеванным формальным обобщением.

¹ См. Б. С. Антимонов, Е. А. Флейшиц, Авторское право, Курс советского гражданского права, ВИЮН, Госюриздат, 1957, стр. 116 и сл.

Нужно заметить, что идея создания единого института «авторско-изобретательского» права под названием «исключительные права» была известна науке буржуазного права и имела своих сторонников среди дореволюционных юристов.

Так, развивая мысли германского цивилиста Колера, русский дореволюционный юрист А. Пиленко писал, что «творчество художественное и творчество техническое в сущности своей одинаковы, и потому для развития обеих родственных отраслей полезно будет, если основные определения будут подчеркивать общность исходного принципа, намечая тем самым и желательность совместной работы»¹. Он написал специальную работу в области изобретательского права, где концепция общности изобретательского и авторского прав занимает, однако, весьма второстепенное место.

Другой дореволюционный юрист Г. Ф. Шершеневич в своих учебниках дает «общее понятие об исключительных правах»². На немногих страницах, посвященных общему понятию исключительных прав, Г. Ф. Шершеневич развивал мысль, что объект исключительного права — это действие человека, имеющее «какое-нибудь экономическое содержание». Однако и сам Г. Ф. Шершеневич вскрывает глубокое различие, которое и в буржуазном дореволюционном русском праве существовало между авторским и изобретательским правом. «В первом случае, — писал Г. Ф. Шершеневич, — законодатель охраняет экономические интересы духовных деятелей, во втором — поддерживает интересы улучшения промышленности и торговли, возбуждает промышленную инициативу»³. Здесь мы оставляем в стороне ошибочные взгляды автора на задачи, которые ставил себе дореволюционный законодатель. Разумеется, буржуазное законодательство вовсе не преследовало тех целей защиты интересов «духовных деятелей», которые ему приписывал проф. Шершеневич. Целью буржуазного права была и остается защита интересов предпринимателей. Тем не менее даже в системе буржуазного русского права, признавшего категорию «исключительных прав», не удалось построить удовлетворительной общей части этих прав, а пришлось после декларативного признания общности исключительных прав перейти к изучению в отдельности авторского права и так называемых промышленных прав. В частности, Г. Ф. Шершеневичу принадлежит работа об автор-

¹ А. Л. Пиленко, *Право изобретателя*, т. 1, 1902, стр. 310.

² См. Г. Ф. Шершеневич, *Учебник русского гражданского права*, изд. 8-е, 1910, стр. 381—382.

³ Там же, стр. 383.

ском праве, написанная вне всякой связи последнего с правом изобретательским¹.

Советское гражданское право принципиально отвергает исключительные права в смысле, придаваемом им буржуазным законодательством. Ни право автора литературного произведения, ни право изобретателя не противопоставляются общественным интересам и ни в какой мере не исключают для общества возможность использовать нематериальные блага, созданные индивидом. Напротив, охрана интересов индивида сочетается с организацией широчайшего использования этих благ для социалистического общества. Конструкция «авторско-изобретательского права» в таких условиях, казалось бы, не имела перспектив в теории советского гражданского права. В. И. Серебровский, говоря о том, что общим для авторского и изобретательского права является то, что «оба они регулируют отношения, возникающие из творческой деятельности человека, из его деятельности по созданию интеллектуальных ценностей», подчеркивает, что «это чрезвычайно сближает авторское и изобретательское право, но все же не означает их тождества. Различны сами объекты, охраняемые авторским и изобретательским правом, различны формы оплаты труда автора и изобретателя. В связи с этим существуют не один, а два вида правового регулирования отношений, возникающих из интеллектуальной творческой деятельности человека: авторское право и изобретательское право»².

Однако некоторые авторы все же пытались использовать конструкцию «авторско-изобретательского права». Наиболее развернутое построение дал Б. С. Мартынов³. Он исходил из правильного положения, которого не отрицают ни в какой мере его научные противники в данном вопросе: деятельность автора литературного, музыкального, научного, художественного произведения и деятельность изобретателя «не представляют собой каких-либо отгороженных друг от друга видов духовной деятельности»⁴. Вполне правильно и то, что Б. С. Мартынов отвергает в советском праве категорию «исключительных прав», заявляя, что «в наших условиях не приходится говорить об исключительном праве автора в том смысле, который придается ему буржуазной юриспруденцией». Тем не менее он пришел к выводу, который является не только спорным, но прямо неприемлемым. «Необходимо, — писал Б. С. Мартынов, — издать новый

¹ Г. Ф. Шершеневич, Авторское право на литературные произведения, 1891.

² В. И. Серебровский, Гражданское право, учебник для вузов, т. II, М., 1944, стр. 223.

³ См. Б. С. Мартынов, Право авторства в СССР, «Ученые труды ВИЮН», вып. IX, М., 1947, стр. 132—177.

⁴ Там же, стр. 146.

закон, охватывающий все виды авторства»¹. В предложенном им проекте закона Б. С. Мартынов провозглашал право автора «на авторское имя, лично ему присваиваемое и неотчуждаемое». Однако вполне правильное для авторского права это положение непригодно для изобретательского: как быть в том случае, если два лица самостоятельно и одновременно сделали одно и то же изобретение, но один подал на него заявку на один день ранее другого? С точки зрения авторского права оба заявителя — «авторы», а с точки зрения изобретательского — только тот, кто ранее сделал заявку.

Б. С. Мартынов закрепляет далее, за всеми авторами и за всеми изобретателями на совершенно одинаковых началах «право разрешать вопрос о зрелости его произведения и годности для оглашения во всеобщее сведение как достижения, имеющего общественное значение». Невозможность объединения положений авторского и изобретательского права здесь очевидна: проект не предусматривает изобретений секретных, в отношении которых автору не может принадлежать право «оглашения во всеобщее сведение».

Б. С. Мартынов предлагал также дать автору право «запрещать изменение его произведения, если это изменение не является новым творческим достижением». В отношении изобретательского права это положение являлось бы преградой техническому прогрессу и шло бы дальше «исключительности» права изобретателя в его буржуазноправовом понимании, которое Б. С. Мартынов так обоснованно отвергал для советского социалистического права, ибо дополнения изобретений, комбинационные изобретения допускаются даже и буржуазным правом.

По мысли Б. С. Мартынова, любое авторское произведение, признанное соответствующими государственными органами, имеющим общественное значение, может быть опубликовано во всеобщее сведение помимо воли автора, причем каждая социалистическая организация может использовать это произведение. Неужели, однако, можно, помимо воли автора, при его жизни снова и снова публиковать его старые, давно пересмотренные, исправленные произведения, неудачные, слабые и т. д.? Думаем, что попытка уложить в прокрустово ложе общей теории «авторско-изобретательского права» личные интересы автора было бы делом совершенно несовместимым ни с советским гуманизмом, ни с правильно понимаемыми общественными интересами, а резко расходящимся и с советским авторским правом на протяжении всей истории его развития.

¹ Б. С. Мартынов, Право авторства в СССР, «Ученые труды ВИЮН», вып. IX, М., 1947, стр. 168.

В рассматриваемом проекте унификации авторского и изобретательского права ставится вопрос об оплате труда автора и изобретателя «по принципу оплаты труда по его количеству и качеству». Пока идет речь об этом общем положении, нет, разумеется, и возражений: принцип оплаты всякого труда закреплен Конституцией СССР как принцип социализма. Но дело ведь не в этом общем положении, а в достаточно конкретных правилах его применения, учитывающих специфику произведения. Если говорить о действующем праве, то недоразумение очевидно: система оплаты труда изобретателей и других новаторов техники исходит из учета объективного результата использования произведения, система же авторского гонорара этого результата не учитывает.

Позднее о двух ветвях авторского права, имея в виду авторское и изобретательское право, писал В. Я. Ионас¹. Но этот автор не сделал попытки создать «общую часть» авторско-изобретательского права, а, напротив, подчеркивал самостоятельность изобретательского правоотношения.

Попытку создать укрупненный раздел авторского права, «включающий» общую часть и подразделения на авторское право, изобретательское право и право на научные открытия...» недавно сделала в своей диссертации Т. А. Фаддеева². Несмотря на ряд отдельных правильных положений, содержащихся в этой диссертации, Т. А. Фаддеевой также не удалось создать «общее учение» об авторском праве на всякие произведения. Наиболее ярко несостоятельность идеи «укрупненного раздела» сказалась, пожалуй, на вопросе о неприкосновенности произведения. Разумеется, для объекта авторского права неприкосновенность созданного автором литературного, научного, художественного произведения — это важнейшая часть правовой характеристики. Но ни о какой неприкосновенности не может быть и речи в отношении объекта изобретательского права, поскольку все развитие техники строится на усовершенствовании ранее сделанных достижений.

Таким образом, учитывая, что объект как авторского, так и изобретательского права — это нематериальное благо, являющееся продуктом творческого труда, необходимо иметь в виду существенное различие в объектах авторского права и изобретательского права. Именно это различие в объектах порождает различное правовое регулирование общественных отношений,

¹ См. В. Я. Ионас, Изобретательское правоотношение в советском гражданском праве, автореферат кандидатской диссертации, Л., 1955, стр. 9.

² См. Т. А. Фаддеева, Право авторства по советскому гражданскому праву, автореферат диссертации, Л., 1958, стр. 4.

возникающих в связи с появлением этих объектов. Объект авторского права — произведение литературы, искусства, науки — не имеет той непосредственной связи с производством, которая всегда налицо в любом нематериальном благе в области техники. Только забыв об этом существенном различии в объектах, можно удовлетворяться формальными построениями «общей части» «авторско-изобретательского права». Чтобы подвести итог различиям этих институтов гражданского права, рассмотрим их вкратце, насколько это необходимо для решения вопроса систематики. Поскольку имеется существенное различие в объектах того и другого института, выявляется не менее существенное различие в значении формы, в которую облекается творческое произведение. Для изобретательского права форма изложения идеи изобретателя настолько же безразлична, насколько она, по общему правилу, существенна для права авторского. Для авторского права стихотворное изложение замысла дает новый объект авторского права в сравнении с прозаическим изложением того же замысла; для права изобретательского объект остается неизменным при любом изменении формы, в которой раскрывается содержание замысла изобретателя. Поскольку, если речь не идет о научном произведении (см. гл. II), форма имеет решающее значение для объекта авторского права, практически невозможно, чтобы два произведения были тождественны как по своему содержанию, так и по своей форме. Таким образом, понятие первенства (приоритета) в авторском праве не имеет значения. Напротив, в области изобретательства, для которого форма юридически безразлична, два или больше предложений могут по своему содержанию, по своей идее совпадать. Отсюда существенное различие между авторским и изобретательским правом. Правила о приоритете, об обязательности заявки изобретения органу государственной власти, установленные в изобретательском праве, неприменимы в праве авторском. Формальное признание авторства на объекты изобретательского права есть необходимое условие охраны интересов изобретателя и другого новатора; такое признание авторства на объект авторского права на практике встречается лишь в виде судебного признания в случае спора между двумя авторами или соавторами. Советское авторское право знает одну лишь систему охраны прав автора; советское изобретательское право, как известно, знает две таких системы: систему патента и систему авторского свидетельства. Это существенное различие зависит, конечно, от указанного выше основного факта существования непосредственной связи изобретательства с производством и отсутствия, по общему правилу, такой связи произведений, охраняемых авторским правом: их связь с производством, с техникой опосредствована целой цепью

промежуточных факторов. Чтобы завершить эту характеристику различия авторского и изобретательского права, необходимо указать и на существенное различие в оплате творческого труда изобретателя и творческого труда автора литературного, научного или художественного произведения, несмотря на то, что советское социалистическое право в обоих случаях исходит из одного принципа оплаты труда: оплаты его в зависимости от количества и качества. Оплата труда, связанного с совершенствованием техники, естественно, зависит от результата использования изобретения или иного объекта изобретательского права. В условиях социалистического общества по вполне понятным причинам этот метод не может найти себе какого-либо применения к произведениям литературы, науки, искусства.

Вопрос об оплате труда изобретателей и рационализаторов непосредственно связан, как и вопрос об оплате труда авторов литературных, научных и художественных произведений, с разграничением изобретательского права как института, входящего в состав гражданского права, и соответствующих положений права трудового, которое является самостоятельной отраслью советского социалистического права.

Труд изобретателя, новатора, сделавшего рационализаторское предложение, — творческий труд. В социалистическом обществе нет существенных различий между разновидностями труда. Тем не менее возникает вопрос, где граница между общественными отношениями, которые являются предметом советского трудового права, и общественными отношениями, которые являются предметом права изобретательского. Конечно, границу здесь нельзя искать в способах оплаты труда, хотя различия имеются: труд изобретателя и новатора в силу его особенностей не может оплачиваться ни повременно, ни сдельно. Все же не в этом основное различие, ибо аккордная оплата, хотя и не применяющаяся теперь на практике в трудовых правоотношениях, теоретически все же не исключается, а ранее в некоторых случаях допускалась и практически. Но в трудовом праве речь идет об оплате живого труда, даже когда размер этой оплаты определяется исходя из количества произведенных единиц данной продукции или из числа выполненных трудовых операций.

По нормам изобретательского права производится оплата труда, ранее затраченного на создание результата, который путем придания ему объективной формы отделен от личности своего создателя. Поэтому в области трудового права определение размера вознаграждения, как правило, возможно путем непосредственного учета трудовых затрат по времени или по количеству произведенных единиц. В изобретательских отношениях

эти методы измерения применить непосредственно невозможно, ибо трудовые затраты на создание изобретательского предложения объективными методами непосредственного учета не улавливаются. Субъективные же методы, разумеется, неприемлемы, поскольку принципиально исключают оплату труда с применением равной мерки. Остается путь хотя и косвенной оценки труда изобретателей и других новаторов техники, но все же объективный. Этот путь идет через то самое производство, для которого предложена новая творческая идея.

В тех общественных отношениях, которые возникают в связи с созданием изобретений и других объектов изобретательского права, характерно движение вперед, изменение в будущем производстве материальных ценностей.

Творческий труд изобретателей и иных новаторов техники создает движение практики производства вперед. Отсюда признание за творцами отдельных технических сдвигов, в совокупности составляющих технический прогресс, права на высокое вознаграждение за усовершенствование техники, а также признание личных неимущественных прав за изобретателем и рационализатором. В несомненном перспективном моменте их вознаграждения выявляется грань между сферой действия трудового права и смежным с нею институтом гражданского права — правом изобретательским. Все это в конечном счете есть результат неразрывной связи между изобретательством и техникой в их постоянном движении вперед.

В капиталистическом обществе, как и в любом эксплуататорском обществе, разделение труда есть разделение труда физического и умственного.

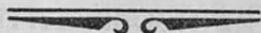
При социалистическом строе постепенно исчезает искусственное, но существующее при капитализме отстранение работника производства от науки и от основных путей изобретательства. Исчезает и черта, характерная для эксплуататорского общества, в котором «...каждый новый рычаг производства необходимо превращается в новое средство порабощения производителей средствами производства»¹. Но закономерность изживания при социализме этого разрыва между производством и идеологией, совершенствующей производство, не означает, что перед нами уже полностью разрешенная задача. Записка Н. С. Хрущева «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране»² достаточно ярко свидетельствует о том, какой большой и трудный путь нужно еще проделать, чтобы осуществить «соединение воспитания с материальным производством», о котором го-

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, М., 1952, стр. 276.

² См. «Правда» 21 сентября 1958 г.

ворили основоположники марксизма¹, уничтожить «противоположность между умственным и физическим трудом». Недостаточно подчеркнуть неразрывную связь между изобретательством и техникой (а значит, и между изобретательским правом и техникой); надо указать также на связь между изобретательским правом и массовым изобретательским движением.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест коммунистической партии, М., 1948, стр. 79.

СПбГУ

Глава I

ОЧЕРК ИСТОРИИ ИЗОБРЕТАТЕЛЬСКОГО ПРАВА

§ 1. Законы об изобретениях в эксплуататорском государстве

Право собственности появляется одновременно с возникновением государства — организации, закрепляющей господство меньшинства, владеющего орудиями и средствами производства, над большинством населения, которое лишено орудий и средств производства. Охрана частной собственности на орудия и средства производства и составляет по существу главнейшую задачу эксплуататорского государства и права на всем историческом пути их развития, несмотря на смену форм эксплуататорского строя (рабовладельческой, феодальной, капиталистической). Правовое же регулирование отношений, связанных с изобретениями, неизвестно ни рабовладельческому государству, ни феодальному, а появляется значительно позднее, в буржуазном государстве, когда капиталистическое производство становится машинным.

Это не значит, конечно, что до эпохи промышленного капитализма не было изобретений. «Труд, — пишет Ф. Энгельс, — начинается с изготовления орудий»¹. На всем протяжении человеческой истории появлялись изобретения, менявшие технику: добывание огня, лук и стрелы, гончарный станок относятся к истокам истории человечества, к тому периоду, когда ни государства, ни права еще не было.

При рабовладельческом строе было сделано немало изобретений и в области строительного, и в области военного дела, были изобретены и часы, сначала водяные (около 600 г. до н. э.), затем солнечные (около 560 г. до н. э.), водяная зерновая мельница, различные насосы, гидравлическое колесо и др. (100 лет до н. э.). Но заменять труд раба машиной в производственном процессе у рабовладельца не было оснований. «В условиях не-

¹ Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, Госполитиздат, 1955, стр. 137.

заинтересованности рабов в работе на своих хозяев и низкой производительности рабского труда рабовладельцы обеспечивали создание прибавочного продукта путем применения в широких масштабах кооперации труда массы рабов и бесчеловечной эксплуатации рабского труда»¹. Хозяин раба мог давать и фактически давал ему только самое ничтожное количество средств существования, достаточное для того, чтобы раб не умер с голоду и мог продолжать работу. Устройство же любой, даже несложной машины обошлось бы дороже, чем голодный паек раба. Н. А. Машкин в своей работе по истории древнего Рима писал, что при рабовладельческом строе «техническая мысль сделала большие сравнительно успехи, но механизмы применялись в театрах и амфитеатрах, использовались иногда для культурных целей, но не внедрялись в производство. Раб не был заинтересован в поднятии производительности, не могло быть и речи о том, чтобы ввести сложные и требующие внимательного к себе отношения орудия труда»².

Это замечание требует существенного дополнения: Маркс отмечал, что в армии древнего Рима «впервые встречается в крупных размерах и применение машин»³.

Нематериальный продукт человеческой деятельности, который мы именуем изобретением, не имел достаточно широкого применения и пока что не менял производственных отношений, при которых рабочие руки были «даровыми», а работа велась из-под палки рабами. Именно поэтому у рабовладельческого государства не было побудительных мотивов к тому, чтобы своими нормами регулировать использование изобретений. Ни одна из систем рабовладельческого права не содержала в себе даже намеков на то, что впоследствии при капиталистическом строе стало называться патентным правом. Это относится и к самой развитой системе рабовладельческого права — к римскому праву.

По экономическим причинам изобретения не попали в орбиту правотворческой деятельности эксплуататорского государства и после крушения рабовладельческого строя и перехода к феодализму. Список изобретений в эпоху феодализма непрерывно возрастал: изобретение очков (XIII в.), пороха и компаса (в Европе — XIV в.), книгопечатания (начало XV в.), микроскопа и телескопа (конец XVI — начало XVII вв.) и т. д. Изобретение же пороха, компаса и книгопечатания явилось, по вы-

¹ Политическая экономия, изд. 3-е, Госполитиздат, 1958, стр. 31.

² Н. А. Машкин, История древнего Рима, Госполитиздат, 1947, стр. 420.

³ Письмо Маркса к Энгельсу от 25 сентября 1857 г., К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные письма Госполитиздат, 1947, стр. 92.

ражению Маркса, необходимой предпосылкой буржуазного развития¹.

На грани возникновения капиталистического уклада в Европе появляются самопрялка и ткацкий станок (XVI — XVII вв.).

«Преимущество феодализма перед рабовладельческим строем состоит в том, что зависимый крестьянин имеет некоторую заинтересованность в труде, поскольку он является собственником своего личного хозяйства и часть времени работает на себя»².

Но при всем этом, пока феодально-крепостнический уклад сковывал превращение изобретений в мощное орудие прогресса в области техники, изобретения не превращались в существенный фактор экономики. Если крепостной отбывал барщину, то он почти так же, как ранее раб, не был заинтересован в производительности своего труда. При натуральном и тем более при денежном оброке заинтересованность крепостного-оброчного повышалась, но широкого применения изобретения получить не могли ввиду натурального в основном характера как помещичьего, так и крестьянского хозяйства. Помещик не был заинтересован в техническом совершенствовании своего хозяйства ввиду существования дарового труда крепостных. Товарный обмен стал более интенсивным лишь позднее, с развитием городов. Однако и в городах средневековые цеховые учреждения, которые скрупулезно регламентировали не только количество выпускаемой гильдией или цехом продукции, но также и самую технику производства, были часто препятствием для внедрения каких-либо новшеств в производственные процессы.

Возникновение мировой торговли и мирового рынка заставило производство выйти из рамок замкнутого и консервативного ремесленного цехового уклада. Отношения между хозяином орудий и средств производства и работником начали базироваться на иных, капиталистических началах. Однако ни период капиталистической простой кооперации, ни капиталистическое надомничество, ни даже мануфактура не дали еще достаточных предпосылок для технического промышленного переворота, основанного на использовании новой техники. Правда, капиталистическая мануфактура еще в недрах феодального строя подготовила условия для перехода к машинному производству, доведя разделение труда до высокой специализации, упростила отдельные трудовые процессы и осуществила специализацию самих орудий труда.

¹ См. письмо Маркса к Энгельсу от 28 января 1863 г., К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные письма, Госполитиздат, 1947, стр. 137.

² Политическая экономия, учебник, изд. 3-е, Госполитиздат, 1958, стр. 39.

* *
* *

После буржуазных революций XVII и XVIII в. начинается бурное развитие машинного производства и в связи с этим развиваются производственные отношения капитализма. Конечно, «машина так же мало является экономической категорией, как и бык, который тащит плуг»¹. Но машины позволяют «подобно всем другим методам развития производственной силы труда... удешевлять товары, сокращать ту часть рабочего дня, которую рабочий употребляет для самого себя, и таким образом удлинять другую часть его рабочего дня, которую он даром отдает капиталисту. Машины — средство производства прибавочной стоимости»².

Если прибавочная стоимость, получаемая путем удлинения рабочего дня, называется абсолютной, то прибавочная стоимость, возникающая вследствие уменьшения необходимого рабочего времени и соответствующего увеличения прибавочного рабочего времени, называется относительной. При капиталистическом способе производства применение машин дает именно относительную прибавочную стоимость. «Когда постепенно нарастающее возмущение рабочего класса принудило государство сильно сократить рабочее время... капитал со всею энергией и с полной сознательностью бросился на производство относительной прибавочной стоимости при помощи ускоренного развития машинной системы»³. Новая техника потребовалась предпринимателям для увеличения прибылей с помощью замены ручного труда машинным. Джон Стюарт Милль вынужден был констатировать, что все сделанные изобретения едва ли облегчили труд хотя бы одного человеческого существа. К. Маркс, критикуя это положение, вскрыл общественный классовый характер применения машин. В действительности изобретения не облегчают в капиталистическом обществе труда «ни одного человеческого существа, не живущего чужим трудом»⁴ (разрядка наша.— Б. А. и Е. Ф.). Тунеядцам же, живущим эксплуатацией чужого труда, изобретения существенно помогают, сильно увеличивая их прибыли и удобства. Рассуждения о значении машин вне времени и пространства в плане «приносят ли машины пользу обществу?» не имеют никакого смысла. Маркс писал по этому поводу, что «перед капиталистически применяемыми машинами вовсе и не ставится такой цели», как облегчение труда работника⁵.

¹ Письмо Маркса П. В. Анненкову от 28 декабря 1846 г., К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные письма, Госполитиздат, 1947, стр. 26.

² К. Маркс, Капитал, т. 1, Госполитиздат, 1953, стр. 377.

³ К. Маркс, Капитал, т. 1, Госполитиздат, 1953, стр. 415.

⁴ Там же, стр. 377, сноска 86.

⁵ См. К. Маркс, Капитал, т. 1, Госполитиздат, 1949, стр. 377.

Когда машинное производство продолжает развиваться в условиях капитализма, изобретение как идея становится товаром. Именно в это время буржуазное государство впервые начинает устанавливать правила об использовании изобретений. В различных странах механизация производства происходит одновременно, одновременно формируются новые производственные отношения, и потому законы об изобретениях появляются в отдельных капиталистических странах также в разное время. Нужно заметить, что совпадение истоков изобретательского права с началом механизации производственных процессов затушевывается более или менее продолжительное время законами о привилегиях, которые появились еще в феодальном государстве и не имели первоначально какого-либо прямого отношения к изобретательской деятельности. Консервативность права такова, что часто новое явление сначала получает старую правовую форму. Феодальная привилегия стала одним из правовых выражений нового буржуазного уклада, созревшего в недрах феодального общества. Привилегия — это, собственно, «частный закон», который издавался короной в виде изъятия из общего права в пользу лица, чем-либо услужившего королю. Привилегия могла, например, устанавливать монопольное право определенного лица на торговлю известным товаром или на занятие каким-нибудь промыслом. В списках промыслов и торговых занятий, на которые в Англии в XV—XVI вв. были выданы привилегии, можно обнаружить привилегии на соль, железо, уксус, сталь, селитру, свинец, щетки, горшки, бутылки, бумагу и т. д. и т. д. Рассказывают, что при чтении в парламенте одного из таких перечней производств и товаров, монополизированных привилегиями, один из членов палаты воскликнул: «Вы забыли хлеб!». Когда в форме привилегии охранялось не право монопольной торговли каким-либо товаром, а право действительного изобретателя, это право признавалось государственной властью по ее «соизволению», по ее «милости». Требовать охраны своего изобретения при системе привилегий изобретатель не мог, ему отводилась роль просителя. Выдача привилегии была факультативна и зависела от административного усмотрения. Лишь с развитием капиталистического производства факультативно даваемая привилегия уступила место патенту, обязательно выдаваемому при определенных, установленных законом условиях.

Согласно первому закону о патентах, появившемуся в Англии в 1623 году, патент должен был выдаваться «действительному и первому изобретателю новых производств». В Соединенных Штатах Северной Америки норма о патентах на изобретения была включена в Конституцию 1787 года (гл. I, секц. 8), а первые законы о патентах там были изданы в 1790 и

в 1793 г.¹ Во Франции привилегии были заменены патентным законом только в период революции; первый патентный закон появился там в 1791 году, а второй, ныне действующий, с многочисленными, однако, дополнениями и изменениями — в 1844 году. Издание первого патентного закона в царской России относится к 1870 году², в Бельгии — к 1854 году, в Италии — к 1859 году (закон Сардинии, распространенный на всю Италию в 1864 году), в Германии — к 1877 году, в Дании — к 1894 году, в Австрии — к 1897 году и т. д.

Ход развития патентного законодательства в капиталистических странах не был равномерным. В одних странах издание патентных законов долго тормозилось (Пруссия, Германия³, Дания, Австрия, Швейцария⁴ и др.), в других странах изданные патентные законы позднее отменялись⁵.

Эти факты объясняются борьбой между различными группировками предпринимателей. Хотя законодательство капиталистических стран в большинстве случаев говорит об охране с помощью патентов прав «действительного изобретателя», но на самом деле патент в капиталистическом государстве устанавливает исключительное право не изобретателя, а предпринимателя⁶, использующего или, когда это ему выгодно, не использующего приобретенное им право на изобретение. Нормы законодательства капиталистических стран, связанные с деятельностью изобретателей, имеют своей целью охрану интересов предпринимателей потому, что изобретатели, за самыми небольшош-

¹ Конституция США 1787 года дает конгрессу правомочие: «содействовать развитию наук, а также полезных искусств и ремесел путем обеспечения авторам и изобретателям на определенный срок исключительного права соответственно на их письменные произведения и открытия».

² Первый закон о привилегиях на изобретения в царской России появился в 1812 году, но первым патентным законом нужно считать только закон 1870 года, так как только с этого времени выдача привилегии стала при определенных условиях обязательной. См. подробнее об этом § 2 настоящей главы.

³ Еще в 1868 году Бисмарк сделал представление совету Северогерманского союза: «Вместо того чтобы сызнова начинать неуспешные попытки исправления законов о патентах, предпочтительнее было бы совсем отменить таковые на всей территории Союза» (см. А. Л. Пиленко, Право изобретателя, т. 1, СПб., 1902, стр. 125).

⁴ В отдельных кантонах Швейцарской конфедерации патентные законы появились очень давно. Союзный закон о патентах после долгой борьбы впервые появился в Швейцарии 29 июня 1888 г.

⁵ В Нидерландах закон от 15 июля 1869 г. отменил на будущее время выдачу патентов на изобретения. Первоначально закон о патентах для Бельгии, Голландии и Люксембурга был издан 25 января 1817 г. Патентное законодательство было возобновлено в Голландии в 1910 году.

⁶ См. об этом подробнее Е. А. Флейшиц, гл. 32, в коллективной работе «Гражданское и торговое право капиталистических стран» под ред. Д. М. Генкина, Юриздат, 1949, стр. 462, и ее же вступительную статью к сборнику «Патентные законы капиталистических стран», М., 1959.

ми исключениями, не будучи собственниками средств производства, лишены возможности непосредственно использовать свои изобретения. Им приходится либо продавать полученные патенты на сделанные изобретения, либо отчуждать самое право на получение патента. В договоры найма рабочих и служащих, заключаемые капиталистическим предприятием, как правило, включается оговорка о переходе к предприятию всех изобретений, сделанных работниками за время службы¹, а иногда и в определенный период времени после прекращения службы на предприятии.

Противоречие интересов объясняло как борьбу одних капиталистических групп за издание патентных законов, так и борьбу других капиталистических групп против патентного законодательства.

Патент, выданный одному лицу, содержит в себе запрещение всем другим лицам использовать без разрешения патентообладателя изобретение, охраняемое патентом, в течение определенного срока². Запрещение, невыгодное для многих предпринимателей, выгодно только для одного, купившего патент и тем самым закрепившего за собой монопольное право на известное время. На это и ссылались часто сторонники антипатентного движения в капиталистических странах. Они говорили, что патентные преграды задерживают развитие промышленности, а иногда прибегали клицемерной ссылке на свободу идей (какими являются изобретения), на необходимость удовлетворять требования изобретателей на вознаграждение их труда путем создания соответствующего денежного фонда, а не путем создания исключительных прав для лиц, которые в большинстве случаев сами ничего не изобретали, а лишь покупали чужие изобретения.

Однако сторонники патентного законодательства в капиталистических странах имеют явный перевес: почти во всех капи-

¹ Вот чрезвычайно характерный текст типового договора, подписываемого всеми служащими американской телефонной и телеграфной компании: «Ввиду моего нахождения на службе ... я... за сумму в один доллар ... уплаченную мне ... компанией, обязуюсь уступить ей без всякого другого вознаграждения все без исключения изобретения в области телефонии, телеграфии или приборов, предназначенных для применения в указанных областях техники или в связи с ними, которые мною сделаны во время моей службы у ... компании, а равно и патенты, охраняющие таковые. Обязуюсь также уступить все указанные изобретения, которые могут быть сделаны мною отныне в течение всего времени моей службы у этой компании...» (подчеркнуто нами.— Б. А., Е. Ф.).

² В настоящее время срок патентной охраны изобретения в капиталистических государствах колеблется от 15 до 20 лет. В Англии — 16 лет (закон 1949 г.), в США — 17 лет (закон 1952 г.), во Франции, как правило, — 20 лет (закон 1939 г.), в Германской Федеративной Республике — 18 лет (закон 1953 г.). Однако, по общему правилу, патентные законы капиталистических стран предусматривают и основания для продления срока действия патентов.

талистических странах в настоящее время действуют патентные законы. Те страны, которые, сначала издав патентный закон, потом отменили его (Нидерланды), позднее вынуждены были вернуться в общее русло¹.

Охрану своей новой техники посредством патентных прав капиталистическое предприятие может сочетать с охраной новой техники посредством ее засекречивания². Нельзя упускать из вида, что патентное законодательство выполняет различные функции в период промышленного капитализма и в период империализма и господства монополий. Несмотря на то, что патент в любом капиталистическом государстве выступает как средство эксплуатации, в период промышленного капитализма он все же более, чем в период империализма и господства монополий, стимулировал изобретательскую деятельность и был, таким образом, средством развития техники и хозяйства капиталистического общества.

* * *

Современное патентное законодательство различных капиталистических стран одинаково подходит к сущности правомочий, которые вытекают из патента. Лицо, получившее патент или купившее его, имеет исключительное право использовать то, что запатентовано. Всем прочим лицам такое использование запрещено, пока срок патента не истек. Таким образом, на срок действия патента создается монополия патентообладателя в области производства и сбыта запатентованной продукции. Патент повсюду признается отчуждаемым: если изобретатель его продал, все права и преимущества перешли к приобретателю. Вместо продажи патента обладатель его может дать другому лицу только разрешение (лицензию) на использование патента на определенных условиях, с известными ограничениями. Иногда это ограничение во времени (срок лицензии обыкновенно короче срока самого патента) или по месту использования изобретения (лицензия может допускать использование патента только за пределами той страны или тех стран, где использует патент сам обладатель его или другие фирмы, получившие лицензию).

Во всем остальном патентное законодательство капиталистических стран далеко не единообразно.

В то время как в одних странах установлена проверочная система и заявка об изобретении проверяется в отношении ее

¹ См. сноску 1 на стр. 25.

² См. Е. А. Флейшиц, Гражданское и торговое право капиталистических стран под ред. Д. М. Генкина, Госюриздат, 1949, стр. 463.

новизны компетентным государственным органом (Англия, США), в других странах существует только формальная проверка заявок (Франция, Бельгия, Люксембург). При этой последней, так называемой заявительской (явочной) системе, государственный патентный орган устанавливает лишь внешнюю правильность заявки, проверка же новизны изобретения и наличия в нем других требуемых законом признаков не производится. В то время как при проверочной системе патент дает обладателю и приобретателю его известную уверенность в действительности и устойчивости правомочий, вытекающих из патента, при заявительской системе патент устанавливает, в сущности, довольно шаткое предположение о наличии у патентообладателя охраняемых законом правомочий¹.

Большинство капиталистических государств склонилось в конце концов в пользу проверочной системы, поскольку она в известной мере сокращает число судебных споров и тем укрепляет положение предпринимателей, приобретающих патенты. Заявительская система, однако, имеет некоторые преимущества: она ускоряет процедуру выдачи патентов и удешевляет ее, поскольку исключаются значительные расходы на содержание обширного штата экспертов по всем отраслям техники, что неизбежно при проверочной системе.

Существует немало и других различий в патентном законодательстве капиталистических стран, в частности, по вопросу о патентоспособных объектах, о сроках действия патентов и т. д. Однако рассмотрение этих подробностей не входит в задачу настоящего тома курса².

* * *

В период империализма патент стал широко использоваться капиталистическими монополиями в своих целях. В. И. Ленин отмечал, что в условиях империализма, «обобществляется и процесс технических изобретений и усовершенствований»³. Патент

¹ В ст. 11 французского закона от 5 июля 1844 г. о патентах на изобретения сказано: «Патенты ... выдаются без предварительной проверки на страх и риск заявителей и без ручательства реальности, новизны и ценности изобретения, также за верность и точность описания». Этот текст остался неизменным до настоящего времени, хотя другие части ст. 11 впоследствии изменялись.

² См. Е. А. Флейшиц «Гражданское и торговое право капиталистических стран» под ред. Д. М. Генкина, Госюриздат, 1949, стр. 463. Глава 32 приведенной работы сохраняет и в настоящее время свое значение, несмотря на ряд изменений в законодательстве капиталистических государств с 1949 года. См. также вступительную статью Е. А. Флейшиц к сборнику «Патентное законодательство капиталистических стран», М., 1959.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 193.

ное право сделалось одним из мощных орудий капиталистического обобществления изобретательской работы. «Патент стал главным орудием современной монополии, а злоупотребление патентами — основной тактикой промышленных картелей», — пишет американский исследователь международных картелей Уенделл Бердж¹. Патентная система, пишет Бердж, была предназначена для того, чтобы «способствовать прогрессу науки и ремесел», а теперь «патенты стали орудием жаждущих власти промышленных группировок». Приемы использования патентного права для целей, чуждых развитию производительных сил, весьма разнообразны. При империализме появляются так называемые патентные пулы, картели, тресты, некоторые из которых не занимаются производственной деятельностью, а скупают патенты на изобретения в определенных областях техники иногда для того, чтобы выгодно их перепродавать или выдавать на них лицензии, иногда для того, чтобы спрятать их в свои сейфы и тем ограничить конкуренцию в определенной области производства. И эта последняя операция приносит, разумеется, пользу патентному пулу, картелю, тресту, ущерб же «прогрессу науки и ремесел» для монополиста не имеет значения.

Монополистические предприятия широко практикуют так называемые «страховые заявки». Такой заявкой монополистическое предприятие вовсе не стремится охранить свое или купленное чужое изобретение, а намерено только расставить капканы для своих конкурентов, застраховаться от них. Патентная формула в таких заявках редактируется как можно шире и неопределеннее. Это дает возможность компании, получившей подобный патент, придаться почти к любому действию конкурирующей фирмы и предъявить к ней иск по поводу якобы совершенного нарушения патента. Было ли в действительности такое нарушение или его не было, не так уже существенно для обладателя патента: речь идет не о защите своего права, важно втянуть противника в судебный спор, разорить его громадными расходами по бесконечной тяжбе или запугать предстоящими крупными расходами на ведение судебного дела, на оплату услуг адвокатов, заключений экспертов и т. д.

В период империализма простой и ясный порядок разрешения спора между обладателем патента и нарушителем его исключительного права часто превращается в невеселую трагикомедию: убоявшись взаимного разорения от патентной тяжбы, истец и ответчик предпочитают закончить дело внесудебным соглашением.

В руках монополий патенты становятся мощным средством

¹ Уенделл Бердж, Международные картели, М., 1947, стр. 62.

борьбы с аутсайдерами, то есть с фирмами, которые отказываются вступить в соглашение об использовании патентов, в ассоциацию, в картель и подчиниться монополистическому диктату в вопросах установления цен, разграничения районов деятельности и т. д. «Патенты,— пишет Бердж,— применялись для того, чтобы задушить новые предприятия, лимитировать производительность и продукцию, поделить мировые рынки, искусственно и деспотически фиксировать уровень цен и создать частные тарифные системы»¹.

Вместе с тем монополистические объединения организуют, финансируют научно-исследовательскую работу в области техники и в тех пределах, в которых это приносит им пользу, внедряют эту новую технику в производство.

Особый характер имеют попытки монополий подчинять себе промышленность путем безгранично широкого толкования правомочий патентообладателя.

Практика американских судов сыграла важнейшую роль в создании этой власти патентообладателя-монополиста.

В силу закона патент дает только исключительное право на использование запатентованного изобретения. Патентообладатель может полностью или частично передать свое право другому лицу. Но может ли патентообладатель установить порядок хозяйственной деятельности того лица, которому он дает лицензию? Верховный суд США неоднократно давал утвердительный ответ на этот вопрос.

Весьма скромное значение имеют нормы английского закона «О патентах» 1949 года², якобы направленные на борьбу с подчинением себе патентообладателями производственной и торговой деятельности держателей лицензий.

§ 2. Законы об изобретениях в дореволюционной России

Пока в России существовал эксплуататорский строй, законодательство об изобретениях развивалось в ней в общем теми же путями, как и в других эксплуататорских государствах, но темпы его развития были медленнее, что соответствовало более медленному темпу развития экономики.

Изобретательство в России попадает в поле зрения законодателя только с развитием капиталистических отношений и распространением машинного производства. Ни Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года, ни Новоуказные статьи не знают еще норм, регулирующих изобретательство. Разу-

¹ Уенделл Бердж, Международные картели, М., 1947, стр. 63.

² См. Сборник «Патентное законодательство капиталистических стран» под ред. Е. А. Флейшиц, М., 1959, стр. 113—114.

меется, этот факт никак нельзя приписать отсутствию в России изобретателей и изобретений — тех и других было немало. Достаточно напомнить о русских изобретениях в области военного дела (в частности, способы литья пушек, фортификация). К XVI в. относится трагическая история изобретателя летательного аппарата смерда Никитки, казненного Иваном IV¹. Крепостнический строй общества предоставлял в руки бояр и дворян даровой крестьянский труд; натуральное застойное хозяйство помещиков и крестьян, замкнутое в себе, не нуждалось в технических усовершенствованиях. Торговый оборот, в частности заморская торговля, развивался медленными темпами, и поэтому не было надобности радикально и быстро расширять количество товарной продукции.

В этих условиях изобретение, позволяющее заменить труд человека машиной, не могло быть хозяйственно оценено. Именно поэтому российское феодально-помещичье государство того времени не ощущало еще потребности в законах об изобретениях.

До Петра I в России выдавалось немало привилегий отдельным лицам, но эти привилегии не имели ничего общего с изобретениями, с вознаграждением изобретателей за их творческий труд. Грамоты того времени, содержавшие привилегии, давали отдельным лицам определенные льготы за оказанные правительству услуги или стремились привлечь, приохотить иностранцев к торговле с русскими купцами, что обещало прибыль и государственной казне. Грамоты эти по большей части освобождали от обязанности уплачивать пошлину за ввоз или за вывоз товаров², разрешали беспрепятственный доступ в различные города для совершения торговых операций и ставили тем самым привилегированных купцов в значительно лучшее положение в сравнении с прочими, кто и пошлины платил и далеко не всюду торговый доступ имел³.

При Петре I в значительном числе появились грамоты, дававшие привилегии с целью поощрить отечественную промышленность, создать стимул для деятельности «всяких художников и рукоделей». Получение привилегий и в этом случае

¹ См. В. В. Данилевский, Русская техника, изд. 2-е, Л., 1948, стр. 404.

² Например, жалованная грамота 7 сентября 1654 г. посадским людям города Полоцка на беспошлинную торговлю всякими товарами в том городе («Полное собрание законов», т. 1, № 137) или грамота купцу Николаеву 30 июня 1658 г. на свободный и беспошлинный привоз в Россию товаров (там же, т. 1, № 231).

³ Например, привилегия 28 апреля 1705 г. греку Параскеве Федорову на свободную торговлю в России на 4000 руб. («Полное собрание законов», т. IV, № 2047) или жалованная грамота 11 марта 1710 г. греку Ливандиану на свободную торговлю в России (там же, т. 11, № 2259).

зависело от услуг, оказанных правительству, но не от изобретательской деятельности лица, награжденного льготой. Так в 1718 году получили привилегию фабриканты Турчанинов и Цимбальников «на размножение полотняного завода»; в это привилегии содержалось, между прочим, и запрещение ввоза из-за границы полотна, чтобы воспрепятствовать конкурентам заграничных фирм с русскими полотняными заводами¹. В то же 1718 году, 9 марта, в привилегии ландрату Савельев и купцам Томилиным впервые упоминается об «открытии» привилегия была выдана за «изобретение руды в Московском уезде» и за строение заводов². Об изобретении в собственном смысле упоминается впервые в привилегии, выданной при Елизавете, в 1749 году, купцам Сухареву и Беляеву. В просьбе о выдаче им грамоты заявители упоминали о своих заслугах перед государством и доказывали, что привилегия им необходима для охраны их производственных секретов при изготовлении красок, так как иначе они могут быть разглашены рабочими «за малое лакомство». Число привилегий на изобретения в послепетровское время постепенно возрастало, однако не менялся их правовой характер: они выдавались от случая к случаю вне всяких общих правил, как милость к отдельным лицам, оказываемая по свободному начальственному усмотрению. За изобретателем не признавалось право потребовать выдачи привилегии при соблюдении определенных условий. Характер исключительной милости по усмотрению правительства носила и привилегия, выданная «профессору Ломоносову» в 1732 году «на делание разноцветных стекол, бисеру, стеклярусу и другим галантерейных вещей», однако в грамоте отмечались и изобретательские заслуги Ломоносова³ и привилегия на 30 лет давалась «дабы он, Ломоносов, яко первый в России тех вещей секретов сыскатель, за понесенный им труд удовольствие иметь мог...»⁴.

Первым, правда частичным, обобщением практики по выдаче привилегий были изданные в 1723 году «Правила для выдачи привилегий на заведение фабрик» (Регламент Мануфактур-Коллегия).

Первым актом, устанавливающим общие правила о выдаче привилегий на изобретения в царской России, был манифест 17 июня 1812 г., опубликованный под заглавием «О при-

¹ См. «Полное собрание законов», т. V, № 3174.

² См. «Полное собрание законов» № 3180; привилегия на учреждение завода купоросного масла и крепкой водки.

³ «Полное собрание законов» № 3693. См. А. Л. Пиленко, Право изобретателя, т. I, СПб., 1902, стр. 146—147.

⁴ «Полное собрание законов», т. XIII, № 10-057, привилегия 14 декабря 1753 г.

вилегиях на разные изобретения и открытия в художественных промыслах¹. Этот первый дореволюционный закон об изобретениях не устанавливал, однако, обязанности органов государственного управления выдать привилегию при наличии в заявке определенных признаков. Привилегию подписывал министр внутренних дел, но только после рассмотрения вопроса в государственном совете. Таким образом, акты об изобретениях по-прежнему сохранили факультативный характер и имели форму частных законов. И это несмотря на то, что в манифесте 17 июля 1812 г. было указано, что «выдавая... привилегию, правительство не ручается ни в точной принадлежности изобретения или открытия лицу предъявившему, ни в успехах оно, но удостоверяет единственно в виде, в котором изобретение или открытие было предъявлено».

Срок привилегии на изобретение или открытие устанавливался по желанию заявителя, но не более десяти лет.

Споры «по предметам привилегий» подлежали рассмотрению в совете министерства внутренних дел «с приглашением опытных людей, по выбору спорящих сторон в равном для каждого числе».

Закон 1812 года о привилегиях на изобретения отразил соотношение классовых сил в царской России; класс помещиков, на который опирался феодально-бюрократический строй, имел еще явный перевес. Поэтому обязательная выдача патента, которая давно была известна в странах промышленного капитала — в Англии и США, в России казалась еще непригодной.

В 1833 году была предпринята первая существенная переработка закона 1812 года².

Г. Ф. Шершеневич указывал, что в противоположность закону 1812 года, который предусматривал заявительную систему, закон 1833 года перешел к системе предварительного рассмотрения заявок³. Нужно, однако, иметь в виду, что оба закона придерживались порядка выдачи привилегий по усмотрению начальства, почему и говорить здесь о явочной системе, как и о системе предварительного рассмотрения в точном смысле этих терминов, было бы анахронизмом. Изобретение, даже успешно прошедшее проверку, по закону 1833 года могло и не удостоиться привилегии.

¹ См. «Полное собрание законов», т. XXXII, № 25, 143.

² Законы от 11 сентября 1812 г. и 4 августа 1814 г. только частично дополняли закон 17 июня 1812 г. и имели частное значение (был изменен порядок уплаты пошлин, была введена обязательная публикация о заявленных изобретениях).

³ См. Г. Ф. Шершеневич, Курс торгового права, т. II, СПб., 1908, стр. 88.

История русского изобретательства XVIII и XIX вв. полна славными именами. Среди них И. И. Ползунов, который в 1763—1765 гг., то есть за 10 лет до Джемса Уатта, изобрел паровую машину для заводских нужд; Родион Голиков, создавший в 1780 году прядильное предприятие с водяным колесом, приводившим в действие «самопрядочную машину». Лев Саблин, который с 1800 до 1803 года изобрел две различных машины; П. К. Фролов, устроивший в 1806 году первую многоверстную железную дорогу; изобретатели паровоза Е. А. и М. Е. Черепановы (1834 г.) и многие другие.

В. В. Данилевский перечисляет ряд привилегий, выданных русским изобретателям за 30-е и 40-е годы XIX века, на новые конструкции прядильных машин, ткацких станков, шелкомотальных машин, на пневматические печи, «цилиндрические повозки», самокатные дороги, самомерные краны, золотопромывательные машины, подводные колеса, остановы в самоткацких станках, машины для выделки бесконечных листов бумаги и т. д.¹

Но сколько изобретений осталось незапатентованными! «Основная масса изобретателей,—справедливо отмечает В. В. Данилевский,—не имела средств на оплату расходов по получению привилегий». Немало, конечно, изобретений было отнято у них, творцов, влиятельными предпринимателями, ибо простому человеку было очень трудно, а иногда и вовсе невозможно пробиться к привилегии через юридические рогатки царского закона.

Слабое развитие капиталистических отношений по-прежнему не давало почвы для нового решения главного вопроса: право требовать обязательной выдачи патентов не было введено и в законе о привилегиях на изобретения 22 ноября 1833 г.

На новые капиталистические позиции в изобретательском праве царское правительство перешло значительно позднее, уже в пореформенную эпоху, когда капиталистические отношения стали в России быстро развиваться, когда число фабрик начало быстро увеличиваться, а число рабочих на них возросло «не только гораздо быстрее, чем население вообще, но даже быстрее городского населения»².

В этом и состоит экономическая подоплека тех новшеств, которые принес с собой царский закон об изобретениях, появившийся 30 марта 1870 г.,—первый закон об изобретениях пореформенной эпохи.

Закон 30 марта 1870 г. существенно изменил порядок выдачи привилегий. Во-первых, акт выдачи привилегий перестал

¹ См. В. В. Данилевский, Русская техника, изд. 2-е, Л., 1948, стр. 198.

² В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 436.

быть специальным законом и превратился в подзаконный акт административного органа — министерства финансов; вопросы о выдаче привилегий отдельным лицам не подлежали внесению в Государственный совет. Во-вторых привилегия на изобретение подлежала выдаче, если заявка удовлетворяла определенным условиям, заранее предусмотренным законом. Патент по-старому назывался в законе привилегией, но по существу стал именно патентом в том смысле, какой ему придавался в капиталистических государствах. Во всем остальном и после издания закона 30 марта 1870 г. продолжало действовать (до 1 июля 1896 г.) старое положение 1833 года, со всеми присущими ему несуразностями¹.

Но именно с 1870 года дореволюционное патентное право пошло по колее, хорошо проторенной в капиталистических странах².

Дальнейшим этапом и последним царским законом о патентах был закон 20 мая 1896 г., введенный в действие с 1 июля того же года и просуществовавший до крушения капитализма в России³.

Закон 1896 года все еще крепко держался за феодальный термин «привилегия», но то, что он именовал «привилегией» или «привилегией на патент»⁴, было обыкновенным правом на патент, хорошо известным и в Германии, и во Франции, и в Англии, и в США, во всех капиталистических странах, с которыми имела коммерческие связи царская Россия.

¹ Достаточно напомнить ст. 183 Положения 1833 г.: «Если на один и тот же предмет испрашивается будет привилегия разными лицами во время производства, то привилегия вовсе не выдается» (то есть ни тому, ни другому). «Можно представить себе, какое пагубное влияние на право изобретателей имела эта статья,— писал А. Л. Пиленко,— ...всякому конкуренту достаточно было ... представить собственное прошение о выдаче привилегии на то же изобретение, для того чтобы лишить первого изобретателя всех его прав» (А. Л. Пиленко, Право изобретателя, т. I, СПб., 1902, стр. 188).

Этим правилом бюрократический аппарат стремился избавиться от обязанности решать вопрос, кто же является субъектом изобретательского права, если поданы две сходные заявки; в таком случае привилегия никому не выдается по принципу: «не докучай начальству» (см. А. Л. Пиленко, указ. соч., стр. 411).

³ А. Л. Пиленко (Право изобретателя, т. I, СПб., стр. 170—171) правильно подчеркивает значение закона 1870 года как грани, отделяющей период факультативного патентования в России от периода патентования обязательного. Г. Ф. Шершеневич находит эту оценку явно преувеличенной, не приводя, однако, доказательств этому (Курс торгового права, т. II, СПб., 1908, стр. 88, сноски 3).

⁴ Положение о привилегиях 20 мая 1896 г. заменило собой ст. ст. 167—188 Устава о промышленности (см. ст. 196¹—198³⁴ Устава промышленного) по продолжению 1912 года или «Источники торгового права» (за исключением морского права), А. Э. Вормс, М., 1914, стр. 138—142.

⁴ См. ст. 198²².

Закон охранял изобретения и усовершенствования в области промышленности, имеющие существенную новизну¹; те из них, которые представляли собой «научные открытия и отвлеченные теории», не подлежали патентованию. Также не подлежали патентованию химические, вкусовые и пищевые вещества, составные лекарства, способы и аппараты, служащие для приготовления таких лекарств².

Привилегия на изобретение, выдаваемая министром торговли и промышленности, не содержала правительственной гарантии ни принадлежности изобретения тому лицу, которое было обозначено в патенте, «ни пользы изобретения»³. В отношении выдачи патентов закон 1896 года ставил русских подданных в одинаковое положение с иностранными.

Закон 1896 года не стал на позиции заявительской системы: всякая заявка на патент подлежала рассмотрению комитетом по техническим делам при отделе промышленности на основании заключения технически сведущих лиц. Речь шла не только о формальной проверке заявки, но и об установлении существенной новизны изобретения или усовершенствования, и, если такого качества изобретение не имело, патент не выдавался⁴.

Патент действовал не более 15 лет⁵; его можно было передать на весь срок его действия или только на часть срока (лицензия)⁶; патент мог переходить и по наследству.

Отчуждение изобретателем своих прав могло произойти и до выдачи патента; разрешалось «уступать свои права на получение привилегии», как только было выдано охранительное свидетельство, удостоверявшее в сущности только факт поступления заявки на изобретение и выполнение заявителем известных формальностей⁷.

Это правило создавало положение, выгодное для предпринимателей, скупавших изобретения. При покупке у изобретателя самого права запатентовать изобретение можно было сильно урезать цену, ссылаясь на неопределенность перспектив изобретения, на длительность процедуры получения патента и т. д.

Весьма острым для изобретателей является вопрос, признает ли закон за рабочим или служащим право на изобретение, сделанное им на фабрике или заводе, или же такое право

¹ См. ст. ст. 188¹, 198⁴, п. 4 и «б».

² См. ст. 198⁴, п. 1.

³ См. ст. 198²², п. 7.

⁴ См. ст. ст. 198¹², 198¹³, 198¹⁴.

⁵ См. ст. 198¹⁸.

⁶ См. ст. 198²⁵.

⁷ См. ст. 198²⁵, последний абзац.

принадлежит владельцу фабрики, завода, то есть предпринимателю¹.

Постановлений, явно отнимавших у работников их изобретения, закон 1896 года не содержал. Из статей 198⁵ и 198¹⁷ можно было сделать как раз обратный вывод: всякий желающий (а значит, и рабочий или служащий) вправе запатентовать свое изобретение; привилегия на изобретение выдается тому, кто первый сделал заявление.

Не такова была, однако, практика дореволюционных судов и основанные на ней теории дореволюционных русских юристов. Так, один из виднейших специалистов по изобретательскому праву А. Л. Пиленко считал, что нет никакой надобности ограничивать права рабочих-изобретателей в самом законе об изобретениях. «Гораздо проще и естественнее решаются все контroversы,— писал А. Л. Пиленко,— если мы признаем без всяких фикций, что изобретение сделано тем, кто его сделал, то есть рабочим, но что рабочий этот волен отчуждать как уже готовые свои изобретения, так и те, которые он эвентуально сделает в будущем». «Элегантность» этой обездоливающей изобретателей конструкции так умиляет автора, что он даже похвывается перед опровергнутым Колером: «Таким образом, вся контroversа получает элементарный характер вопроса о толковании договора между хозяином и рабочим, и как таковая подлежит, собственно, исключению из системы патентного права...»².

Разумеется, поскольку удалось подвести данный случай ограбления работника под общее правило ограбления трудящегося по договору капиталистического найма, и говорить, собственно, было не о чем.

§ 3. Развитие советского изобретательского права

1. Гражданская война была еще в самом разгаре, когда Советская власть начала регулировать отношения, связанные с изобретениями. Первый декрет, касавшийся изобретений

¹ Выше было показано (§ 1), как капиталисты ущемляют право рабочего или служащего на сделанное им изобретение при помощи специальных оговорок в договорах найма. Буржуазные теоретики права пытались еще более «облегчить» положение предпринимателей, просто отвергая право рабочего или служащего на изобретение, им сделанное. Так, Колер, рассматривал изобретение в качестве сделки, а рабочего, сделавшего изобретение, как представителя фабриканта. При такой конструкции оказывалось, что изобретал не рабочий, а представляемый им фабрикант (I. Kohler, Handbuch des Patentrechts, 1901, стр. 242, 601).

² А. Пиленко, Право изобретателя, т. 1, СПб., 1902, стр. 417.

в РСФСР, был подписан В. И. Лениным уже 30 июня 1919 г.¹. Это неудивительно. С самого начала ставя перед собой широчайшие задачи восстановления народного хозяйства с дальнейшей целью перестроить его в огромный индустриальный и сельскохозяйственный фундамент социализма, Советское государство кровно было заинтересовано в быстрейшем росте новой техники и потому должно было уделять особое внимание изобретателям и новаторам техники. Необходимо было как можно скорее создать подходящие условия для работы изобретателей, чтобы превратить изобретательство в широкое движение, чтобы изжить изобретательство как творчество горемык-одиночек, предоставленных собственным целям и собственной судьбе. Необходимо было так построить организационно-правовые формы изобретательского дела, чтобы добиться скорейшего и наиболее полного использования всех полезных для народного хозяйства изобретений. Все эти идеи нашли свое выражение в ленинском декрете об изобретениях от 30 июня 1919 г. Совершенно справедливо А. В. Венедиктов отметил, что «заботой партии и государства о развитии творческой инициативы рабочего класса и всех трудящихся и наиболее полном и рациональном ее использовании в интересах социалистического хозяйства было проникнуто и Положение об изобретениях, утвержденное СНК 30 июня 1919 г.»². Положение об изобретениях 1919 года порывает с патентным законодательством дореволюционной России, отменяет «все законы и положения о привилегиях на изобретения, изданные до опубликования... декрета» (ст. 10). Это касалось только дореволюционного изобретательского права, еще продолжавшего действовать в первые два года существования Советского государства; до 30 июня 1919 г. Советская власть никаких законов или постановлений об изобретениях или о патентах еще не издавала. Положение 30 июня 1919 г. впервые в мире устанавливает охрану авторства изобретателей не путем выдачи им патентов и наделения их исключительными правами, а путем выдачи действительному изобретателю авторского свидетельства (ст. ст. 4 и 6). Нужно согласиться с А. В. Венедиктовым в том, что авторское свидетельство этого времени являлось предшественником действующей в наши дни системы авторского свидетельства.

¹ СУ РСФСР 1919 г. № 34, ст. 341. Этот декрет действовал до 15 сентября 1924 г., когда он был признан утратившим силу в связи с изданием союзного закона — постановления ЦИК и СНК СССР от 12 сентября 1924 г. «О введении в действие постановления о патентах на изобретения и декрета о промышленных образцах» (СЗ СССР 1924 г., ст. ст. 97 и 98).

² А. В. Венедиктов, Организация государственной промышленности в СССР, т. 1, 1957, стр. 641—642.

«Всякое изобретение, признанное полезным Комитетом по делам изобретений¹, может быть по постановлению президиума Высшего Совета Народного Хозяйства объявлено достоянием РСФСР», — говорилось в ст. 1 декрета 1919 года.

Таким образом, изобретения делились на две группы: а) изобретения, объявленные достоянием РСФСР ввиду их полезности, б) прочие изобретения. Вторую группу Положение об изобретениях 1919 года оставило без прямого регулирования, а первую регулировало достаточно детально. Статья 2 Положения устанавливала общий принцип, по которому изобретения, объявленные достоянием РСФСР (за исключением секретных), по опубликовании об этом должны были поступать в общее пользование всех граждан и учреждений «на особых условиях, в каждом отдельном случае оговоренных».

В группе изобретений, объявленных достоянием государства, были особо выделены те, которые относились к государственной обороне или являлись «особо важными для России». Эти изобретения под страхом уголовного преследования не подлежали патентованию за границей, передаче третьим лицам или вообще разглашению. Отсюда следовало, что иные изобретения, признанные достоянием государства, а тем более все изобретения, не признанные полезными Комитетом по делам изобретений и потому не ставшие достоянием государства, могли передаваться третьим лицам. Каким путем изобретатель мог получить вознаграждение за использование таких изобретений, декрет не указывал. Значит, оставался открытым обыкновенный гражданско-правовой способ — договорное соглашение между изобретателем и предприятием, заинтересованным в использовании изобретения. Это соображение подкреплялось правилом ст. 3 декрета об изобретениях, объявленных достоянием РСФСР, где момент договорного соглашения был подчеркнут. Там устанавливалось, что самое объявление изобретения достоянием государства должно было происходить по соглашению с изобретателем. В это соглашение входило, разумеется, и условие о вознаграждении изобретателя. Если же соглашение с изобретателем не могло состояться, то объявление изобретения государственным достоянием могло происходить принудительно, то есть помимо воли изобретателя. Но и в этом случае изобретателю должно было выплачиваться «особое вознаграждение, не подлежащее налоговому обложению».

¹ Статья 9 Положения об изобретениях от 30 июня 1919 г. устанавливала, что все дела по изобретениям сосредоточиваются в Комитете по делам изобретений при научно-техническом отделе Высшего Совета Народного Хозяйства.

Декрет об изобретениях 1919 года не касался вопроса о новизне изобретения и о порядке установления новизны. По-видимому, эта сторона дела представлялась достаточно ясной, и существенным было лишь обеспечение государству возможности использовать все полезные изобретения. Декрет 1919 года стал на путь заявительской системы, подчеркивая при этом, что авторское свидетельство на изобретения и вознаграждение за использование изобретения могут выдаваться только действительному изобретателю. Подававший заявление с просьбой о выдаче авторского свидетельства на изобретение должен был дать особую подписку в том, что он является изобретателем (ст. 6).

Положение об изобретениях 1919 года содержало в себе и норму наследственного права (ст. 8). Подобно первым декретам об авторском праве Положение об изобретениях подчиняло наследование прав изобретателя общим нормам декрета об «Отмене наследования» от 27 апреля 1918 г.¹

Положение об изобретениях от 30 июня 1919 г. получило свое развитие в постановлении Высшего Совета Народного Хозяйства от 9 декабря 1920 г., определившего в точности функции Комитета по делам изобретений².

Постановление ВСНХ о Комитете по делам об изобретениях от 9 декабря 1920 г. определяет Комитет как центральное всероссийское учреждение, обслуживающее в пределах Советской России все учреждения по делам изобретений.

На Комитет были возложены прием, рассмотрение и регистрация заявлений о сделанных изобретениях и моделях. Таким образом, круг объектов советского изобретательского права расширился³.

Положение 9 декабря 1920 г. различало свидетельства заявочные (то есть те, которые устанавливали приоритет, первенство заявки изобретателя) и свидетельства авторские, устанавливавшие существование самого права изобретателя. Вопрос

¹ СУ РСФСР 1918 г. № 34, ст. 456. См. об этом подробнее Б. С. Антимонов, К. А. Граве, Советское наследственное право (том курса советского гражданского права, Госюриздат, 1955, стр. 19—20, 25—32).

² СУ РСФСР 1920 г. № 39, ст. 523. Положение о Комитете по делам изобретений при НТО ВСНХ РСФСР от 9 декабря 1920 г. было отменено с 15 сентября 1924 г. в связи с изданием союзного закона о патентах на изобретения и декрета о промышленных образцах (СЗ СССР 1924 г. № 9, ст. 97 и 98).

³ В постановлении ЦИК и СНК СССР от 12 сентября 1924 г. (СЗ СССР 1924 г. № 9, ст. 98) под термином «промышленные образцы» были объединены промышленные рисунки и промышленные модели. Поскольку речь шла о новизне по виду, по форме, по устройству или расположению частей «моделя» предназначенных для промышленности, поскольку «образец» мог быть своего характера изобретением (примечание к ст. 1), нужно признать промышленную модель самостоятельным объектом изобретательского права.

сы о новизне и о полезности изобретения в постановлении 1920 года строго различались: определением новизны должно было заниматься в Комитете отделение заявок на изобретения и модели, а определением полезности — другое отделение, техническое (пп. «а» и «б» ст. 3 Положения).

Положение о Комитете по делам изобретений 1920 года уже взяло курс на развитие массового изобретательского движения, не ограничиваясь моментами регистрации сделанных предложений и их изучением на предмет установления новизны и полезности. На Комитет по делам изобретений возлагался учет изобретений, усовершенствований и моделей, признанных полезными, и «определение сферы и условий их применения», широкое содействие применению полезных изобретений, принятие мер «к пробуждению инициативы путем устройства конкурсов и содействия широкому массовому творчеству», широкого распространения среди рабочих масс ценных и важнейших изобретений. Вопросами внедрения изобретений, развития и популяризации изобретательского массового движения должно было ведать отделение распространения изобретений¹.

Положение о Комитете по делам изобретений 1920 года чрезвычайно характерно и в трактовке вопроса о вознаграждении изобретателей.

Оценочное отделение Комитета должно было вести учет применения признанных полезными изобретений в различных производствах республики и определять размер и норму вознаграждения изобретателя. Таким образом, выплачиваемая изобретателю сумма принципиально ставилась в зависимость от результатов использования его предложения. Вознаграждение изобретателю утверждалось научно-техническим отделом ВСНХ, в ведении которого состоял Комитет по делам изобретений.

Нужно отметить, что Положение 9 декабря 1920 г. не устанавливало еще правила об уплате вознаграждения изобретателю из средств того предприятия, которое непосредственно применяло изобретение, так как это было невозможно до перевода промышленного предприятия на хозяйственный расчет. Независимо от кредитов по смете на содержание аппарата самого Комитета президиум ВСНХ утверждал Комитету по делам изобретений «особый фонд премий изобретателям». Из этого фонда и производились выплаты вознаграждений как авторам изобретений, объявленных достоянием РСФСР, так

¹ В то время как функция и состав отделений заявок, технического и оценочного были детально определены в ст. ст. 4, 5 и 6 Положения от 9 декабря 1920 г., отделение распространения изобретений было лишь упомянуто в ст. 3, п. «з», Положения. Функции этого отделения сливались с функциями Комитета в целом (ст. 1).

и авторам других используемых изобретений, а также и изобретений, премированных на конкурсах. Таким образом «фонд премий» был вместе с тем и фондом вознаграждения изобретателей. В условиях гражданской войны, хозяйственной разрухи учет использования изобретения не мог, конечно, претендовать на достаточную точность, и потому результативное вознаграждение изобретателя неизбежно сливалось с премиальной выплатой.

Статья 9 Положения о Комитете по делам изобретений 1920 года, как отмечено выше, различала выплату вознаграждения за изобретение, объявленное достоянием Республики, и вознаграждения за использование других изобретений: указывалось, что в последнем случае оплата должна была производиться в меньшем размере.

Существенно, что Положение 1920 года предусматривало организацию Бюро предварительной консультации (БПК) с отделениями на местах. В позднейших постановлениях Партии и Правительства об изобретательстве организация технической консультации массового изобретателя занимает важное место: первоначальной формой такой организации и были БПК 1920 года, хотя размах их работы по условиям времени был весьма ограничен.

2. Закон о патентах на изобретения 1924 года¹ и одновременно появившийся закон о промышленных образцах (рисунки и модели)², были первыми актами СССР в области изобретательства. Единство экономики Советского Союза обуславливало общесоюзное регулирование отношений по изобретательству. Вместе с тем рассматриваемые законы 1924 года были актами новой экономической политики, и все условия периода восстановления народного хозяйства ярко отражены в этих актах³.

К восстановлению народного хозяйства в период нэпа были привлечены и частные предприниматели в определенных границах и на установленных условиях. Поэтому закон 1924 года был законом о патентах на изобретение; приобрести патент у изобретателя или получить лицензию из патента могло не только государство, кооперативная организация, но также частный предприниматель (ст. 10 закона от 12 сентября 1924 г.).

¹ См. постановление ЦИК и СНК СССР от 12 сентября 1924 г., СЗ СССР 1924 г. № 9, ст. 97.

² См. там же, ст. 98.

³ См. также постановление Совета Труда и Оборона от 12 июля 1925 г. «О порядке приобретения патентов и лицензий на изобретения государственными учреждениями и предприятиями», СЗ СССР 1925 г. № 50, ст. 378.

Советское социалистическое государство сохраняло в своих руках все командные высоты в народном хозяйстве. Поэтому в ст. 15 закона предусматривалось право государства при невозможности достигнуть добровольного соглашения с изобретателем принудительно отчудить патент в свою пользу или установить принудительную лицензию в пределах потребностей учреждений или предприятий. Принудительное отчуждение патента в пользу государства могло последовать только по особому в каждом отдельном случае постановлению Совета Труда и Оборона. Изобретателю в этих случаях выплачивалось вознаграждение по оценке¹. По справедливому замечанию А. Ф. Гармашева, закон 1924 года сильно ограничивал исключительное право автора в интересах общественных и государственных путем предоставления государству права устанавливать принудительные лицензии².

Нужно отметить значительную роль, которую сыграли постановления правительства и акты ВСНХ 20—30-х годов, направленные на развитие массового изобретательства в условиях действия патентной системы³.

Закон о патентах 1924 года тщательно предусмотрел охрану прав трудящегося-изобретателя от закабаления в условиях частной фабрики, мастерской. Изобретатель сохранял право запатентовать свое изобретение и в том случае, если он работал на каком-либо предприятии в то время, когда сделал изобретение. Договор с владельцем предприятия об отказе от права на будущее изобретение объявлялся недействительным, если изыскание изобретения не входило в круг служебных обязанностей изобретателя.

Закон 1924 года содержал и другую норму, существенную для изобретателей-трудящихся. Лицо, получившее патент, обя-

¹ См. приложение 1 к постановлению от 12 сентября 1924 г., постановление Совета Труда и Оборона от 20 июля 1925 г. (СЗ СССР 1925 г. № 50, ст. 378).

² См. А. Ф. Гармашев, 40 лет советского изобретательства, «Изобретательство в СССР» 1957 г. № 11, стр. 3.

³ Таковы постановления СНК СССР от 26 апреля 1928 г. «О мероприятиях по содействию изобретательству», от 7 августа 1928 г. «Об организации научно-исследовательских работ для нужд изобретательства», от 14 июля 1928 г. «Об использовании изобретений»; постановление СТО от 20 июля 1925 г., утвердившее инструкцию «О порядке приобретения патентов и лицензий на изобретения государственными учреждениями и предприятиями».

Среди актов ВСНХ СССР отметим приказы об организации постоянно действующих бюро по рационализации (БРИЗы) на предприятиях, в трестах, главках; постановление ВСНХ и ВЦСПС от 23 апреля 1928 г. о мероприятиях по содействию рабочему изобретательству, постановления президиума ВСНХ от 18 июля 1929 г. о поощрении инициативы по внедрению рационализаторских мероприятий и от 6 августа 1930 г. о фонде содействия рабочему изобретательству и др.

зано было ежегодно уплачивать пошлину¹. Однако пошлина взыскивалась только с момента осуществления изобретения на территории СССР. Кроме того, рабочие и служащие, освобожденные от подоходного налога, и другие неимущие изобретатели пользовались правом на отсрочку или рассрочку уплаты пошлины (ст. 15).

Закон 1924 года охранял интересы социалистических предприятий. На действовавших в то время государственных предприятиях нередко применялись изобретения, которые не были запатентованы. Это обстоятельство было учтено законом, который устанавливал, что за преждепользователем сохранялось право продолжать применение освоенной им техники, невзирая на выдачу патента на изобретение какому-либо другому лицу. Отсюда следовало, что лица, которые до дня публикации о выдаче заявителю свидетельства об изобретении добросовестно применяли в СССР это изобретение, сохраняли и в дальнейшем право промышленного применения изобретения исключительно для нужд предприятия. Такое же право предоставлялось и тем лицам, которые хотя еще и не начали применять изобретения до публикации изобретательской заявки, но «сделали все необходимые к тому приготовления» (ст. 16). Закон 1924 года сформулировал правило о преждепользователях в общей форме, говоря о «лицах», но практически в положении преждепользователей могли оказаться главным образом государственные и отчасти кооперативные предприятия. Вводя институт преждепользования, закон 1924 года освобождал, таким образом, государственную промышленность от излишних расходов на приобретение патентов или лицензий из патентов на изобретения, фактически уже внедренные в промышленность, но незапатентованные и неопубликованные.

Далее, хотя срок действия патентов вообще был установлен в 15 лет (ст. 17), но патент мог быть аннулирован судом, если в течение 5 лет с момента его выдачи он умышленно не был использован в промышленности ни патентообладателем, ни лицами, получившими на него лицензии. Это правило пресекало возможность частным предприятиям конкурировать с социалистической промышленностью путем скупки патентов в соответствующих отраслях техники без намерения их использовать в действительности.

Стремясь поощрять изобретателей, закон 1924 года предусматривал, что патент переходит по наследству, но «не входит в состав наследственной массы» (ст. 10). Дело в том, что ГК

¹ См. постановление ЦИК и СНК СССР от 12 сентября 1924 г., приложение 2 (Правила о взимании пошлин за патенты на изобретение — СЗ СССР 1924 г. № 9, ст. 97).

РСФСР и ГК других союзных республик (в первоначальной их редакции) ограничивали размер наследства суммой 10 тыс. руб. золотом. Поскольку патент не включался в наследственную массу, он всегда переходил к наследникам патентообладателя, притом сверх 10 тыс. руб.

Закон о патентах 1924 года предусматривал выдачу патентов на новые изобретения, допускающие промышленное использование¹.

Патент мог быть выдан действительному изобретателю или его правопреемнику. При этом в патенте, выдаваемом правопреемнику изобретателя, должно было указываться не только имя лица, получившего патент, но и имя действительного изобретателя (ст. 3). Таким образом, личные неимущественные интересы изобретателя получали защиту закона во всех случаях, даже в тех, когда право на получение патента было проदानо изобретателем.

Закон 1924 года установил экспертизу новизны и патентоспособности изобретений (ст. 36) и тем самым принял систему предварительной проверки по существу заявок на изобретения².

3. Следующей вехой советского изобретательского права были закон от 9 апреля 1931 г. № 3/256, утвердивший Положение об изобретениях и технических усовершенствованиях³, и последовавшая за ним инструкция Комитета по изобретательству при Совете Труда и Обороне «О вознаграждении за изобретения, технические и организационные усовершенствования»⁴.

Закон 9 апреля 1931 г. появился в совершенно иной обстановке, чем отмененный им закон 12 сентября 1924 г., характерный для периода восстановления народного хозяйства и новой экономической политики.

К 1931 году построение фундамента социализма в СССР уже завершалось, страна приступила к борьбе за социалистическую реконструкцию всего народного хозяйства, за полную и окончательную победу социализма. Закон 1931 года был из-

¹ Не могли быть запатентованы лечебные, пищевые и вкусовые вещества, а равно вещества, полученные химическим путем. Но патент мог быть получен на новый способ изготовления таких веществ.

Запрещена была выдача патентов на изобретения, применение которых было бы противно закону (ст. 1).

² Закон 1924 года предусматривал упрощенный порядок отклонения заявок. В ст. 33 говорилось, что в том случае, если предварительное рассмотрение (до назначения экспертизы) обнаружит «ошибочность» или «явную неосуществимость» предложения, то «дело дальнейшего хода не получает и выдача заявочного свидетельства не производится». Имелись в виду предложения «вечного движения» и т. п.

³ См. постановление ЦИК и СНК СССР от 9 апреля 1931 г., СЗ СССР 1931 г. № 21, ст. 180.

⁴ См. «Вестник Комитета по изобретениям при СТО» от 10 октября 1931 г. № 10; от 30 апреля 1932 г. № 3—4.

дан по инициативе партии, ему предшествовало постановление ЦК ВКП(б) от 26 октября 1930 г. «О массовом изобретательстве»¹, которое стало программным для целого периода правового регулирования изобретательства в нашей стране и определило содержание закона 9 апреля 1931 г. В своем постановлении Центральный Комитет подчеркивал, что «в период огромного роста социалистического строительства и творческой инициативы рабочего класса исключительное значение приобретает массовое изобретательство как одна из важнейших форм непосредственного участия рабочих в социалистической реорганизации производства».

Центральный Комитет ВКП(б) потребовал, чтобы вся работа изобретателей и изобретательских органов была «теснейшим образом увязана с общими планами рационализации и реконструкции, с широкой организацией социалистического обмена опытом между предприятиями».

В постановлении «О массовом изобретательстве» предусматривался, далее, ряд мероприятий как в плане общественной инициативы, так и государственного регулирования. В частности, ЦК ВКП(б) поддержал инициативу ВЦСПС об организации массового добровольного общества изобретателей, решил укомплектовать изобретательские органы на предприятиях кадрами из состава изобретателей, ударников и специалистов-общественников. По линии же государственного строительства ЦК ВКП(б) признал необходимым организовать при Совете Труда и Оборона правительственный Комитет по изобретательству, чтобы координировать работу изобретательских органов в промышленности, на транспорте, во всех отраслях народного хозяйства. Кроме того, ЦК ВКП(б) поручил коммунистической фракции ЦИК СССР ускорить издание нового закона об изобретениях, обеспечивающего развитие и использование массового изобретательства в СССР. Закон 1924 года с его патентной системой был приспособлен к условиям производства с участием частнокапиталистических элементов и центр тяжести развития изобретательства перелagal на плечи самих изобретателей; государственные органы были призваны только поддерживать изобретательское движение и охранять исключительные патентные права изобретателей. Закон 9 апреля 1931 г. дал развернутое регулирование изобретательского дела на новых началах. Характерна вступительная часть закона 1931 года. Там говорилось: «Действовавшее до сих пор патентное законодательство, охраняющее интересы изобретателя путем предоставления ему исключительного права на его изобретение, уже не соответствует стремлениям передовых изобретателей — соз-

¹ См. «Известия ЦИК» от 29 октября 1930 г.

нательных строителей социалистического общества». Учитывая опыт первого декрета РСФСР об изобретениях от 30 июня 1919 г. и закона 1924 года, Положение об изобретениях и технических усовершенствованиях 1931 года допустило по выбору самого изобретателя охрану его прав либо путем выдачи ему авторского свидетельства, либо путем выдачи патента. В первом случае право использования изобретения в пределах СССР принадлежало государству, а также кооперации и другим организациям обобществленного сектора¹. Вознаграждение изобретателю, получившему авторское свидетельство, выплачивалось отраслевым органом по изобретательству в основном — в зависимости от размера годовой экономии, даваемой изобретением². За предложения, «основная польза от которых выражается не в экономии», размер вознаграждения изобретателя должен был определяться в зависимости от важности предложения. Для этого оно «должно было приравняться к предложению, дающему ту или иную сумму годовой экономии». Во втором случае, когда выдавался патент, обладатель его приобретал сроком на 15 лет исключительное право на использование изобретения. Все другие лица, в том числе и государственные организации, могли использовать изобретение только с разрешения (по лицензии) обладателя патента, с оплатой на условиях соглашения с обладателем патента³. Эти положения прочно вошли в наше изобретательское право и были воспроизведены в актах, отменивших и заменивших закон 9 апреля 1931 г.⁴. Но в законе 9 апреля 1931 г. были и нормы, имевшие временный характер. Так, в ст. 4, п. «в», оговаривалось, что, получив авторское свидетельство, сам изобретатель (или его наследник), «если он кустарь или частный предприниматель, может использовать изобретение в своем предприятии»; п. «л» той же ст. 4 предусматривал, что «прочие частные лица, а также кооперативы, не входящие в кооперативную систему», могут использовать изобретение, на которое получено авторское свидетельство, только с разрешения отраслевого государственного органа, к ведению которого относится данное изобретение. После исчезновения из нашей экономики частного предпринимательства, в частности,

¹ См. ст. 4 Положения.

² См. ст. ст. 87, 90 Положения и ст. ст. 2—6 инструкции Комитета по изобретательству при СТО от 31 октября 1931 г. Вознаграждение выплачивалось в пределах не менее 100 руб. и не свыше 100 тыс. руб. Процент вознаграждения к годовой экономии составлял 20% при годовой экономии от 1 тыс. до 5 тыс. руб. и снижался до 2% при годовой экономии от 500 тыс. до 1 млн. руб. и более.

³ См. ст. ст. 5, 7 Положения.

⁴ См. ст. ст. 1, 3, 4 Положения об изобретениях и технических усовершенствованиях от 5 марта 1941 г. (СП СССР 1941 г. № 9, ст. 150).

так называемых «диких» артелей, не входивших в кооперативные системы, надобность в упомянутых нормах отпала, и в последующем законодательстве об изобретениях они уже не встречаются.

Положение 1931 года было первым в мире законом, который объявил объектом изобретательского права не только «новые изобретения», но и «прочие технические усовершенствования».

Лица, предложившие государственному органу или организации обобщественного сектора «технические усовершенствования, которые не являются новыми изобретениями», получали об этом удостоверения от тех организаций, которые приняли и стали использовать такие предложения. Вознаграждение этим лицам выплачивалось «по особой шкале ставок»¹.

Инструкция Комитета по изобретательству при Совете Труда и Обороне от 31 октября 1931 г., изданная в развитие закона 9 апреля 1931 г., пошла дальше и предусмотрела еще один объект изобретательского права — организационные усовершенствования.

Таким образом, возникло трехчленное деление объектов изобретательского права: 1) изобретение в тесном смысле, 2) техническое усовершенствование, 3) организационное усовершенствование.

Изобретение четко ограничивалось от двух других объектов, как предложение, имеющее новизну («новые изобретения»). Определения объектов, не имеющих новизны, давались не в самом законе 9 апреля 1931 г., а в инструкции Комитета по изобретательству от 31 октября 1931 г. (ст. 1.).

Как уже отмечено ранее, технические усовершенствования и организационные предложения объединялись в одну категорию общим отрицательным признаком: в отличие от изобретений в собственном смысле эти предложения не имели новизны. Видовое отличие технического усовершенствования состояло в том, что это было предложение, «имеющее техническо-конструктивный характер или изменяющее технологический процесс

¹ В соответствии со ст. 90 закона 1931 года инструкция Комитета по изобретательству при СТО от 31 октября 1931 г. предусматривала (в ст. 7) вознаграждение за техническое усовершенствование в пределах от 50 руб. до 50 тыс. руб. в зависимости от экономии, даваемой предложением. Точный размер вознаграждения исчислялся в процентном отношении к полученной экономии. Проценты были дифференцированы так, что при экономии от 500 до 1 тыс. руб. автору предложения выплачивалось 20% от экономии плюс 50 руб., а при экономии от 10 тыс. руб. до 50 тыс. руб. вознаграждение составляло 5% плюс 630 руб. В общем вознаграждение за техническое усовершенствование равнялось почти половине вознаграждения, которое причиталось бы за «новое изобретение».

производства)¹. «Организационные усовершенствования» были отграничены от технических усовершенствований только одним признаком: они были охарактеризованы как «прочие полезные предложения». Сюда, следовательно, надлежало причислить все те предложения, которые не имели новизны (то есть не являлись изобретениями) и вместе с тем не могли быть причислены к техническим усовершенствованиям. Очевидно, подразумевалось, что организационные усовершенствования не меняли ни техники, ни технологии производства, во всяком случае не изменяли их существенно. Нужно признать, что критерий отличия технических усовершенствований от организационных усовершенствований получился недостаточно ясный, поскольку трудно представить себе такое изменение организации производства, которое не затрагивало бы техники и технологии этого производства.

С законом 1931 года связан целый ряд последовавших за ним нормативных актов, имеющих принципиальное значение. Среди них нужно отметить:

а) Положение о конфликтных комиссиях на предприятиях по рассмотрению споров о размере и порядке выплаты вознаграждения за технические и организационные предложения (утверждено президиумом Комитета при СТО 19 ноября 1932 г.²). Характерным для этого Положения и для инструкционного к нему постановления № 17 Комитета по изобретательству при СТО от 28 июля 1934 г.³ было привлечение к разрешению споров между администрацией и новаторами производства общественности — представителя общества изобретателей или профессионального союза.

б) Положение о фондах премирования за достижения по выполнению и перевыполнению промфинплана, а также за изобретения, технические усовершенствования и рационализаторские предложения от 13 августа 1931 г.⁴

Фонд содействия изобретательству и рационализации должен был образовываться в размере половины экономии, исчисленной за первый год применения каждого изобретения, технического усовершенствования и рационализаторского предложения на данном предприятии. При этом фонд содействия

¹ В ст. 1 инструкции Комитета по изобретательству при СТО от 31 октября 1931 г. к этому был добавлен еще один признак: «если на них не получено авторское свидетельство». Это добавление давало повод к сомнениям, нельзя ли считать «изобретениями» также и технические усовершенствования. Однако в действительности здесь не более, чем редакционная неясность: авторское свидетельство можно было получить лишь на предложение, имевшее новизну.

² См. «Вестник Комитета» № 10 от 31 октября 1932 г.

³ См. «Вестник Комитета» № 5/6 от 31 мая (30 июня) 1934 г.

⁴ СЗ СССР 1931 г. № 52, ст. 338.

изобретательству мог пополняться и за счет оборотных средств предприятия. Во вновь открытых предприятиях фонд содействия должен был образовываться в размере $\frac{1}{4}\%$ установленной для данного предприятия фонда зарплаты; в дальнейшем взятая из фонда зарплаты сумма должна была пополняться за счет обычного источника — отчисления 50% экономии от использования новаторских предложений.

Если образованный фонд содействия оказывался израсходованным, то разрешалось производить расходы на вознаграждение новаторов за счет оборотных средств (с последующим возмещением истраченных оборотных средств из дальнейших поступлений в фонд содействия).

Таким образом, на каждом предприятии создавалась материальная база новаторского движения. Фонды содействия в трестах, объединениях, ведомствах расширяли и укрепляли эту материальную базу.

в) Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов организовал массовое добровольное общество изобретателей для проведения массовых мероприятий по развитию общественной самодеятельности, коллективных методов работы и общественного контроля в деле продвижения и реализации всякого рода усовершенствований и изобретений. Решение ВЦСПС об организации общества рабочих изобретателей было одобрено постановлением ЦК ВКП(б) «О массовом изобретательстве» от 23 октября 1930 г.¹ Это общество должно было работать под непосредственным руководством профессиональных союзов, а ВСНХ, НКПС, и все хозяйственные наркоматы обязаны были принимать активное участие в работе общества и оказывать ему всемерное содействие и помощь.

Постановлением ЦК ВКП(б) от 23 октября 1930 г. (п. 5) было специально поручено ЦК ВЛКСМ обеспечить активное участие комсомола в борьбе с бюрократизмом и волокитой в изобретательских делах, а также широкое вовлечение молодежи в работу изобретательских ячеек и органов реализации изобретений.

В 1936 году была произведена реорганизация руководства изобретательским делом. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 22 июля 1936 г. был упразднен Комитет по изобретательству при СТО². Разработка планов внедрения изобретений была передана ведомствам — народным комиссариатам СССР, а утверждение этих планов — СНК СССР. В централизованном порядке с 1936 года стала производиться только одна операция: Госплану поручалась последующая регистрация всех авторских

¹ См. «Известия ЦИК» № 299 от 29 октября 1930 г.

² СЗ СССР 1936 г. № 39, ст. 334.

свидетельств и патентов. Но самая выдача авторских свидетельств и патентов, определение их полезности были поручены ведомствам. Разумеется, пришлось оставить единым и централизованным так называемый патентный архив, где сосредоточивались все ранее сделанные изобретательские предложения; без такой централизации невозможно было, не затягивая чрезмерно процедуру, определять новизну предложений. Новая система наряду с преимуществом децентрализации имела и ряд существенных недостатков. Прежде всего дали о себе знать все неудобства ведомственных перегородок. Известно, что очень многие изобретения применимы в разных областях народного хозяйства. Неодинаковый подход к определению полезности изобретения и к его оценке в различных ведомствах нередко приводил к затягиванию внедрения изобретения и случайности в судьбе отдельного изобретения, которая зависела, например, от того, в какое ведомство изобретательское предложение попадало первоначально.

Вместе с тем оказывалось, что формальная последующая регистрация изобретения в центральном органе — Госплане, не руководящем внедрением изобретений в народное хозяйство и не уполномоченным объединять практику ведомств в области изобретательства и вознаграждения изобретателей, не могла заменить собой хотя бы частично деятельности такого органа, каким был Комитет по изобретательству. Эти обстоятельства заставили через некоторое время, уже после отмены закона 1931 года, снова возвратиться к центральному учреждению по делам изобретательства.

4. Закон 9 апреля 1931 г. действовал до отмены и замены его постановлением СНК СССР от 5 марта 1941 г., утвердившим новое Положение об изобретениях и технических усовершенствованиях¹.

Положение 1941 года не было по своему содержанию принципиально новым нормированием изобретательства в сравнении с отмененным законом 1931 года. Положение 1941 года вносило лишь изменение в отдельные, ранее действовавшие правила. В одних случаях эти изменения совершенствовали правовую технику, в других вносили неясность.

Так, ст. 1 закона 1931 года прямо определяла объекты изобретательского права: новые изобретения и прочие технические усовершенствования; в Положении же 1941 года отсутствовало определение объектов изобретательского права. Вместо этого

¹ 27 ноября 1942 г. СНК СССР утвердил представленную Наркомфином СССР инструкцию «О вознаграждении за изобретения, технические усовершенствования и рационализаторские предложения», заменившую собой инструкцию от 31 октября 1931 г.

ст. 1 Положения 1941 года говорила о порядке охраны прав изобретателя: об авторском свидетельстве и патенте. О технических усовершенствованиях в Положении 1941 года было упомянуто лишь в ст. 9 без характеристики их природы (отсутствия в них существенной новизны). Определения объектов изобретательского права, не имеющих существенной новизны — технического усовершенствования и рационализаторского предложения, были даны в инструкции «О вознаграждении за изобретения, технические усовершенствования и рационализаторские предложения» 1942 года, что нельзя признать удачным с точки зрения правовой техники. Самое подразделение объектов изобретательского права, не имеющих существенной новизны, на две группы: технические усовершенствования и рационализаторские предложения, было дано в п. 2 инструкции 1942 года настолько сложно и нечетко, что послужило причиной многочисленных сомнений и споров и в литературе, и в практике судов. Дело в том, что, определяя технические усовершенствования, инструкция 1942 года говорила об «улучшении конструкций или технологических процессов», а в отношении рационализаторских предложений указывала на «непосредственное улучшение производственно-технического характера», но «несущественно изменяющее конструкции или технические процессы».

В Положении 1941 года (ст. 1) говорилось об «авторском праве» на изобретения (вместо авторства), и тем создавалась неясность в соотношении между авторским правом и правом изобретательским.

Неясность в положении 1941 года создавалась и по поводу соотношения между режимом авторского свидетельства и режимом патента (ст. 42 и сл.). В то время как закон 1931 года (ст. 66) прямо предусматривал, что спор по поводу новизны или по поводу авторства возможен в течение всего действия патента, Положение 1941 года (ст. ст. 42 и 45) изложило соответствующую норму о сроке оспаривания авторства менее ясно. Это привело к разногласиям в литературе¹.

Сравнивая закон 1931 года с Положением 1941 года, нужно отметить два существенных новшества последнего. Во-первых, Положение не знает конфликтных комиссий с участием профсоюзов для рассмотрения жалоб о размере выплаты вознаграждений изобретателям и лицам, предложившим техниче-

¹ Л. И. Поволоцкий (Изобретательство и его охрана в Союзе ССР, М., 1941, стр. 56, сноска 1) полагал, что спор об авторстве по патенту возможен по положению 1941 года в течение общего срока исковой давности — трех лет. Н. А. Райгородский (Изобретательское право СССР, Юриздат, 1949, стр. 132) находил, что оспаривание права на патент не ограничено сроком и может иметь место в течение всего срока действия патента.

ские усовершенствования. Положение 1941 года предусматривало либо административный порядок рассмотрения споров, связанных с изобретательством (спору о новизне, о размерах вознаграждения — ст. 38, ч. 3, ст. 23), либо судебный исковой порядок (спору об авторстве, о нарушениях порядка и сроков выплаты вознаграждения) (ст. 24). При этом единый вопрос о вознаграждении новатора был искусственно разделен на две части. Между тем на практике вопрос о размере вознаграждения оказался тесно связанным со спорами о выплате вознаграждения. В судебных спорах о нарушениях порядка выплаты вознаграждения приходилось сталкиваться с изъятим из ведения судов вопросом об исчислении размера этого вознаграждения. Недостатки Положения 1941 года, отмеченные выше, успели достаточно выявиться за 17 лет его действия, их большинство было полностью устранено новым Положением 24 апреля 1959 г.¹

Во время действия Положения 1941 года произошли организационные изменения в области государственного управления, которые затронули функции органов, ведающих изобретательством. В период с 1948 года по 1951 год разрешение вопросов о внедрении изобретений и окончательное разрешение вопросов о новизне предложений, а также выдача авторских свидетельств и патентов сосредоточились в ведении «Гостехники», действовавшей на правах Управления Совета Министров СССР.

После ликвидации «Гостехники СССР» в 1951 году эти функции частью перешли к патентному отделу Управления по стандартизации при Госплане СССР, а несколько позднее патентный отдел перешел в ведение Комитета стандартов, мер и измерительных приборов при Совете Министров СССР. Что касается вопросов внедрения изобретений, а также выдачи авторских свидетельств и патентов, то они в период с 1951 по 1956 г. всецело находились в руках соответствующих министерств и центральных ведомств СССР. Иными словами, в этот период был восстановлен порядок, предусмотренный Положением 1941 года; патентный отдел имел своей задачей только выяснение новизны предложений путем экспертизы. Такое положение существовало до 1956 года. 23 февраля 1956 г. было утверждено Положение о Комитете по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР², к которому и перешли руководство развитием изобретательства и внедрения в народное хозяйство изобретений и открытий, контроль за дея-

¹ СП СССР 1959 г. № 9, ст. 59.

² См. постановление Совета Министров СССР от 23 февраля 1956 г. № 274, см. «Изобретательство в СССР» 1956 г. № 1, стр. 37.

тельностью министерств и ведомств в области внедрения в народное хозяйство изобретений и открытий, охрана государственных интересов СССР в этой области, а также содействие изобретателям и защита их авторских прав.

Комитет организует производство экспертизы по заявкам изобретателей и выдает изобретателям авторские свидетельства и патенты¹. Таким образом, с 1956 года у нас снова действует единый орган по изобретательству, на который возложено общее руководство делом развития изобретательства в СССР².

Образование единого органа по изобретательству представляется особенно целесообразным после проведения серьезной перестройки в области государственного управления — упразднения целого ряда общесоюзных министерств³ и учреждения советов народного хозяйства экономических административных районов, на которые возложены весьма ответственные задачи в руководстве развитием изобретательства⁴.

Как указывалось в постановлении Совета Министров от 23 февраля 1956 г., с образованием Комитета по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР ни в коем случае не снималась и не уменьшалась ответственность руководителей министерств, ведомств, предприятий и организаций за работу с изобретателями и рационализаторами, за внедрение полезных изобретений и рационализаторских предложений и за сохранение государственных интересов в области изобретений и открытий.

5. В Положении об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях от 24 апреля 1959 г. подчеркнута, что Комитету по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР предоставляется право издавать указания, инструкции и разъяснения по применению как самого Положения, так и инструкции о вознаграждении за открытия, изобретения и рационализаторские предложения, обязательные для министерств, ведомств, совнархозов, исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся, предприятий, организаций.

Однако указания и разъяснения по применению инструкции

¹ По заявкам, поданным в министерства или центральные ведомства до 1 апреля 1956 г., выдачу авторских свидетельств и патентов должно было производить то министерство или центральное ведомство, куда заявка была сдана (п. 4 вводного постановления Совета Министров СССР к Положению о Комитете по делам изобретений и открытий от 23 февраля 1956 г.).

² См. п. 23, ч. 1 Положения 1959 года.

³ См. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 декабря 1956 г., утвержденный 20 декабря 1957 г. Верховным Советом СССР («Известия» 21 декабря 1957 г.).

⁴ См. п. 22 Положения о совете народного хозяйства экономического административного района от 23 сентября 1957 г. (СП СССР 1957 г. № 12, ст. 121).

о вознаграждениях должны издаваться Комитетом по согласованию с Министерством финансов СССР¹.

Для нового Положения 1959 года принципиально важно и то, что всю работу по развитию массового движения изобретателей и рационализаторов Комитет должен проводить при участии общественной организации — Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов (п. 22), что новое Положение предусматривает обязательное создание специальных отделов или бюро по изобретательству и рационализации — от министерств, ведомств и совнархозов вплоть до отдельных организаций и предприятий и их цехов (п. 24)².

Особо существенно, что п. 28 нового Положения предусматривает широкое участие профсоюзных организаций в руководстве делом развития изобретательства и рационализации, в проведении экспертиз на полезность предложений и в оказании всесторонней помощи изобретателям и рационализаторам в обеспечении внедрения изобретений и рационализаторских предложений в производство и строительство³.

6. Изучение изобретательского права других социалистических стран — стран народной демократии, — несомненно, является одной из задач, стоящих перед советской наукой гражданского права. Но для разрешения этой задачи, обширной и серьезной, требуется специальное и глубокое научное исследование. Первый шаг в этом направлении сделан в коллективной работе «Гражданское право стран народной демократии», где изобретательское право восьми стран народной демократии изложено в ряде других гражданско-правовых институтов⁴. Однако в настоящее время, когда социализм строится во многих странах, когда опыт социалистического строительства и социалистического правотворчества одной страны изучается и используется во всех других странах социалистического лагеря, невозможно в историческом очерке советского социалистического изобретательского права совсем отказаться от изложения хотя бы основных положений изобретательского права стран народной демократии. Разумеется, неразработанность

¹ См. п. 23 Положения, ч. 4.

² Бюро по изобретательству были учреждены еще в 20-х годах, но при действии Положения 1941 года деятельность их отошла на второй план. Положение 1941 года предусматривало (в ст. 17) лишь БРИЗы Наркоматов и Центросоюза.

³ Стремясь избежать повторений, авторы не включили в главу, посвященную историческому очерку, анализа норм Положения 24 апреля 1959 г. об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях. Этому анализу посвящены все другие главы работы.

⁴ Д. М. Генкин, М. М. Богуславский, В. В. Лаптев, В. С. Поздняков, О. Н. Садиков, Гражданское право стран народной демократии под ред. Д. М. Генкина, Внешторгиздат, 1958.

необходимых источников изобретательского права стран народной демократии в советской науке гражданского права, а в особенности в административной и судебной практике, является серьезным затруднением при осуществлении этого замысла, и авторы отдают себе отчет в недостатках своей попытки, усовершенствовать которую, несомненно, помогут своими монографиями другие исследователи.

«...В мировой социалистической системе идет бурное развитие народного хозяйства и культуры во всех странах. Высокие темпы — это общая закономерность социализма, подтвержденная теперь на опыте всех стран социалистического лагеря... Некоторые страны народной демократии уже вступили в период завершения строительства социализма. Приближается время, когда они, как и Советский Союз, будут строить коммунистическое общество», — так охарактеризовал Н. С. Хрущев ход развития стран народной демократии в докладе XXI чрезвычайному съезду КПСС¹.

Этот ход развития народного хозяйства наложил свой характерный отпечаток и на развитие изобретательского права в странах народной демократии.

После перехода власти в руки народа в большинстве стран народной демократии изобретательское право было создано заново; в других странах народной демократии изобретательское право, ранее действовавшее, было существенно изменено и приспособлено к задачам строительства социализма. Поскольку социалистическое строительство невозможно без новой техники и поскольку быстро развивающаяся экономика стран народной демократии нуждается в скорейшем оснащении совершенной техникой, во всех странах народной демократии правовому регулированию изобретательства уделяется большое внимание. При этом проводится ряд мероприятий для укрепления рабочего изобретательства, для того чтобы придать изобретательству массовый и притом плановый характер. Нужно констатировать, что большинство стран народной демократии весьма подробно регулируют изобретательские отношения и все без исключения признают объектом изобретательского права не только изобретение (то есть предложение, имеющее существенную новизну), но и другие новаторские предложения имеющие лишь новизну на данном предприятии («местную» новизну).

От этого общего положения не должны отвлекать различия в деталях правового регулирования, например, то обстоятельство, что в некоторых странах народной демократии (например, в Китайской Народной Республике), помимо изобре-

¹ «Правда» 28 января 1959 г.

ний, объектами изобретательского права признаются две категории других новаторских предложений, а в некоторых странах народной демократии — три (например, в Румынской Народной Республике) или только одна категория объектов, не имеющих существенной новизны (например, в Германской Демократической Республике, в Чехословацкой Народной Республике, в Венгерской Народной Республике).

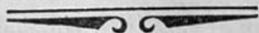
Далее, во всех странах народной демократии система патента на изобретения не является теперь ни единственной, ни даже преобладающей: все большее значение приобретает система авторского свидетельства, при которой изобретатель не приобретает исключительного субъективного права на изобретение.

Правда, в Германской Демократической Республике известны лишь патенты. Однако патентный закон ГДР 6 сентября 1950 г. наряду с «исключительным патентом», имеющим общепринятое юридическое значение патента, предусматривает также «хозяйственный патент». Право на использование изобретения, защищенного «хозяйственным патентом», принадлежит патентовладельцу и тому, кому оно будет предоставлено патентным ведомством. Вознаграждение владельцу такого патента выплачивается в соответствии с экономией, получаемой от использования изобретения. Некоторые черты системы авторского свидетельства, следовательно, имеются налицо в правилах «о хозяйственных патентах» ГДР.

Чехословацкий закон 1957 года об изобретениях, открытиях и рационализаторских предложениях также знает лишь патенты на изобретения. Однако право использования изобретения, сделанного в связи с работой изобретателя в государственной организации или разработанного с материальной поддержкой государства, принадлежит государству. В таком случае изобретение может быть применяемо также народными кооперативами и предприятиями кооперативных организаций.

Кроме того, особая директива 1957 года предусматривает определенные правила оплаты изобретателей по установленной шкале. Эти черты существенно меняют обычный режим патента.

Нет сомнений и в том, что советские законодательные акты в области изобретательского права, изданные в разные периоды, оказали влияние на разработку норм изобретательского права в странах народной демократии.

Глава II

ОБЪЕКТЫ ИЗОБРЕТАТЕЛЬСКОГО ПРАВА

§ 1. Общие положения

Советское изобретательское право регулирует отношения, связанные с созданием и использованием не одних только изобретений. Видное место занимают в сфере его действия также и отношения, возникающие в связи с созданием и использованием новаторских технических предложений другого рода: рационализаторских предложений.

Относящиеся к изобретательству (обыкновенно называемые патентными) законы капиталистических стран также не всегда регулируют только отношения, связанные с изобретениями. Иногда в одном законе наряду с отношениями, связанными с изобретениями, регулируются также и отношения, связанные с созданием и использованием промышленных рисунков, внешнего оформления промышленных изделий вообще¹.

Юридическая литература капиталистических стран относит к единой группе «промышленных» прав наряду с правом на изобретение не только права на промышленные рисунки и образцы, но и права на товарный знак и на фирму предприятия. В новейшей юридической литературе капиталистических стран названные права с присоединением к ним авторского права и некоторых других образуют группу так называемых «интеллектуальных» прав (то есть прав на нематериальные объекты)².

Очевидно, что таким образом объединяются институты и отношения весьма различного содержания. Если создание промышленного рисунка или образца и пользование ими еще

¹ См., например, закон США о патентах 1952 года, закон Великобритании о патентах и промышленных рисунках 1907 года, действовавший с изменениями, внесенными в 1932 году до 1949 г.

² См., например, Julliot de la Morandière, *Droit civil*, t. I, *Petits précis Dalloz*, 1957 г., п. 63, или русский перевод той же книги, Изд-во иностранной литературы, т. I, 1958, п. 63.

допускает некоторое условное сближение или, по крайней мере, сопоставление с созданием и применением изобретения, то пользование товарным знаком, а очень часто и «создание» его (например, когда он представляет собою изображенную определенным графическим способом фамилию предпринимателя), просто несопоставимо с отношениями, возникающими в связи с изобретениями. Незачем говорить о невозможности сопоставления с последними отношений, связанных с использованием фирмой.

Тем не менее сближение тех и других отношений в законодательстве и юридической литературе капиталистических стран неслучайно.

Изобретение не меньше, чем промышленный рисунок или образец, товарный знак или фирма, рассматривается буржуазным правом как объект оборотных сделок. В то же время выраженное в патенте право на изобретение, исторически порожденное, так же как и права на промышленные рисунки, образцы, на товарные знаки или на фирму, конкуренцией между предпринимателями, признается, как и эти последние права, «элементом» торгово-промышленного предприятия как некоторого экономического целого.

Из понятия предприятия как «составного» экономического целого, складывающегося из разнородных по юридической сущности элементов, исходят и законы капиталистических стран о продаже, аренде и залоге предприятий или судебная практика, санкционирующая силу соответствующих сделок¹. Таким образом, регулирование в едином законодательном акте или объединение в научном исследовании отношений, связанных с изобретениями, с «внешним оформлением» продукции, с промышленными рисунками и образцами, товарными знаками и т. п. определяется в конечном итоге товарным характером соответствующих отношений в капиталистическом обществе.

Иначе обосновывается объединение в советском праве регулирования отношений, связанных с изобретениями, и отношений, возникающих в связи с рационализаторскими предложениями. Те и другие отношения возникают в сфере разрешения технических задач и использования предложенного нового решения технической задачи. Однако эти отношения не тождественны, их различие определяется прежде всего неодинаковым значением для техники самих предложений.

Изобретение есть предложение, обогащающее технику новой ранее неизвестной ей возможностью, иногда означающее «техническую революцию» (см. ниже).

¹ См. французский закон о продаже и залоге предприятий от 17 марта 1913 г. с позднейшими изменениями; Stevens Elements of mercantile law, ninth edition by Herbert Jacobs, p. 204.

Рационализаторское предложение есть предложение, направленное на совершенствование не только известных, но и применяемых уже техники (машин, приборов, инструментов и т. п.), технологии производства, способов контроля продукции, наблюдения и исследования производственных процессов, на более эффективное использование оборудования, материалов, энергии или рабочей силы, на повышение качества выпускаемой продукции либо, наконец, на усовершенствование техники безопасности и охраны труда (п. 7 Положения 1959 г.). Не обладая в отличие от изобретения так называемой существенной новизной (подробно см. ниже), рационализаторское предложение улучшает известные и используемые уже предметы и орудия труда, совершенствует производственный процесс или продукцию либо облегчает труд, повышает его безопасность.

Регулируя отношения, связанные с созданием и использованием технических предложений двух названных выше категорий, советское изобретательское право исходит прежде всего из указанного различия их значения для технического прогресса и стремится стимулировать не только рост общего числа технических предложений вообще, но и, в частности, рост числа изобретений. Поэтому советское изобретательское право устанавливает ряд различных норм для отношений, связанных с изобретениями, с одной стороны, и для отношений, связанных с рационализаторскими предложениями, с другой¹.

В то же время закон не ослабляет и значения черт, общих обоим видам новаторских технических предложений — объектов советского изобретательского права.

1. Объекты советского изобретательского права как одного, так и другого из двух названных выше видов являются результатом творческого труда, направленного на создание нематериального блага. Иначе говоря, оба вида объектов советского изобретательского права — как изобретение, так и рационализаторское предложение — являются нематериальными благами. Это роднит их с объектами авторского права². Их целью может быть и часто является воздействие на определенные материальные блага, например, повышение качества каких-либо вещей. Иногда изобретение открывает возможность производить новые,

¹ В автореферате кандидатской диссертации «Охрана прав новатора производства в СССР», Харьков, 1952, Б. В. Поклонский утверждает, будто «советское законодательство устанавливает одинаковые принципы при регулировании всех видов производственного новаторства» и даже, по его мнению, «не создает никакого особого режима изобретений» (стр. 5). Однако на стр. 11—12 того же автореферата он сам опровергает это утверждение.

² См. «Авторское право» (том курса советского гражданского права), Госюриздат, 1957.

ранее не производившиеся материальные вещи. Но это не всегда так. Изобретением или рационализаторским предложением может быть, например, предложение, обеспечивающее или повышающее безопасность труда в определенной области производства или транспорта. Цель такого предложения — не повышение качества материальных вещей и не создание возможности производства новых вещей, а охрана жизни и здоровья трудящихся. Изобретение широкоэкранный или панорамный кино предполагает, конечно, производство вещей, отличных от производившихся в этой области ранее. Но цель его — не введение в оборот этих вещей, а создание возможности новых восприятий зрителя¹.

Даже и в тех случаях, когда изобретение или иное новаторское техническое предложение имеет целью повышение качества материальных вещей, когда оно открывает возможность применять новый способ их производства или возможность производства не производившихся ранее вещей, — само техническое предложение все же всегда остается нематериальным благом, результатом определенного творческого труда, мыслью, облеченной в ту или иную объективную форму.

Эта черта объектов советского изобретательского права, правда, разными словами, но всегда с полной ясностью выражена во всех выдвинутых в советской юридической литературе определениях или характеристиках этих предложений.

В. И. Серебровский определяет изобретение как «новое, повышающее уровень современной техники творческое разрешение технической проблемы»². Рационализаторские предложения — это «все (в области техники) предложения, не являющиеся... изобретениями»³.

В. Я. Ионас объединяет все объекты изобретательского права в общем понятии «творческого предложения», которое он определяет как «новое решение технической... задачи, способствующее росту производства»⁴.

¹ Ввиду сказанного невозможно согласиться с К. К. Яичковым, утверждающим, будто для того, чтобы творческая деятельность приводила к изобретению, «необходимо, чтобы она была направлена на удовлетворение материальных потребностей» (К. К. Яичков, Изобретение и его признаки по советскому праву, «Советское государство и право» 1953 г. № 3, стр. 86—87).

² «Учебник гражданского права для юридических вузов», т. II, Юриздат, 1944, стр. 257. В то же время, когда В. И. Серебровский выдвигал приведенное в тексте определение, в советском изобретательском праве рядом с изобретением и рационализаторским предложением ставился третий вид новаторского технического предложения: техническое усовершенствование, которое В. И. Серебровский также характеризовал как «предложение».

³ Там же, стр. 259.

⁴ В. Я. Ионас, Изобретательское правоотношение в советском гражданском праве, автореферат кандидатской диссертации, Л., 1955, стр. 6.

Та же мысль выражена Н. А. Райгородским, который определяет все объекты изобретательского права как «правила деятельности, приемы, методы работы»¹.

На той же точке зрения стоит, по-видимому, и К. К. Яичков, указывающий, что «каждое изобретение в той или иной мере является результатом творческого труда»².

Единственным известным нам отступлением от общепризнанной характеристики объектов изобретательского права является взгляд Б. В. Поклонского. По его мнению, отличие новаторского труда (в том числе и изобретательского) от всякого иного умственного труда состоит в том, что «для осуществления новаторского труда применяются новые, изысканные самим субъектом новаторской деятельности средства труда, средства для разрешения новой производственной проблемы»³.

Это суждение представляет собой явное недоразумение. Прежде всего даже и результатом творческого труда новатора техники не всегда является предложение нового орудия труда. Пункт 4 Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях предусматривает изобретение способов изготовления определенных веществ. Рационализаторское предложение согласно п. 7 названного Положения может быть направлено на усовершенствование не только средств труда, но и технологии производства, на обеспечение более эффективного использования средств труда, например, новым их расположением: новой расстановкой станков или машин, на более эффективное использование рабочей силы, которое далеко не всегда требует создания новых вещей или изменения вещей, ранее использовавшихся. Таким образом, даже и результатом труда новатора техники далеко не всегда является предложение нового или изменение применяемого средства труда. Самим же новым средством, то есть новой материальной вещью, результат творческой деятельности новатора техники не является никогда.

Невозможно утверждать, будто автор технического предложения всегда применяет в своей творческой деятельности «новые, изысканные им самим», как пишет Б. В. Поклонский, средства труда. Возможность производить такие средства может оказаться результатом этой деятельности. Но и в таком случае соответствующие средства труда являются вторичным результатом деятельности новатора техники (и притом уже не только его деятельности, но и работы предприятия, применяю-

¹ Н. А. Райгородский, Изобретательское право СССР, Юриздат, 1949, стр. 49.

² К. К. Яичков, Изобретение и его признаки по советскому праву, «Советское государство и право» 1953 г. № 3, стр. 85—87.

³ Б. В. Поклонский, Охрана прав новаторов производства в СССР, Харьков, 1952, стр. 9, автореферат кандидатской диссертации.

щего предложение новатора техники), хотя в них и заключается в данном случае социальная полезность этой деятельности. Непосредственный же результат, на который в таком случае направлена творческая деятельность,— это именно возможность производить новые средства труда, это новый принцип, новое «правило», по которому будут производиться эти новые вещи, но отнюдь не самые вещи.

Обыкновенно говорят: «такой-то изобрел такую-то машину». Но в действительности его изобретение — не конкретная машина как сочетание металлических, стеклянных и иных частей, в том числе и не первый выпущенный промышленным предприятием экземпляр такой машины. Его изобретение — это предложение определенным образом соединять указанные им металлические, стеклянные и иные части, совокупность которых и будет машиной — материальным воплощением предложения изобретателя.

Нельзя, однако, не заметить, что связь новаторских технических предложений с материальными вещами носит иной характер, чем связь литературного, научного или художественного произведения с вещью, с которой оно соединяется для придания ему объективной формы. Для огромного числа этих последних произведений вещь есть только «проводник» произведения в сознание других людей. Такова рукопись любого научного, литературного, музыкального, драматического произведения.

Некоторую особенность представляют произведения изобразительных искусств: живописи, скульптуры. Создавая произведение такого рода, автор создает и уникальную вещь. Однако на картину или скульптуру, как вещь, ее создателю, а иногда и не ему, а заказчику этой вещи или лицу, которому она продана или подарена или которое ее унаследовало, принадлежит не авторское право, а право собственности, ничем не отличающееся от права собственности, например, писателя на рукопись, в которой изложен его роман. Произведение же такого изобразительного искусства, как архитектура, получает свое объективное выражение в форме, принципиально однородной с той, в которой выражается научное и литературное произведение: в проектах, чертежах, планах и т. п.¹ И, наоборот, вещь, в которой в дальнейшем воплощаются эти проекты, чертежи и т. п. (здание, строение) — объектом авторского права не становится, а принадлежит на праве собственности обыкновенно не автору проекта. Некоторые же охраняемые авторским правом объекты могут и вовсе не соединяться с материальными вещами; таковы все устные произведения: речи, лекции, докла-

¹ См. Б. С. Антимонов, Е. А. Флейшиц, Авторское право, Госюриздат, 1958, стр. 80—84, 95—97.

ды. Таков и объект авторского права художников-исполнителей постепенно прокладываящий себе путь к признанию его не только судебной практикой, но и законодательством отдельных стран¹.

При этом охраняемое авторским правом произведение само по себе по содержанию может не иметь никакого отношения к материальным вещам: математический или философский трактат, лирическое стихотворение и т. п.

Между тем новаторские технические предложения связаны с материальными вещами двойкой связью: во-первых, как уже сказано, они, как и произведения науки, литературы и искусства, становятся объектами права лишь после того, как объективная форма делает их доступными восприятию и воспроизведению другими людьми. Объективная же форма придает техническому предложению путем соединения его с той или иной материальной вещью: путем изложения на бумаге формулы изобретения, нанесением на картон чертежа и т. п. Во-вторых, отличие от произведений науки, литературы или искусства они по содержанию всегда связаны с материальными вещами, хотя бы их целью являлось воздействие на здоровье человека, на облегчение его труда или на обогащение его эстетических восприятий и т. п. А социальная ценность многих из них в том и заключается, что они открывают возможность увеличить количество производившихся ранее вещей, повысить их качество, производить неизвестные ранее вещи.

Однако все сказанное не меняет и не ограничивает выдвинутого выше общего положения: все новаторские технические предложения являются нематериальными благами. Этому не противоречит ни то, что для признания их объектами изобретательского права им должна быть придана объективная форма путем их соединения с материальными вещами, ни то, что они по содержанию так или иначе связаны с материальными вещами. Без придания им объективной формы путем выражения их в изображенной на бумаге формуле, в чертеже и т. п. они не поддавались бы усвоению, воспроизведению и использованию другими людьми. А связь их по содержанию с материальными вещами заключается в том, что они представляют собою предложения такого или иного воздействия на материальные вещи для достижения в одних случаях также материальных, а в других случаях — нематериальных целей.

2. Все новаторские предложения, составляющие объекты советского изобретательского права, являются техническими предложениями, то есть относятся к области техники.

¹ См., например, ст. 83 закона Чехословакии об авторском праве от 22 декабря 1953 г., «Бюллетень чехословацкого права» 1954 г. № 1.

Техника в самом широком смысле слова — это совокупность приемов, применяемых при осуществлении деятельности любого рода. В этом смысле одинаково правомерно говорить о технике философских исследований и о технике балета.

Но слово «техника» употребляется и в другом, более узком смысле, в котором оно и приобрело основное практическое значение.

Под техникой в этом более узком смысле понимается совокупность орудий и приемов труда, применяемых в производстве материальных благ, в том числе и в той области материального производства, которая именуется транспортом.

В этом смысле слово «техника» употреблено в докладе Н. С. Хрущева на внеочередном XXI съезде КПСС «О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы»: «Осуществление планов развития промышленности, сельского хозяйства и транспорта, выполнение строительной программы в предстоящем семилетии возможны при условии значительного роста уровня техники...»¹.

В этом же смысле употреблено слово «техника», и производным от него в указанном смысле является слово «техническая» в резолюции XXI съезда КПСС по докладу Н. С. Хрущева: «Съезд считает, что решающим условием успешного выполнения семилетнего плана и создания материально-технической базы коммунизма является широкое внедрение новой техники, комплексной механизации и автоматизации производственных процессов, специализация и кооперирование во всех отраслях народного хозяйства»².

Такой же смысл придавался слову «техника» в отчетном докладе ЦК КПСС XX съезду партии и в директивах XX съезда по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956—1960 гг.: «Необходимо настойчиво совершенствовать технику,— говорилось в названном отчетном докладе,— создавать наиболее производительные, экономичные и надежные в эксплуатации машины; широко развивать электрификацию, комплексную механизацию и автоматизацию производственных процессов...»³. «На основе непрерывного совершенствования техники, улучшения организации производства и развертывания социалистического соревнования,— отмечали директивы по шестому пятилетнему плану,— повысилась производитель-

¹ Н. С. Хрущев, О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, Госполитиздат, 1959, стр. 47.

² Резолюция XXI съезда Коммунистической партии Советского Союза по докладу товарища Н. С. Хрущева «О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы», Госполитиздат, 1959, стр. 18.

³ Н. С. Хрущев, Отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду партии, Госполитиздат, 1956, стр. 52.

ность труда в промышленности, сельском хозяйстве и на транспорте»¹.

Когда в директивах по шестому пятилетнему плану говорилось, что «шестая пятилетка должна быть пятилеткой дальнейшего мощного развития производительных сил Советской страны, перехода народного хозяйства на более высокий технический уровень»², то слово «технический» также понималось как производное от слова «техника» в указанном выше смысле слова.

На первый взгляд кажется более узким смысл, придаваемый слову «техника» п. 7 Положения об изобретениях и рационализаторских предложениях 1959 года. Пункт 7 относит это слово только к орудиям, но не к приемам, не к способам труда. Говоря об усовершенствовании «применяемой техники», п. 7 рядом с последним словом, поясняя его, ставит слова: «машин, приборов, инструментов, приспособлений, аппаратов, агрегатов и т. п.». Однако, как это видно из сопоставления п. 7 с п. 4 Положения, решением технической задачи признаются также и изобретения, относящиеся не к орудиям труда, а к способам изготовления продукции. Пункт 19 инструкции о вознаграждении за открытия, изобретения и рационализаторские предложения предусматривает разную степень «технической разработки» любого сложного изобретения или рационализаторского предложения.

Таким образом, в нормативных актах СССР об изобретательстве слово «техника» имеет такое же значение, как в указанных выше материалах съездов КПСС: техника — это орудия труда и способы, приемы их использования в процессе производства любых материальных вещей. При этом согласно п. 3 Положения об изобретениях и рационализаторских предложениях безразлично, служат ли эти материальные вещи удовлетворению потребностей, которые также являются материальными, или удовлетворению потребностей в области здравоохранения или культуры, то есть нематериальных потребностей.

3. Все технические предложения, с которыми связаны отношения, регулируемые советским изобретательским правом, являются новаторскими. Каждое из них вносит в технику нечто отличное от того, что применялось или было известно в данной области техники ранее, до того, как это предложение было выдвинуто. Поскольку эти предложения являются новыми, каждое из них есть продукт, результат творческого труда. Однако одно предложение ново по сравнению с орудиями труда или приемами, которыми пользуются в некоторой более или менее узкой

¹ «Резолюции XX съезда КПСС», Госполитиздат, 1956, стр. 29.

² Там же, стр. 30.

сфере соответствующей деятельности: в пределах данного предприятия или в данной отрасли народного хозяйства нашей страны. Другое ново по сравнению с техникой данного вида деятельности в целом: по сравнению с техническими предложениями, уже признанными изобретениями в какой-либо стране, с предложениями, сущность которых раскрыта в советской или иностранной литературе, с уже применяемыми орудиями или способами труда. Понятно, что предложения последнего рода являются результатом более высокого по качеству творческого труда, чем тот, результатом которого являются первые. Понятно также, что значение таких предложений для дальнейшего развития соответствующей сферы деятельности, а иногда и для многочисленных других областей народного хозяйства и культуры не только больше, но в ряде случаев просто несоизмеримо с весьма полезной, но более скромной ролью других.

Такие предложения именуется изобретениями. Остальные именуется в советском изобретательском праве рационализаторскими предложениями. Понятие каждого из этих видов новаторских технических предложений раскрывается в следующих параграфах настоящей главы.

4. Так как всякое новаторское техническое предложение есть продукт творческого труда и, следовательно, тесно связано с личностью автора предложения, то с каждым из них связывается возникновение при определенных законом условиях не только имущественных прав, но и личных неимущественных прав автора предложения. Если те и другие не вполне одинаковы по содержанию и объему для авторов новаторских предложений каждого из указанных видов, то эти различия определяются неодинаковой ролью предложений одного вида и другого в деле развития и совершенствования техники.

5. Новаторские предложения, направленные на совершенствование деятельности предприятий, но связанные не с техникой соответствующей деятельности в указанном узком смысле, а с внутренней структурой или штатами предприятий, с организацией учета в предприятиях или отчетности их, а равно и с порядком материально-технического снабжения предприятий или сбыта их продукции, объектами советского изобретательского права не являются (п. 7 Положения об изобретениях и рационализаторских предложениях).

П. 7 изымает из сферы действия изобретательского права также рационализаторские по сути дела предложения (но не изобретения) инженерно-технических работников научно-исследовательских, проектных и конструкторских организаций, относящиеся к разрабатываемым ими в порядке служебного задания проектам, конструкциям и технологическим процессам.

Как это видно из редакции п. 7, такими предложениями должны признаваться как те, разработка которых составляет самое содержание служебных заданий, выполняемых названными работниками, так и рационализаторские предложения, по собственной инициативе вносимые этими работниками для усовершенствования проектов, конструкций и технологических процессов разрабатываемых ими в порядке выполнения служебных заданий.

Наоборот, не подпадают под ограничительную норму п. 7 рационализаторские предложения, создаваемые теми же лицами для усовершенствования техники и приемов труда, применяемых в тех научно-исследовательских, проектных, конструкторских организациях, где они работают в силу трудового договора.

Однако ограничительная норма п. 7 требует некоторого уяснения. Понятно, что если служебное задание заключается именно в создании рационализаторского предложения или такое предложение выдвигается для усовершенствования разрабатываемых в силу служебного задания проекта, конструкции или технологического процесса, то права на вознаграждение за создание такого предложения его автор не имеет. Он получает вознаграждение по трудовому договору, во исполнение которого он и создает свое рационализаторское предложение.

Но это не значит, что создание такого предложения, изъятая п. 7 Положения из сферы действия изобретательского права, не влечет за собою возникновения для его автора каких бы то ни было прав. Следует думать, что как авторство рационализаторского предложения, созданного работником одной из названных категорий во исполнение служебного задания, содержанием которого была именно подготовка такого предложения, так и авторство рационализаторского предложения, относящегося к созданным во исполнение служебного задания проекту, конструкции и т. п., с момента придания такому рационализаторскому предложению объективной формы охраняется советским авторским правом.

Статья 4 Основ авторского права СССР относит к числу произведений, на которые распространяется авторское право, в частности, «планы, эскизы и пластические произведения, относящиеся к науке, технике...». Если авторским правом охраняется относящийся к технике план или эскиз, то очевидно, что тем же авторским правом охраняется и изложенное на бумаге в словесном выражении техническое предложение.

Право автора такого предложения на опубликование последнего может оказаться ограниченным его трудовым договором с научно-исследовательской организацией, где он работает. Но без согласия автора никто его опубликовать не вправе.

В случае опубликования такого предложения в печати автор имеет право на получение авторского гонорара, но права на вознаграждение за применение этого предложения не имеет, ибо объектом изобретательского права его предложение не является.

§ 2. Понятие изобретения

1. Понятие изобретения определено в п. 3 Положения об изобретениях 1959 года: «Изобретением признается отличающееся существенной новизной решение технической задачи в любой области народного хозяйства, культуры, здравоохранения или обороны страны, дающее положительный эффект».

Таким образом, для признания технического предложения изобретением оно должно, согласно закону, обладать следующими признаками:

А) представлять собою решение технической задачи, обладающее существенной новизной;

Б) давать положительный эффект.

При этом задача, на разрешение которой направлено техническое предложение, обладающее признаком существенной новизны, может относиться к любой области народного хозяйства, культуры, здравоохранения или обороны страны. Положительный эффект от ее существенно нового разрешения может проявляться в любой из указанных областей деятельности общества.

1. Требование наличия в техническом предложении для признания его изобретением признака существенной новизны выдвигалось и относившимися к изобретательству нормативными актами, предшествовавшими ныне действующему Положению об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях.

Однако ни один из этих нормативных актов понятия существенной новизны полностью не раскрывал.

Положение 1959 года делает значительный шаг вперед в раскрытии понятия: «существенная новизна технического предложения».

«В основу экспертизы на новизну должны быть положены ранее выданные авторские свидетельства, советские, досоветские и иностранные патенты, ранее поданные заявки, отечественная и зарубежная литература, опубликованные отчеты научно-исследовательских и проектно-конструкторских учреждений, принятые на конкурсы работы, диссертации, а также сведения о применении изобретений» (п. 35 Положения 1959 года).

Пункт 36 Положения добавляет: «Авторское свидетельство не выдается, если сущность предполагаемого изобретения до

подачи заявки была раскрыта источниками, указанными в п. 35, или иным путем настолько, что стало возможным его осуществление». В силу п. 47 Положения при наличии до подачи заявки указанных в п. 35 обстоятельств должно быть отказано также и в выдаче патента.

Таким образом, для признания технического предложения изобретением требуется, чтобы поданная о нем Комитету по делам изобретений и открытий заявка, поскольку о том можно судить, прежде всего исходя из сведений, почерпнутых в указанных в п. 35 источниках, впервые раскрывала сущность этого предложения настолько, чтобы оно могло быть применено. Иными словами, требуется наличие первенства или, как сказано в Положении об изобретениях, приоритета заявки. Это значит, что сущность технического предложения для признания его изобретением должна оставаться не раскрытой до подачи заявки, имеющей «приоритет», или, как иногда говорят, «заявки с приоритетом» (пп. 33, 36 Положения).

2. Как же определяется приоритет заявки? Пункт 33 Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях устанавливает, что днем приоритета (первенства) заявки признается день поступления заявки в Комитет. Эта норма отличается от постановления ст. 26 ныне отмененного Положения об изобретениях 1941 года. В ст. 26 днем первенства заявки в случаях, когда она препровождалась Комитету при посредстве органов связи, считался день сдачи заявки на почту. В силу же п. 33 ныне действующего Положения день сдачи на почту определяет первенство заявки только «при наличии спора».

Но что значит «при наличии спора»?

Две заявки на тождественные технические предложения могут поступить в Комитет от двух разных лиц в один и тот же день, хотя бы ни одна из них не была послана по почте. Посланные или не посланные по почте заявки могут поступить от разных лиц в один и тот же день без того, чтобы лицо, сделавшее одну заявку, знало о существовании другой.

Спора при таком положении дела нет или во всяком случае пока нет. Тем не менее, раз заявки поступили в Комитет, он стоит перед необходимостью решить вопрос о соотношении времени подачи одной и другой заявки.

Очевидно, что в указанных случаях, совершенно независимо от наличия спора между заявителями, из двух поступивших в Комитет в один день заявок, посланных по почте, первенство должно быть признано за той заявкой, которая ранее другой была сдана на почту.

Из двух поступивших в один день заявок, из которых одна была сдана Комитету непосредственно, а другая получена им

по почте, первенство должно быть признано за этой другой, если только она не была сдана на почту в тот же день, когда была доставлена Комитету.

Но если две поступившие в Комитет в один и тот же день заявки были также и сданы на почту в один и тот же день или обе были доставлены без посредства почты, то как быть в таком случае?

Последовательность регистрации в журнале Комитета поступивших в один и тот же день заявок не определяет старшинства одной из них: п. 33 Положения устанавливает, что днем приоритета (первенства) заявки признается день, но не час ее поступления в Комитет. Это понятно, ибо зарегистрированными в один и тот же час могут оказаться две заявки, доставленные почтой в разные часы одного и того же дня, и спор о первенстве одной из них был бы неразрешим. Положение не обязывает Комитет при регистрации поступившей заявки отмечать час ее поступления.

Как это ни кажется на первый взгляд странным, в таком случае придется признать приоритет за каждой из этих заявок и сделать из этого правовые выводы, о которых сказано в главе III.

Однако поступление заявки в Комитет не всегда означает принятие заявки Комитетом к рассмотрению. Если заявка, которая должна состоять из заявления о выдаче авторского свидетельства или патента, описания предполагаемого изобретения и в случае необходимости чертежей, не удовлетворяет одному из следующих установленных п. 30 требований: в заявлении не указаны фамилия, имя или отчество автора предполагаемого изобретения или его адрес либо место работы (если автором является иностранец — его гражданство), не поименовано изобретение или не содержится утверждение, что заявитель или указанное им лицо является автором изобретения, то Комитет посылает в десятидневный срок заявителю предложение дополнить заявление недостающими данными, для чего ему предоставляется месячный срок (п. 30 Положения). Совершенно очевидно, что заявка будет считаться принятой Комитетом лишь после поступления к нему указанных дополнительных данных. Это не повлияет, однако, на приоритет заявки: день приоритета будет определяться днем поступления в Комитет или в подлежащих случаях днем сдачи на почту формально дефектной заявки (п. 33).

Но если дефект поступившей в Комитет заявки заключается в том, что к заявлению «не было приложено описание технического предложения или необходимые чертежи», или представленные описание и чертежи не дают достаточного представления о сущности предполагаемого изобретения, и Комитет в де-

сятидневный срок со дня поступления заявки предлагает заявителю представить в месячный срок описание и чертежи, то днем приоритета заявки становится день представления в пределах месячного срока дополнительных материалов (п. 33 Положения).

Таким образом, существенная новизна заявленного Комитету технического предложения исключается раскрытием сущности этого предложения, последовавшим до одного из следующих дней: а) по общему правилу — до дня поступления заявки в Комитет; б) в случае поступления в Комитет в один и тот же день двух заявок, доставленных по почте, — до дня сдачи на почту заявки, сданной почте ранее другой (приоритет этой последней заявки исключен тем, что она сдана на почту позднее первой); в) в случае поступления в Комитет в один и тот же день двух заявок, из которых одна доставлена почтой, а другая непосредственно заявителем Комитету, — до дня сдачи на почту первой из этих заявок, если день ее сдачи на почту не совпадает с днем ее доставки Комитету; г) в случае, когда заявителю предоставлен месячный срок на дополнительное представление описания или чертежей, — до поступления описания и чертежей в Комитет.

Совершенно очевидно, что если предложенное Комитетом исправление или дополнение заявки в месячный срок не произведено, то заявка считается неподанной, и приоритет заявки тождественного технического предложения, поданной после безрезультатного истечения указанного месячного срока, определяется независимо от заявки предшествующей, но рассматриваемой как неподанной.

3. Вернемся теперь к предусмотренным законом способам того раскрытия сущности технического предложения, которое, если оно имело место до момента подачи заявки (то есть до того или другого из только что указанных дней), исключает или, как говорят, «порочит» существенную новизну технического предложения.

Пункт 35 Положения указывает прежде всего следующие способы такого раскрытия сущности изобретения.

а) Выдача авторского свидетельства или патента — советского, досоветского либо иностранного.

Следовательно, техническое предложение, тождественное с другим, на которое в СССР или в какой-либо из социалистических стран, установивших соответствующую систему охраны прав изобретателя, выдано авторское свидетельство, не является изобретением с точки зрения советского изобретательского права, не становится в СССР объектом прав изобретателя.

В таком же положении находится техническое предложение, если на тождественное ему предложение в СССР, в доре-

волюционной России или в каком бы то ни было иностранном государстве выдан патент. Обоснование этого положения ясно: сущность технического предложения, право на которое оформлено на основе признания этого предложения изобретением в порядке, установленном законом любой страны, раскрыта. Тожественное предложение уже не может быть признано неизвестным технике.

Официальные издания, выпускаемые в каждой стране для публикации о выдаче авторских свидетельств и патентов (в СССР Бюллетень изобретений) являются источником соответствующих сведений.

б) Ранее поданные заявки. Об условиях, при которых заявка признается поданной ранее другой, и о том, что не исправленная в установленный срок дефектная заявка не порочит новизны последующей заявки на тождественное техническое предложение, сказано выше.

в) Отечественная и зарубежная литература. Очевидно, что под литературой понимается в данном случае не только техническая, но и всякая другая литература, которая может, в частности, быть источником сведений о применении предложения, раскрывающих его сущность.

Под литературой должно в данном случае пониматься всякое опубликованное произведение, облеченное в письменную форму и раскрывающее сущность технического предложения настолько полно, что на основании этого раскрытия предложение может быть применено, использовано.

Наряду с литературой п. 35 называет «опубликованные отчеты научно-исследовательских и проектно-конструкторских учреждений, принятые на конкурсы работы, диссертации».

Слово «опубликованные» грамматически связано в п. 35 только со словами «отчеты научно-исследовательских и проектно-конструкторских учреждений». Трудно сомневаться, однако, в том, что и о других раскрывающих сущность технического предложения материалах в п. 35 идет речь как о материалах, ознакомление с которыми стало доступно неопределенному кругу лиц. Для работ, принятых на конкурс, опубликованием признается факт принятия работы на конкурс.

Без всяких добавлений значится в п. 35 слово «диссертация». Тем не менее невозможно думать, что один факт наличия хотя бы и вполне завершенной диссертации, описывающей сущность созданного ее автором технического предложения, но покоящейся в ящике стола ее автора, «раскрывает сущность» технического предложения в том смысле, какой придает этим словам п. 35 Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях. Такое раскрытие может связываться только с возникновением для неопределенного круга

лиц возможности ознакомления с диссертацией, иначе говоря, с опубликованием диссертации, которая в данном случае не должна ничем отличаться от других произведений научной или иной литературы.

г) Сведения о применении технического предложения.

Согласно п. 37 Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях любое министерство, ведомство, совнархоз, институт, так же как и любая другая государственная, кооперативная, общественная организация, обязаны представлять Комитету по делам изобретений не позднее одного месяца со дня получения запроса Комитета, заключения «о промышленной новизне» заявленного Комитету технического предложения. Иначе говоря, каждая из названных организаций обязана сообщать Комитету, по его запросу, имеющиеся у нее сведения о применении соответствующего технического предложения.

Понятно, что, если производящий экспертизу новизны эксперт Комитета располагает почерпнутыми из других источников (в частности, из литературы) и надлежащим образом подтвержденными сведениями о применении заявленного Комитету или тождественного с ним технического предложения, эксперт обязан использовать и эти сведения¹.

д) Пункт 36, отсылая к п. 35 Положения, не устанавливает исчерпывающего перечня способов раскрытия сущности технического предложения, исключая сущность новизну последнего. Рядом с названными в п. 35 способами п. 36 говорит о раскрытии сущности предложения «иным путем». Таким иным путем могли бы быть, например, прочитанная автором предложения публичная лекция, в которой была бы изложена сущность предложения, доклад такого же содержания, сделанный автором предложения в научном обществе, и т. п.

Однако раскрытие сущности технического предложения названными в п. 35 или иными способами безусловно исключает сущность новизну технического предложения лишь в случаях, когда автор требует выдачи на это предложение по признанию его изобретением патента.

Для случаев, когда автор технического предложения желает получить на свое предложение не патент, а авторское свидетельство, п. 36 вносит некоторые ограничения в устанавливаемое им общее правило. Это понятно, ибо патент сообщает его обладателю исключительное право на применение изобретения (п. 4 Положения об изобретениях). Если данное изобретение до его заявки уже применялось или сущность его до его

¹ О праве преждепользования в случаях, когда выдается не авторское свидетельство, а патент, см. стр. 18) и сл.

заявки каким бы то ни было способом раскрыта так, что его может применить любое сведущее лицо, то нет оснований, да нет, по сути дела, и логической возможности признать за кем-нибудь исключительное право на применение этого изобретения. Если же на изобретение выдается авторское свидетельство, то право на его применение возникает для государства (п. 6 Положения). Автор изобретения имеет право на вознаграждение. Поэтому лишь предшествующая подаче заявки выдача авторского свидетельства или патента на другое тождественное изобретение или ранее поданная заявка такого изобретения безоговорочно исключает новизну предложения, автор которого требует выдачи авторского свидетельства.

Предшествующее же подаче заявки применение данного предложения, опубликование его или раскрытие его сущности каким-либо другим способом, указанным в п. 36 «а» Положения, не исключает существенной новизны технического предложения, если заявка о выдаче на него авторского свидетельства сделана не позднее четырех месяцев со дня удостоверенного указанным в том же пункте способом, начала его применения или соответственно со дня, когда предложение было опубликовано, либо сущность его раскрыта одним из других указанных в п. 36 «а» способов.

Конечно, если техническое предложение до его заявки Комитету по делам изобретений уже применяется, оно не может считаться неизвестным технике в действительном смысле этого слова. Но если бы предшествующее заявке применение, подобно предшествующей выдаче авторского свидетельства или патента на тождественное предложение, безоговорочно порочило существенную новизну технического предложения, то не исключено было бы некоторое замедление внедрения изобретений в народное хозяйство. Создав техническое предложение, его автор стоял бы перед выбором: либо внести свое предложение предприятию, где он работает (а в подлежащих случаях и другим предприятиям), для немедленного его внедрения (разумеется, при условии признания предприятием целесообразности этого внедрения) и утратить вследствие этого закрепленное за изобретателем право на получение авторского свидетельства, а вместе с тем и право на вознаграждение в размере, установленном за использование изобретений, либо уклониться от внесения своего предложения для его внедрения до того времени, когда по решению Комитета это предложение будет признано изобретением и на него будет выдано авторское свидетельство.

Положение 1959 года устраняет эту коллизию интересов автора, с одной стороны, и интересов народного хозяйства, с другой. Создав техническое предложение, которое автор счи-

тает обладающим существенной новизной, и притязая ввиду этого на признание своего предложения изобретением, автор может немедленно внести его любой советской организации для использования. Последующая заявка для получения авторского свидетельства на это предложение, сделанная не позднее четырех месяцев со дня подписания акта или отчета о начале внедрения предложения, не будет рассматриваться как заявка предложения, утратившего существенную новизну.

Согласно п. 15 инструкции о вознаграждении за открытия, изобретения и рационализаторские предложения в тех случаях, когда изобретение принято к внедрению до выдачи авторского свидетельства, размер вознаграждения определяется как за рационализаторское предложение. После выдачи авторского свидетельства производится перерасчет вознаграждения.

Не признается утратившим существенную новизну также и предложение, заявка о котором для получения авторского свидетельства сделана не позднее четырехмесячного срока «со дня опубликования о нем информации в печати, в официальных ведомственных документах или со дня утверждения отчета о научно-исследовательской, проектно-конструкторской, опытной, диссертационной работе автора, содержащей сведения об изобретении, или со дня утверждения результатов конкурса, на который было представлено предложение автора» (п. 36 «а»).

Пункт 36 «а» соединяет льготу четырехмесячного срока подачи заявки, в частности, с опубликованием в печати «информации» о предполагаемом изобретении. Казалось бы, что сюда относится и опубликование в печати содержания доклада об изобретении, сделанного его автором в научно-исследовательском или другом учреждении. Однако любой сделанный автором в таком учреждении доклад о своем предполагаемом изобретении, не опубликованный в печати, очевидно, сам по себе исключает существенную новизну последнего бесповоротно: перечень исключений из общего правила п. 36 носит исчерпывающий характер. Между тем опубликование «информации» о предполагаемом изобретении дает, по общему правилу, возможность ознакомиться с изобретением более широкому кругу лиц, чем доклад, оставшийся не опубликованным в печати.

Поэтому трудно понять, почему, соединив льготу указанного четырехмесячного срока с опубликованием в печати «информации» об изобретении, п. 36 Положения об изобретениях не воспроизвел нормы ст. 46 Положения об изобретениях от 9 апреля 1931 г., которая связывала льготный срок на подачу заявки о выдаче авторского свидетельства с раскрытием автором сущности предложения в устных или письменных докладах, сделанных в научно-исследовательских учреждениях, в органах

по изобретательству или в предприятиях, в которых изобретение можно изготовить, испытать или использовать.

Следует заметить, что п. 36 действующего Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях говорит об «утверждении отчета о научно-исследовательской, проектно-конструкторской, опытной, диссертационной работе автора, содержащей сведения об изобретении». Под утверждением, очевидно, должно пониматься одобрение, принятие соответствующей работы по существу. Ибо утверждение отчета о том, в какие сроки и в каком порядке автор выполнял свою работу, содержания работы не раскрывает, и со дня такого утверждения течение связанного с правом на подачу заявки срока начинаться не может: сущность изобретения еще не раскрыта.

Независимо от сказанного о способах раскрытия сущности технического предложения, с которым п. 36 связывает льготный срок на подачу заявки о выдаче авторского свидетельства, сомнения вызывает и самый срок, длительность которого определена в п. 36. Названная выше ст. 46 Положения об изобретениях от 9 апреля 1931 г. устанавливала шестимесячный льготный срок на подачу заявки о выдаче авторского свидетельства. Едва ли обоснованно сокращение этого срока: участие в сложной и трудоемкой иногда работе по внедрению предложения (п. 13 Положения об изобретениях) нередко может затруднить оформление автором заявки на протяжении такого краткого срока, как четыре месяца со дня начала внедрения предложения. Можно думать, что даже и годичный срок не влек бы за собою значительные трудности при возникновении в соответствующих случаях споров об авторстве изобретений.

Во всех указанных до сих пор случаях речь шла о раскрывающих сущность изобретения действиях, совершаемых с участием, а иногда (внедрение, опубликование в печати) и по инициативе самого автора соответствующего технического предложения. В частности, когда в п. 36 говорится о начале внедрения, не исключаяшем новизны технического предложения, то имеется в виду начало внедрения именно того предложения, о признании которого изобретением в четырехмесячный срок подана заявка с требованием о выдаче на него авторского свидетельства.

Если производящий экспертизу новизны эксперт располагает сведениями о том, что применялось, хотя бы и не более четырех месяцев до подачи заявки, не то техническое предложение, о котором сделана заявка, а тождественное предложение другого лица, заявки о нем не подавшего, то даже если данный заявитель действовал добросовестно и не знал об этом применении, не знал о существовании предложения, тождественного

с тем, о котором он сделал заявку,— его заявка подлежит отклонению: его предложение уже не имеет существенной новизны. Это вытекает прямо из редакции п. 36 Положения об изобретениях. В п. 36 говорится о подаче автором заявки не позднее четырех месяцев со дня подписания акта или отчета о начале внедрения «его изобретения». То же относится и к опубликованию предложения в печати: в п. 36 «а» речь идет об опубликовании предложения самим его автором.

Но какие последствия для существенной новизны технического предложения влечет за собой опубликование сущности этого предложения или начало его применения без ведома автора?

Выдача патента на техническое предложение должна быть по изложенным выше соображениям исключена и в тех случаях, когда сущность предложения раскрыта путем опубликования последнего или применения его без ведома автора.

Но п. 36 «б» Положения устанавливает, что и авторское свидетельство не может быть выдано, если автор в течение года со дня опубликования его предложения без его ведома или со дня, когда предложение без ведома автора было внедрено какой-нибудь организацией, не подал об этом предложении заявки в Комитет.

Это положение вызывает серьезные сомнения. Можно думать, что случаи внедрения предложения без ведома автора и притом остающиеся ему неизвестными на протяжении года встречаются очень редко. Но почему опубликование без ведома автора его предложения в любом печатном издании, опубликование, которое является наказуемым деянием (п. 17 Положения, ст. 177 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик), должно лишать автора предложения права на признание последнего изобретением, если автор на протяжении года не знал об этом опубликовании?

При таком положении противоправный результат самовольного опубликования чужого технического предложения становится бесповоротным задолго до того, как истекает давность уголовного преследования лица, которое это опубликование произвело. Статья 46 Положения об изобретениях 1931 года прямо выражала противоположную позицию: «Оглашение изобретения до заявки без согласия изобретателя влечет за собою уголовную ответственность. Такое оглашение не лишает изобретателя права получить авторское свидетельство».

4. Однако правильное применение пп. 35 и 36 Положения об изобретениях, а также уяснение самого понятия изобретения требует ответа еще на один, наиболее сложный вопрос.

В п. 36 говорится о раскрытии указанными в п. 35 или другими способами «сущности предполагаемого изобре-

ния», о раскрытии сущности технического предложения, о котором подана заявка в Комитет. Следовательно, исследуя вопрос о наличии или отсутствии в этом предложении существенной новизны, то есть, разрешая вопрос о том, известно или неизвестно технике изобретение, тождественное с тем, на которое подана заявка в Комитет, эксперту приходится сопоставлять не детали и частности, а именно сущность уже известных технике изобретений и заявленного Комитету предложения. Согласно п. 36 опубликование технического предложения его автором или другим лицом служит началом течения указанного выше четырехмесячного срока только в случаях, если соответствующая публикация раскрыла сущность созданного автором предложения. Одно только появление в газетах заметки о том, что такой-то закончил работу над таким-то изобретением, если даже эта заметка опирается на полученную от автора «информацию», не порочит новизны соответствующего технического предложения, хотя бы заявка о нем была подана не до истечения четырех месяцев со дня выхода в свет номера газеты, где помещена заметка, а в любой другой момент после этого дня. Новизна технического предложения исключается, если указанными в п. 35 или иными способами раскрыта именно сущность технического предложения и притом настолько полно, что стало возможным применение его.

Таким образом, существенная новизна, которой техническое предложение должно обладать для признания его изобретением, заключается в том, что до заявки его Комитету по делам изобретений технике неизвестна была сущность этого предложения. Поэтому для уяснения понятия существенной новизны технического предложения, для правильного применения пп. 35 и 36 Положения об изобретениях, необходимо ответить на вопрос о том, в чем заключается сущность заявленного Комитету технического предложения или, как обыкновенно говорят, сущность предложения, отличающая его от всего того, что было известно технике до заявки этого предложения.

В установленном, таким образом, содержании понятия «существенная новизна» заключается одно из новшеств Положения 1959 года.

Положение об изобретениях 1941 года понятия существенной новизны не касалось вовсе. Оно лишь устанавливало способы проверки наличия существенной новизны в техническом предложении, автор которого требовал признания своего предложения изобретением (ст. 30).

Положение об изобретениях 1931 года говорило не о существенной, а просто о новизне технического предложения, которой оно должно было обладать для признания его изобретением, и считало эту новизну исключенной, если до заявки пред-

ложения оно «применялось в Союзе ССР и за границей или было описано в печатном произведении или иным способом оглашено во всеобщее сведение таким образом, что сделало доступно для сведущих лиц» (ст. 46). Основные источники сведений об этих обстоятельствах были те же, что и ныне, с той особенностью, что должна была приниматься во внимание только «техническая литература» и не упоминались «сведения о применении» изобретения.

В юридической литературе попытки, если не определить, то уяснить материальное содержание понятия существенной новизны, делались не раз. В. И. Серебровский писал: «Изобретение является новым, повышающим уровень техники творческим разрешением известной технической проблемы»¹.

Очевидно, что такая характеристика понятия существенной новизны выдвигает новый вопрос: что означает «повышение техники?» Можно ли считать «повышающим» технику предложение, открывающее возможность изготовлять продукт, изготовлявшийся и ранее, новым, неизвестным способом, не обеспечивающим, однако, ни нового качества продукта, ни производственной экономии, ни облегчения труда при его производстве, но все же способом, неизвестным ранее мировой технике?

Очевидно, что в таком случае перед нами расширение круга ранее известных технике приемов изготовления определенных продуктов без изменения результата применения соответствующих приемов. Считать или не считать такое расширение «повышением техники»? Никакой ответ на этот вопрос не будет свободен от субъективной окраски.

Иначе определял (исходя из Положения об изобретениях 1941 года) существенную новизну технического предложения Н. А. Райгородский.

Совершенно справедливо он считал существенно новыми такие предложения, которые впервые разрешают ту или иную техническую задачу, «открывают новые пути в технике». Сюда, очевидно, должны относиться предложения, предусмотренные п. 10 инструкции о вознаграждении за изобретения, «которые приводят к созданию новых видов производств», или «изобретения новых видов ценных материалов, машин или изделий». В таких случаях перед нами разрешение технической задачи, решение которой, поскольку об этом можно судить по данным указанных выше и иных источников технических сведений, ранее вообще не предлагалось.

Но если решение такой задачи уже предлагалось, то другое ее решение следует, по мнению Н. А. Райгородского, считать

¹ См. «Гражданское право», учебник для юридических вузов, Юриздат, 1944, стр. 257.

существенно новым, если это другое решение дает «новый технический эффект». Поясняя свое мнение, Н. А. Райгородский писал: «Каждое предлагаемое правило — метод работы, дающее заранее предвидимый технический эффект, должно считаться известным мировой технике... Если при применении конструкции (процессов), хотя бы и ранее известных, получается новый технический эффект, которого заранее предвидеть нельзя было, это свидетельствует о том, что предложенная для применения конструкция (процесс) в этом ее применении выполняет новую функцию, что она для мировой техники нова... «Новый технический эффект» и является тем материальным признаком, которому должно удовлетворять предложение для того, чтобы можно было признать, что содержащееся в нем правило (метод работы) удовлетворяет требованиям «существенной новизны...»¹.

Таким образом, для Н. А. Райгородского 1) критерием существенной новизны технического предложения является новый технический эффект применения тех конструкций, устройств, процессов и т. п., в которых данное предложение находит свое материальное выражение; 2) технический эффект является новым, если его «заранее нельзя было предвидеть», если он, как добавляет Н. А. Райгородский, представляет собою «неожиданность» для лица, которое знакомится с предложением. «Имея же в виду объективный характер этого признака, правильнее говорить, — указывает Н. А. Райгородский, — о «новом техническом эффекте», «новом» с точки зрения мировой техники»².

Эта характеристика существенной новизны технического предложения вызывает ряд возражений.

Во-первых, вопреки утверждению Н. А. Райгородского «неожиданность» результатов применения предложения для того, кто с предложением знакомится, носит не «объективный характер», а есть момент чисто субъективный и отнюдь не всегда совпадает с действительной новизной предложения, с неизвестностью предложения мировой технике.

Во-вторых, неясно, что же представляет собою по существу технический эффект, «неожиданностью» которого определяется, по взгляду Н. А. Райгородского, существенная новизна предложения, направленного на достижение этого эффекта. Н. А. Райгородский отождествляет понятие технического эффекта с понятием производственного результата³. Но и это понятие не яв-

¹ Н. А. Райгородский, Изобретательское право СССР, Госюриздат, 1949, стр. 63—64.

² Там же, стр. 64.

³ См. там же, стр. 63.

ляется определенным. Каким, например, эффектом или результатом применения определенного предложения является повышение производительности машин, ускорение производства определенных продуктов и достигаемое таким образом снижение их себестоимости: техническим и тем самым для Н. А. Райгородского производственным эффектом или эффектом экономическим?

По сути дела предлагаемое Н. А. Райгородским определение существенной новизны технического предложения есть определение неизвестного через неизвестное.

По-видимому, сознавая неопределенность понятия технического эффекта, Комитет технической терминологии Академии наук СССР в разработанном им в 1955 году определении понятий «научное открытие», «изобретение», «рационализаторское предложение» предложил заменить признак нового технического эффекта другим признаком — «качественно нового эффекта»¹.

Вместо «нового технического эффекта» техническое предложение для признания его изобретением должно давать «качественно новый эффект». А если новый эффект применения предложения будет не качественным, а количественным?

Как пример нового качественного эффекта авторы определения приводят «повышение производительности машин»². Едва ли это не количественно новый эффект применения соответствующих машин. Далее, как должна проводиться грань между количеством и качеством в результатах действия того или иного «устройства», приспособления и т. п.? Как пришлось бы с этой точки зрения квалифицировать изобретение Ауэра, которым увеличивалась лучеиспускательная способность калильных колпачков? Очевидно, пришлось бы признать, что перед нами один из случаев, когда количество перешло в качество.

Близким по существу к предложенному Н. А. Райгородским определению существенной новизны изобретения является определение, выдвинутое соавторами статьи «О некоторых понятиях изобретательского права» Р. Б. Шапиро и Г. С. Альтшуллером. Они считают, что «всякое изобретательское решение задачи связано с устранением технического противоречия... Внешним признаком устранения имевшегося противоречия и, следовательно, новизны предложения является то, что изменение характеристик машин или процессов происходит скачкообразно (подчеркнуто авторами), то есть с нарушением обычного для известных приемов соотношения между использованными (по-видимому, следует читать: «используемыми». — Е. Ф.) техническими средствами и достигнутым (по-видимому,

¹ «Советское государство и право» 1955 г. № 6, стр. 114.

² Там же, стр. 113.

следует читать: «достигаемым». — Е. Ф.) в результате этого эффектом»¹.

Нарушение «обычного соотношения между используемыми техническими средствами и эффектом этого использования» сильно напоминает упомянутую выше «неожиданность», о которой говорит Н. А. Райгородский. То обстоятельство, что Р. Б. Шапиро и Г. С. Альтшуллер говорят об этой «неожиданности» в объективной форме, дела не меняет. Речь все-таки идет о том, что «обычное» соотношение применения определенных средств и результата этого применения заменяется соотношением «необычным». Но «обычное» не есть необходимое, и то, чем одни удовлетворяются как «обычным», может другим представляться не только допускающим, но и настоятельно требующим изменения. И едва ли создание любого такого изменения означает существенное изменение соответствующих средств или результата их применения.

Нам представляется, что правильно подошел к вопросу о существенной новизне технического предложения еще при действии Положения об изобретениях 1941 года В. Я. Ионас.

Исходя из того, что всякое охраняемое советским изобретательским правом техническое предложение есть творческое решение технической задачи, В. Я. Ионас считает, что такое решение должно быть признано существенно новым, если нова его сущность, если в качестве результата творческих усилий, оно существенно отличается от ранее известных технике конструкций или технологических процессов производства. Признаки же, из которых складывается сущность механизмов, машин и других технических средств, сущность технологических процессов, определяются соответствующими отраслями технической науки. Это отнюдь не исключается тем, что «технические дисциплины не исследуют и не могут исследовать существенных изменений в машинах и процессах, тем более изменений будущих», как пишут Р. Б. Шапиро и Г. С. Альтшуллер². К тому же, если технические дисциплины действительно не могут исследовать будущих, то есть никем еще не предложенных изменений в машинах и процессах, то последовательность во времени уже предлагавшихся изменений может показывать и показывает история техники. Но не история техники, а другие технические науки позволяют судить, какие именно признаки являются существенными для определенных машин, конструкций, процессов. И исходя из данных этих наук, можно и следует определять, изменяется ли данным техническим предложением сущность известных ранее машин, конструкций, процессов. «Сущ-

¹ «Советское государство и право» 1958 г. № 2, стр. 39.

² Там же.

ность изобретения, — говорит В. Я. Ионас, — выражается в его понятии, содержание которого раскрывается в формуле изобретения. Для установления существенной новизны изобретения исследуемое понятие разлагается на его существенные признаки, и каждый из них сравнивается с существенными признаками других понятий, входящих в состав современных технических знаний. То, что выходит за пределы последних, признается существенно новым. Таким образом, существенная новизна изобретения (лучше было бы говорить: «существенная новизна технического предложения») есть новизна его сущности¹.

Этим пониманием существенной новизны технического предложения, признаваемого изобретением, а не понятием нового технического эффекта, обосновываются, по сути дела, все приведенные в книге Н. А. Райгородского разъяснения Совета по рассмотрению жалоб Комитета по изобретательству, действовавшего на основании Положения об изобретениях 1931 года, хотя Комитет в ряде случаев ссылался, в частности, и на понятие нового технического эффекта предложения.

Совет жалоб разъяснял, что предложение, сводившееся к «изменению формы уже известной конструкции, не дающему нового технического эффекта, непатентоспособно». Очевидно, что одна лишь форма конструкции, не определяемая назначением ее, не влияющая ни на способы, ни на результаты пользования конструкцией, к ее сущности отнесена быть не может. Предложение такой новой формы известной ранее конструкции не затрагивает сущности последней и потому изобретения не составляет.

То же относится и к изменению «расположения частей известных устройств», к «замене одних деталей таких устройств другими общеизвестными», если назначение данного устройства, способ и результаты пользования им остаются и после этого изменения прежними.

Одно из приведенных Н. А. Райгородским постановлений Совета жалоб, вовсе не упоминая о техническом эффекте, исходит именно из понятия сущности предложения. «Одно только исключение из известных устройств тех или иных приспособлений без изменения схемы и сущности действия (подчеркнуто мной. — Е. Ф.) не может являться патентоспособным признаком», равно как «исключение некоторых обычных операций в обычном способе не дает оснований к признанию измененного способа изобретением». Здесь речь идет не о «техническом эффекте» приспособлений, а об их «схеме и сущности», не о техническом эффекте определенного способа изготовления данной

¹ В. Я. Ионас, Изобретательское правоотношение в советском гражданском праве, Автореферат кандидатской диссертации, Л., 1955, стр. 8.

продукции, а о сущности этого способа, который лишь в известной мере упрощен исключением некоторых обычных операций.

Таким образом, следует прийти к выводу, что существенно новыми являются:

1) те технические предложения, которые дают решение технической задачи, до момента подачи заявки об этих предложениях вовсе не решенной в мировой технике;

2) те, которые изменяют сущность известного мировой технике до подачи заявки о них решения определенной технической задачи.

Определение изобретения, установленное Положением 1959 года исходит именно из понятия новой сущности технического предложения, признаваемого изобретением. Требуя, чтобы такое предложение было «отличающимся существенной новизной, решением технической задачи», Положение считает техническое предложение лишенным существенной новизны, если его сущность, как прямо говорит п. 36, раскрыта до подачи заявки об этом предложении каким-либо из предусмотренных п. 35 способов или иным способом. Очевидно, что изменение ранее известного решения технической задачи, хотя бы никем до заявки данного предложения не предлагавшееся, но не относящееся к сущности этого решения, существенной новизной не обладает. Самое же понятие сущности решения технической задачи только и может определяться, исходя каждый раз из данных соответствующей технической науки.

Но определение изобретения, установленное Положением 1959 года, не ограничивается требованием существенной новизны решения технической задачи. Оно требует сверх того, чтобы это существенно новое решение давало «положительный эффект».

Если признак существенной новизны технического предложения есть, как показано выше, признак объективный, то суждение о наличии положительного эффекта от применения предложения неизбежно должно быть субъективным.

Изобретение может представлять собою способ изготовления определенных, ранее известных вещей. Существенно отличный от другого, ранее известного способа изготовления тех же вещей, он может, например, и облегчать труд в такой же мере, как этот последний способ. Перед нами будет существенно новое решение технической задачи, но должно ли быть признано, что оно дает положительный эффект? Должен ли быть признан положительным эффект применения этого предложения, если он совпадает с давно известным эффектом другого ранее сделанного и в надлежащем порядке оформленного изобретения? Не исключена возможность отрицательного ответа на этот вопрос.

А если встать на изложенную выше точку зрения Н. А. Райгородского, такой отрицательный ответ неизбежен. Между тем ясно, что по целому ряду технических и хозяйственных соображений, для достижения одних и тех же целей в одном предприятии может оказаться целесообразным применение первого из указанных способов, а в другом предприятии может быть обосновано применение второго. Почему же одно из этих предложений должно быть признано изобретением, и автор должен получать установленное для изобретателей вознаграждение, а автор другого не должен, если созданное каждым из них предложение, отличное в своей сущности от другого, в равной мере облегчает труд? Едва ли на этот вопрос можно найти обоснованный ответ.

Изложенные соображения полностью применимы и к любому изобретению, позволяющему снизить себестоимость определенной продукции в таком же размере, в каком она снижается другим, ранее сделанным изобретением. И в этом случае по целому ряду технических и экономических условий одно предприятие может считать целесообразным снижение себестоимости путем применения одних машин, а для другого предприятия обоснованно пользование в тех целях иными машинами.

Нельзя сомневаться, что интересам народного хозяйства соответствует наличие разнообразных способов, которыми может достигаться один и тот же результат. Между тем требование «положительного эффекта» для признания изобретением «отличающегося существенной новизной решения технической задачи» едва ли обеспечивает должным образом такое разнообразие, ибо трудно утверждать, что под «положительным» в п. 3 Положения понимается, в частности, и не новый эффект применения изобретения.

Но если эффект применения существенно нового технического предложения даже является в данном случае отличным от эффекта, который давали ранее известные предложения, то и в таком случае признание этого предложения изобретением ставится в зависимость от субъективного момента, ибо признание какого бы то ни было явления положительным, есть не результат констатации объективных признаков этого явления, а результат его субъективной оценки. Понятно, что такая оценка может быть весьма различна в зависимости от того, кто и в каких условиях ее дает. Один деятель в области техники или народного хозяйства может считать положительной чертой технического предложения обеспечиваемое им значительное удешевление соответствующей продукции при некотором снижении ее качества. Другой может считать эту же черту отрицательной.

Нам представляется, что введение п. 3-им в определение изобретения признака положительного эффекта, значительно

усложнив применение Положения об изобретениях, не может быть обосновано правильно понимаемыми интересами народного хозяйства.

Как уже сказано, существенно новое решение технической задачи, дающее положительный эффект, должно быть согласно п. 3 Положения признано изобретением, к какой бы области народного хозяйства, культуры, здравоохранения или обороны страны ни относилась данная техническая задача. По сути дела, п. 3 считает изобретением обладающее указанными выше признаками решение технической задачи в любой деятельности нашего общества. Ибо к «народному хозяйству» относят как промышленность, в частности строительная, так и сельское хозяйство, транспорт, коммунальное хозяйство и торговля. Понятие «культура» охватывает и науку, и искусство и различные виды деятельности в области народного образования. Под здравоохранением должны пониматься как лечебные процессы, так и профилактические мероприятия, гигиена и санитария. Слова «оборона страны» означают все виды деятельности, связанные с этой важной задачей государства.

Признание изобретением обладающего установленными законом признаками решения технической задачи в любой области деятельности общества есть несомненный шаг вперед по сравнению с действовавшими ранее нормативными актами об изобретательстве, которые признавали изобретением лишь техническое предложение, допускавшее промышленное использование (ст. 2 Положения об изобретениях 5 марта 1941 г.; ст. 1 Положения об изобретениях 9 апреля 1931 г.). Развитие науки и техники в нашей стране давно показало важное значение применения разнообразных изобретений в сельском хозяйстве, в медицине, и названные нормативные акты получили соответствующее дополнение¹. Изобретениям, служащим делу обороны страны, отводилось важнейшее место и самими названными нормативными актами.

Ныне область применимости технического предложения, обладающего указанными выше признаками, не имеет значения для признания его изобретением.

II. Однако в течение восемнадцати лет действия Положения об изобретениях 5 марта 1941 г. практика изобретательских органов предъявляла к техническому предложению для признания его изобретением еще одно требование: наличие в нем признака полезности.

Само слово «полезность» в применении к техническому предложению не раз порождало недоразумения: полезность не-

¹ См. постановление СНК СССР от 29 июня 1937 г., О мерах по улучшению семян зерновых культур, СЗ СССР 1937 г. № 40, ст. 168.

редко отождествлялась с осуществимостью изобретения. Едва ли можно сомневаться в том, что полезность в таком смысле не может рассматриваться как особый признак технического предложения, необходимый для признания этого предложения изобретением. Неосуществимое техническое предложение вообще не есть техническое предложение, ибо всякое техническое предложение есть разрешение определенной технической задачи, известное «правило» определенной деятельности. Если это правило нереализуемо, неприменимо, то оно не есть техническое предложение¹.

Н. А. Райгородский приводит в названной уже нами книге опубликованное в «Вестнике» Комитета по делам изобретений в 1930 году постановление Совета жалоб, которым была отклонена жалоба на отказ Комитета в рассмотрении предложения, якобы разрешившего «проблему вечного движения» — *perpetuum mobile*. Совет указывал, что «в полном соответствии с основным законом механики, гласящим, что никакая механическая система одними внутренними силами не может сообщать себе непрерывного направленного движения», изобретение должно быть признано неосуществимым, а заявка его рассмотрению не подлежит².

В практике Экспертного совета ныне действующего Комитета по делам изобретений и открытий встречаются случаи, когда отказ в выдаче авторского свидетельства признается правильным ввиду «неработоспособности... устройства» или ввиду того, что предложение является «ошибочным», «основано на ошибочных расчетах»³.

Понятно, что осуществимость некоторых изобретений предполагает иногда наличие других. Осуществимость всегда означает возможность осуществления технического предложения, хотя бы и при наличии особых технических условий, отсутствующих в момент создания предложения.

Но полезность технического предложения, наличия которой в период действия Положения об изобретениях 5 марта 1941 г. требовала практика учреждений, оформлявших права авторов технических предложений — министерств, затем Комитета по делам изобретений и открытий, отнюдь не тождественна с осуществимостью изобретения. Она представляла собою не объек-

¹ Соображения, высказанные по данному вопросу Р. Б. Шапиро и Г. С. Альтшуллером, не опровергаются, а вопреки мнению авторов подкрепляют изложенное в тексте (см. «Советское государство и право» 1958 г. № 2, стр. 39).

² Н. А. Райгородский, Изобретательское право СССР, Госюриздат, 1949, стр. 80.

³ См. решения Экспертного совета по делу О. Н. Черняева и по делу А. Ф. Хохлова («Изобретательство в СССР» 1958 г. № 3, стр. 15—19).

тивную возможность, а целесообразность применения предложения непосредственно после того, как оно выдвинуто. Признание наличия признака полезности означало, что предложение может быть «целесообразно применено», как говорила ст. 19 Положения 5 марта 1941 г.

В соответствии с этим в практике учреждений, осуществлявших признание технических предложений изобретениями и соответственно оформлявших права авторов этих предложений, сложилось следующее толкование ст. 29 Положения об изобретениях 5 марта 1941 года, устанавливавшей, что «каждая... заявка подвергается исследованию на наличие в ней признаков существенной новизны и полезности».

Техническое предложение, обладающее признаком существенной новизны, должно было признаваться изобретением только в случае, если оно одновременно с признанием или до признания его существенной новизны было признано в установленном порядке подлежащим применению. Предложение, целесообразность применения которого не была признана в указанные сроки, не могло быть признано изобретением, невзирая на его существенную новизну.

Ф. Т. Ананьев писал по этому поводу: «Исследоваться на новизну... должны не все заявленные и принятые к рассмотрению изобретения, а только те, которые признаны полезными. При правильном государственном подходе к оценке полезности заявленных изобретений никакой необходимости в проведении экспертизы новизны предложений, отклоненных по полезности, нет»¹.

Таким образом, по мнению Ф. Т. Ананьева, исследование новизны и исследование полезности — это даже не два параллельных процесса, а первый из них подчинен второму (и неизбежно должен им замедляться).

Практика, сложившаяся на основе представленного выше толкования ст. 29 Положения об изобретениях 5 марта 1941 г., была глубоко отлична от той, которая определялась соответствующими нормами Положения 9 апреля 1931 г. Статья 45 Положения 1931 года гласила: «Каждая заявка подвергается... исследованию, которое имеет целью выяснить, является ли предложение новым изобретением». А в п. «д» ст. 4 указывалось: «Если изобретение признано полезным для народного хозяйства СССР, изобретатель имеет право на вознаграждение от государства или от соответствующей организации по принадлежности». Таким образом, для Положения 1931 года разрешение вопроса о полезности необходимо предшествовало приме-

¹ Ф. Т. Ананьев, Эффективно применять законодательство по изобретательству («Советское государство и право» 1955 г. № 8).

нению изобретения и тем самым осуществлению права изобретателя на получение вознаграждения за применение его изобретения. Но самое признание его предложения изобретением ни в какой мере не подчинялось признанию полезности и не связывалось ни в каком ином порядке с признанием полезности этого предложения. Изобретением признавалось существенно новое техническое предложение. А наряду с этим решался вопрос о том, целесообразно ли применять данное предложение вслед за признанием его изобретением или иногда до признания (ст. 46 Положения об изобретениях 9 апреля 1931 г.), но во всяком случае независимо от этого признания¹.

Однако действительно ли Положение об изобретениях 5 марта 1941 г. заняло в данном вопросе иную, прямо противоположную позицию, признало ли оно изобретением только существенно новое техническое предложение, признанное полезным, то есть подлежащим применению?

Насколько нам известно, детальный анализ соответствующих норм Положения об изобретениях 5 марта 1941 г. в юридической литературе ни разу не предпринимался, а принятое в практике толкование критиковалось главным образом с точки зрения целесообразности. Между тем и анализ прямого смысла этих норм, их редакции, вызывает серьезные сомнения в обоснованности толкования, которое им давалось в практике.

Положение об изобретениях 5 марта 1941 г. возлагало выдачу авторских свидетельств и патентов на народные комиссариаты СССР, главные управления и комитеты при Совнарком СССР и Центросоюз, а также на наркоматы местной промышленности, коммунального хозяйства и просвещения союзных республик (ст. 15 Положения об изобретениях 1941 года). Иначе говоря, в отличие от действовавшего ранее порядка, а равно и от порядка, установленного с учреждением и началом в 1956 году деятельности Комитета по делам изобретений и открытий, дело выдачи авторских свидетельств и патентов было децентрализовано. Но экспертиза новизны осуществлялась и по Положению 9 марта 1941 г. в централизованном порядке: ее проводило Бюро экспертизы и регистрации изобретений (Бюро изобретений) Госплана при Совнарком СССР (ст. 25 Положения 9 марта 1941 г.).

¹ Не приводя тому каких бы то ни было доказательств, инженер Т. Я. Румянцев в журнале «Изобретательство в СССР» № 1 писал: «Положения об изобретениях и технических усовершенствованиях 1931 и 1941 гг. за основу патентоспособности предложения берут... наличие «признаков существенной новизны и полезности». Очевидно, кавычки, в которые взяты последние пять слов, призваны придавать им вид цитаты из положений об изобретениях. Не входя в оценку этого приема научной полемики, нельзя не признать, после изложенного выше, его несостоятельности».

В соответствии с этим заявка на выдачу авторского свидетельства подавалась согласно той же ст. 25 в «соответствующий народный комиссариат». Из трех экземпляров, в которых должны были подаваться заявки, один направлялся наркоматом «для определения новизны в Бюро экспертизы и регистрации изобретений, ... другой — для определения полезности», ибо вполне понятно, что наркомат был заинтересован прежде всего в разрешении вопроса о том, следует ли данное предложение внедрить в народное хозяйство независимо от того, окажется ли оно существенно новым. Третий экземпляр заявки оставался в бюро по делам изобретений наркомата.

О принятии заявки к рассмотрению не позднее десяти дней со дня ее поступления заявителю выдавалась справка с указанием автора изобретения, его заявителя, названия изобретения и дня поступления заявки, а не позднее чем в двухмесячный срок наркомат должен был рассмотреть заявку и «либо принять... предложение для использования, либо отклонить его, либо принять к испытанию и экспериментированию». Решения эти, говорила ст. 19 Положения, должны быть немедленно сообщены автору, а в случае отклонения автору должна быть сообщена мотивировка отклонения.

Таким образом, в пределах наркомата осуществлялось и в двухмесячный срок со дня поступления заявки оканчивалось исследование вопроса о полезности предложения. Окончанием исследования этого вопроса являлось сообщение заявителю о признании или непризнании полезности его предложения. Сообщения этих результатов Бюро изобретений Госплана СССР Положением об изобретениях 1941 года не требовало. Бюро приступало к производству экспертизы новизны в порядке очередности поступления к нему заявок и заканчивало экспертизу не позднее чем в течение двух месяцев со дня поступления заявки от соответствующего наркомата (ст. 33). Не позднее чем через два месяца со дня получения заключения бюро экспертизы Наркомат должен был вынести и сообщить заявителю решение о выдаче авторского свидетельства или об отказе в его выдаче (ст. 32 Положения 1941 года). Отказ в выдаче авторского свидетельства мог быть обжалован заявителем в месячный срок со дня получения им уведомления о решении наркомата (ст. 36).

Совершенно очевидно, что перед нами два процесса, протекавшие параллельно и без подчинения одного результатам другого. Более того, результатом одного из этих процессов — исследования вопроса о полезности предложения — могло явиться принятие предложения к испытанию и исследованию; без этого решить вопрос о полезности предложения оказывалось в данном случае невозможным. Для организации испыта-

ния составлялся календарный план с указанием лица, ответственного за выполнение плана (ст. 19). В то же время вопрос о новизне подлежал разрешению Бюро изобретений не позднее двухмесячного срока со дня получения заявки от наркомата; наркомат, как уже сказано, обязан был вынести решение о выдаче или невыдаче авторского свидетельства не позднее двухмесячного срока со дня получения заключения Бюро изобретений (ст. ст. 32, 33 Положения). А если испытание предложения и экспериментирование согласно установленному для этого плану к моменту истечения указанных только что сроков оказывались еще не законченными и тем самым вопрос о полезности еще ждал своего разрешения? Ни одного слова не было в Положении 1941 года о продлении в таком случае срока вынесения решения о выдаче авторского свидетельства. Согласно Положению 1941 года Бюро изобретений, как указано выше, и не уведомлялось наркоматом о результатах исследования вопроса о полезности. Единственным предусмотренным в Положении 1941 года случаем приостановления срока выдачи авторского свидетельства был случай заявления спора об авторстве предложения в порядке, установленном ч. 1 ст. 39 Положения. Не указывало также Положение, будто решение Наркомата могло заключаться в отказе выдать авторское свидетельство автору предложения, признанного Бюро изобретений существенно новым, по тому основанию, что предложение не признано полезным, подлежащим немедленному применению.

Таким образом, исследование вопроса о наличии полезности технического предложения и исследование наличия в нем существенной новизны были связаны в Положении 5 марта 1941 г. только фразой ст. 29: «Каждая поступившая в Наркомат заявка подвергается исследованию на наличие в ней признаков существенной новизны и полезности». Повидимому, редакция этой статьи объясняется тем, что в отличие от действовавшего ранее порядка согласно Положению 1941 года стала подаваться одна заявка в трех экземплярах в наркомат. Эта заявка (соответствующие экземпляры ее) и становилась основой исследования как вопроса о наличии в заявленном предложении существенной новизны, так и вопроса о полезности предложения. Но внимательный анализ норм Положения, развивавших содержание ст. 29, приводит к выводу, что подчинять на основании этой статьи признание существенной новизны предложения признанию его полезности — значило допускать произвольную «новизну» в толковании Положения, которая ни общим его смыслом, ни редакцией и соотношением его отдельных статей обоснована быть не могла.

Сказанное подтверждается и тем, что ст. 17 инструкции 27 ноября 1942 г. о вознаграждении за изобретения, техниче-

ские усовершенствования и рационализаторские предложения, как на это уже указывал В. И. Серебровский¹, предусматривала «перспективные предложения, разрешающие крупные технические проблемы, которые не могут быть использованы до создания в народном хозяйстве соответствующих условий».

Понятно поэтому, что ни В. И. Серебровский², ни Н. А. Райгородский³, ни К. К. Яичков⁴ не считали полезность признаком технического предложения, необходимым для признания этого предложения на основании Положения 1941 года изобретением и выдачи его автору авторского свидетельства.

Правда, основной довод, который К. К. Яичков со ссылкой на ст. ст. 18 и 25 Положения об изобретениях приводил в пользу своего взгляда, вызывает некоторое недоумение.

«К полезным Положением относит такие предложения, которые могут быть «целесообразно использованы», — писал К. К. Яичков, — при этом безразлично, идет ли речь об изобретении или о техническом усовершенствовании (ст. 18, ч. 5). Отсюда с несомненностью следует, что по действующему Положению (то есть, по действовавшему в то время Положению об изобретениях 1941 года) полезность не является признаком изобретения, отличающим его, наряду с признаком новизны, от технического усовершенствования»⁵. Едва ли кто-нибудь противопоставлял изобретение другим объектам изобретательского права по признаку полезности. В частности, в том, что техническим усовершенствованием по Положению 1941 года могло быть признано только полезное, более того, уже принятое к использованию техническое предложение, сомневаться было невозможно. Статья 9 Положения 1941 года допускала выдачу удостоверений только «о принятых к использованию технических усовершенствований». Таким образом, те, кто отстаивал признак полезности как необходимый для изобретения, не противопоставлял, как пишет К. К. Яичков, а в данном отношении отождествлял изобретение с техническим усовершенствованием. Между тем обосновано было именно противопоставление их в связи с признаком полезности. Бывают изобретения перспективные, требующие для применения их наличия целого ряда условий, отсутствующих в момент заявки, и т. д., от этого они не перестают быть изобретениями. Техническим же усовершенствова-

¹ «Гражданское право», учебник для юридических вузов, т. II, Юриздат 1944, стр. 257—258.

² См. там же.

³ См. Н. А. Райгородский, Изобретательское право СССР, Госюр-издат, 1949, стр. 82—84.

⁴ См. К. К. Яичков, Изобретение и его признаки по советскому праву, «Советское государство и право» 1958 г. № 3, стр. 84.

⁵ Там же.

нием, как и ныне рационализаторским предложением, новаторское техническое предложение становилось только после вынесения решения о его применении.

Но К. К. Яичков был прав, когда он утверждал, что признание полезным предложения, на которое его автор требовал выдачи авторского свидетельства, означало только признание целесообразности применения этого предложения независимо от того, какую окажется в дальнейшем данная ему в установленном порядке квалификация, будет или не будет оно признано изобретением.

Но детального анализа норм Положения 1941 года, определявших порядок признания технического предложения изобретением, ни К. К. Яичков, ни другие названные авторы не давали.

В. И. Серебровский писал: «Иногда указывают, что... изобретение должно обладать признаком полезности... однако в ряде случаев для реализации сделанного изобретения требуется значительная разработка... Между моментом создания изобретения и его фактической реализацией в некоторых случаях проходит известный срок... Возможны так называемые перспективные изобретения... Поэтому факт непризнания изобретения полезным, то есть в данное время могущим быть примененным в производстве, не мешает выдаче авторского свидетельства или патента»¹.

Н. А. Райгородский цитировал ст. 29 Положения, но вместо анализа этой и связанных с ней статей Положения выдвигал историческое опровержение установившегося в практике толкования ст. 29: «...признание наличия изобретения... совершенно не зависит от признания полезности изобретения... Этого принципа наше изобретательское право неизменно придерживалось, начиная с первого законодательного акта в этой области...»².

Историческое толкование действующей правовой нормы путем одной лишь ссылки на то, что так было «неизменно», явно недостаточно. Но по существу Н. А. Райгородский прав: действительно, как первый, так и последующие акты советского изобретательского права исходили из понятия независимости общественной новизны и полезности изобретения.

Первым актом советского изобретательского права был декрет СНК РСФСР от 30 июня 1919 г. Статья 1 этого декрета устанавливала, что всякое изобретение, признанное полезным,

¹ «Гражданское право», учебник для юридических вузов, т. II, Юриздат, 1944, стр. 257—258.

² Н. А. Райгородский, Изобретательское право СССР, Госюриздат, 1949, стр. 82.

может быть по постановлению Комитета по делам изобретений Высшего Совета Народного Хозяйства объявлено достоянием РСФСР. Согласно ст. 3 изобретения, признанные полезными, объявлялись достоянием РСФСР либо по соглашению с изобретателем, либо в случае недостижения соглашения принудительно, но за особое вознаграждение (не подлежащее налоговому обложению).

В. И. Серебровский писал об этом декрете: «Таким образом устанавливалась национализация изобретений... Объявленные достоянием РСФСР изобретения, за исключением секретных, поступали в распоряжение всех граждан и учреждений на особых условиях, в каждом отдельном случае оговоренных» (ст. 2). В этом отношении, замечает В. И. Серебровский, декрет от 30 июня 1919 г. шел по тому же пути, что и декрет об авторском праве от 26 ноября 1918 г.¹ Иначе говоря, декрет имел в виду, так же как и декрет об авторском праве от 26 ноября 1918 г., прежде всего передать в руки государства и всех трудящихся наличные достижения культуры, в данном случае наличные достижения технической культуры: изобретения, прежде всего изобретения, запатентованные к моменту революции, ибо это были, конечно, крупнейшие к тому времени изобретения. Советское государство брало их в свои руки, если Комитет по изобретениям признавал соответствующее изобретение полезным. Таким образом, ст. ст. 1—3 декрета исходили из того, что техническое предложение признается полезным после признания его изобретением, в частности, произведенного до издания декрета.

Но и предложение, заявленное после вступления в действие декрета, также признается изобретением независимо от того, признано ли оно полезным, ибо если признание его полезным состоялось, говорит ст. 4 декрета, то право на изобретение сохраняется за изобретателем и удостоверяется авторским свидетельством, выдаваемым Комитетом по делам изобретений. Значит ясно: техническое предложение, признанное изобретением, может быть признано также и полезным. Но если оно полезным и не признано, то это ничуть не мешает признанию его изобретением. Ясно настолько, что трудно и представить себе, чтобы изложенные нормы декрета 30 июня 1919 г. могли приводиться в доказательство того, будто наличие признака полезности являлось всегда, с самого начала развития советского изобретательского права необходимым условием признания технического предложения изобретением. Тем не менее

¹ См. «Гражданское право», учебник для юридических вузов, т. 1, Юридиздат, 1938, стр. 270.

Г. Я. Румянцев¹ и В. Я. Ионас признали это возможным. В. Я. Ионас писал: «Признак полезности отличает изобретение в социалистическом обществе от изобретения в буржуазном обществе. Эта мысль выражена в ленинском декрете от 30 июня 1919 г.»².

Насколько правильно последнее утверждение В. Я. Ионаса, видно из сказанного выше о ленинском декрете. К. К. Яичков справедливо указывает: «В декрете об изобретениях от 30 июня 1919 г. полезность рассматривалась в качестве условия признания изобретения достоянием государства и поощрения изобретателя (ст. 3)»³.

Утверждение В. Я. Ионаса о якобы присущем изобретению в социалистическом обществе признаке полезности несовместимо также и с изложенными выше нормами Положения об изобретениях 1931 года, которое в ст. 45 прямо говорило, что заявка технического предложения для признания его изобретением подвергается исследованию только на новизну, а ст. 4 предусматривала изобретения, признанные и не признанные полезными. А ведь Положение об изобретениях тоже относилось к «изобретениям в социалистическом обществе», как пишет В. Я. Ионас. Приведенный выше взгляд В. Я. Ионаса на полезность как необходимый признак изобретения не согласуется с его же высказанным двумя годами ранее утверждением о том, что юридическим основанием «изобретательского правоотношения» является только «приоритет (первенство заявки автора)», иначе говоря, существенная новизна соответствующего предложения⁴.

¹ См. «Изобретательство» 1957 г. № 1, стр. 28.

² «Изобретательство» 1957 г. № 6, стр. 28.

³ К. К. Яичков, Изобретение и его признаки по советскому праву, «Советское государство и право» 1958 г. № 3, стр. 84.

⁴ В. Я. Ионас, Автореферат кандидатской диссертации «Изобретательское правоотношение в советском гражданском праве», стр. 12. Нельзя не заметить, что статья В. Я. Ионаса, в которой выражен его новый взгляд на понятие изобретения, вызывает и ряд других возражений. Так, он считает, что «в наше время изобретения перестали быть только техническими ... ведь авторское право распространяется и на методы лечения и на способы изготовления химических веществ». В то же время ему представляется, что «правильно ограничивает объем определяемого понятия (то есть понятия изобретения.— Е. Ф.) включение в это понятие признака направленности соответствующего предложения на удовлетворение нужд в любой из отраслей народного хозяйства» («Изобретательство» 1957 г. № 6, стр. 28). Между тем представляется ясным, что предложение определенного способа изготовления химического вещества есть такое же техническое предложение, как и всякое другое предложение, способа создания определенного продукта, определенного метода деятельности в известной сфере производства. Что же касается новых способов лечения болезней, то если и признавать их объектами изобретательского права в собственном смысле слова (об этом см. ниже), то деятельность, заключаю-

С 1956 года, с начала деятельности Комитета, порядок подачи заявок для получения авторских свидетельств и патентов изменился. Согласно Положению о Комитете, уже не министерство (прежде наркомат), а ныне и не совнархоз препровождает Комитету поданную заявку для производства экспертизы новизны: заявки на изобретения подаются в Комитет. Согласно ст. 5, п. «в», Положения Комитету «предоставляется право... в) поручать министерствам и ведомствам (а позднее и совнархозам.— Е. Ф.) проведение экспертизы изобретений на их полезность с представлением заключений по ним». В соответствии с этим за министерствами, совнархозами сохранилось «проведение экспертизы на полезность предложений об изобретениях, направляемых Комитетом по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР» (ст. 2 постановления Совета Министров СССР об утверждении Положения о Комитете по делам изобретений и открытий от 23 февраля 1956 г.). А на Комитет были возложены «прием заявок на изобретения (и открытия), экспертиза изобретений на новизну и рассмотрение их с учетом представляемых министерствами и ведомствами, а ныне и совнархозами, заключений о полезности изобретения и известности его по промышленным данным, принятие решений о выдаче авторских свидетельств и патентов» (ст. 3 Положения о Комитете).

Каково действительное значение этих норм?

Прежде всего обращает на себя внимание, что согласно ст. 5 Положения о Комитете он вправе поручать министерствам «проведение экспертизы изобретений на полезность», то есть по буквальному смыслу этой статьи экспертизу не заявок об изобретениях, заявленных Комитету технических предложений, а предложений, уже признанных Комитетом изобретениями. Такое толкование п. «в» ст. 5 Положения о Комитете по делам изобретений и открытий тем более оправдано, что названный пункт ст. 5 говорит о праве Комитета поручать указанным выше учреждениям проведение экспертизы полезности изобретений и рассмотрение «заявочных материалов о рационализаторских предложениях и технических усовершенствованиях для их внедрения в производство». «Изобретения», то есть технические предложения, уже признанные изобретениями, явно противопоставляются «заявочным материалам» о технических предложениях других видов. Вместе с тем возникает вопрос: каким образом не предложение, заявленное в качестве

щуюся в лечении болезней, никак нельзя отнести к сфере «удовлетворения нужд» в какой-бы то ни было отрасли хозяйства. Непонятно также, каким образом на объекты изобретательского права, по взгляду В. Я. Ионаса, возникает авторское право.

изобретения, а техническое предложение другого рода, если это не происходит в порядке процессуального недоразумения, попадает в поле зрения Комитета по делам изобретений и открытий? Ведь согласно п. «в» ст. 3 Положения о Комитете на последний возлагается «прием заявок на изобретения», но не заявок о других технических предложениях. Поэтому приходится думать, что, убедившись в отсутствии существенной новизны поступившей к нему заявки, Комитет может направить такую заявку министерству в качестве «заявочного материала» о предложении, не обладающем существенной новизной, иначе говоря, для исследования вопроса о полезности этого предложения. Вопрос о полезности, очевидно, разрешается не до, а после разрешения вопроса о новизне технического предложения.

Нельзя, однако, не заметить, что изложенные соображения наталкиваются на ст. 2 постановления Совета Министров СССР об утверждении Положения о Комитете по делам изобретений и открытий. В расхождении со ст. 5 Положения о Комитете ст. 2 постановления Совета Министров об утверждении Положения говорит о проведении министерствами экспертизы на полезность не «изобретений», а «предложений об изобретениях».

Однако, во-первых, если Комитету было предоставлено право поручать министерству или совнархозу экспертизу полезности изобретений, то для ускорения внедрения соответствующего предложения в народное хозяйство он, конечно, получил также право поручить министерству или совнархозу проведение экспертизы полезности технического предложения и до того, как это предложение признано изобретением. Это еще отнюдь не значит, что, пока предложение не было признано полезным, оно при наличии в нем признака существенной новизны не могло быть признано изобретением. Во-вторых, порядок проведения экспертизы полезности, как и порядок проведения экспертизы новизны, сроки той и другой, до 1959 года продолжали регулироваться Положением об изобретениях 1941 года и, значит, все сказанное выше о ст. 29 и др. этого Положения сохранило свою силу и после того, как вступило в действие Положение о Комитете.

Тем не менее со вступлением в силу Положения о Комитете возникло некоторое, несомненно, существенное изменение в порядке производства экспертизы полезности: заключение министерства о полезности стало сообщаться не только заявителю предложения, но и Комитету по делам изобретений и открытий.

Более того, Положение о Комитете говорит о производстве экспертизы изобретений на новизну и рассмотрении заявок «с учетом представляемых министерствами и ведомствами (ныне и совнархозами) заключений о полезности изобретений и известности его (очевидно, «их») по промышленным данным»

(ст. 3, п. «е», Положения о Комитете). Но что означает «учет» заключения о полезности? И как можно экспертизу новизны изобретения производить с «учетом» его полезности? Значит ли это, что если заключение о полезности предложения оказывается отрицательным, то в выдаче авторского свидетельства должно быть отказано, хотя бы существенная новизна предложения была установлена со всей определенностью и точностью? Для такого вывода выражение «учет» достаточных оснований не дает. Однако об «учете» заключения о полезности говорится наряду с «учетом известности его (изобретения) по промышленным данным», а эта известность, по крайней мере, если она относится к предложению не данного заявителя, а к тождественному предложению другого лица (см. выше) безоговорочно порочит новизну предложения.

Указанные сомнения можно ныне считать устраненными соответствующими нормами Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях 1959 года.

Пункт 35 Положения близок по редакции к ст. 29 отмененного Положения об изобретениях 9 марта 1941 г.: «Принятые к рассмотрению Комитетом по делам изобретений и открытий заявки подвергаются исследованию на наличие в них существенной новизны и полезности». На основании произведенного ими исследования полезности министерства, ведомства, совнархозы обязаны давать Комитету заключения, о которых сказано выше. При этом каждое такое заключение должно быть дано не позднее двухмесячного срока со дня соответствующего запроса Комитета (п. 37 Положения). Решение же Комитета о выдаче авторского свидетельства или патента либо об отказе в выдаче должно быть направлено заявителю не позднее чем в четырехмесячный срок со дня принятия заявки (п. 39 Положения). Иначе говоря, получение Комитетом заключения о полезности мыслится, видимо, как предшествующее вынесению им решения о выдаче или об отказе в выдаче авторского свидетельства или патента.

Но Положение об изобретениях и открытиях 1959 года содержит еще две нормы, относящиеся к вопросу о полезности.

Первая из них, содержащаяся в п. 35 Положения, устанавливает понятие полезности, исследуемой при разрешении вопроса о признании технического предложения изобретением. «Полезность определяется,— говорит п. 35,— не только с точки зрения немедленного использования предложения в народном хозяйстве, но и возможности использования его в будущем, после создания необходимых для этого условий». Иначе говоря, слова «полезность предложения» в Положении относятся не только 1) к целесообразности немедленного использования данного предложения, но и 2) к его осуществимости.

По-видимому, полезность в обоих этих смыслах имеет в виду и вторая из названных норм п. 37 Положения, ибо он говорит, что по запросу Комитета министерства, ведомства, совнархозы и т. д. обязаны давать заключения «о полезности направляемых им на отзыв предполагаемых изобретений, об их промышленной новизне, целесообразности и порядке их использования».

Нельзя, однако, не заметить несовершенства редакции п. 37. Если, согласно п. 35, под полезностью понимается как осуществимость, так и целесообразность немедленного использования предполагаемого изобретения, то неясно, для чего п. 37 требует представления Комитету заключения «о полезности» изобретения и сверх того о «целесообразности его использования».

Кроме того, трудно себе представить, чтобы, исследуя вопрос о наличии новизны в заявленном Комитету предложении, эксперт Комитета мог производить экспертизу новизны в отрыве от исследования вопроса об осуществимости того же предложения. Если техническое предложение не обладает признаком осуществимости, то нет никакого смысла заниматься вопросом о том, обладает ли оно каким бы то ни было из требуемых законом признаков, в частности, признаком существенной новизны. Трудно также представить себе, чтобы эксперт Комитета, который далеко не всегда способен судить о целесообразности немедленного использования предложения, нуждался в заключении по вопросу о применимости предложения, о том, не противоречит ли оно законам соответствующей технической науки, работоспособно ли заявленное Комитету устройство, основано ли оно на правильных расчетах и т. п.

Поэтому есть все основания думать, что центр тяжести заключений, запрашиваемых Комитетом согласно п. 37 Положения, лежит в сообщении сведений «о промышленном использовании» предложения, то есть о том, не используется ли уже в промышленности тождественное предложение, и в признании или непризнании целесообразности немедленного применения еще не используемого предложения.

Если Комитет признает, что полученное им заключение об отсутствии «промышленной новизны» относится к предложению, по существу тождественному с заявленным Комитету, то он должен отклонить заявку: заявленное Комитету предложение уже применяется в промышленности и, значит, не обладает существенной новизной, кроме случаев, когда заявка этого предложения подана для получения на предложение авторского свидетельства до истечения четырех месяцев со дня, когда начато внедрение того же предложения (см. выше, стр. 74 и сл.).

Но если в заключении отвергается целесообразность немедленного применения заявленного Комитету осуществимого и способного давать положительный эффект предложения, обладающего при этом, по заключению эксперта Комитета, существенной новизной, то это предложение должно быть признано изобретением и на него должно быть выдано авторское свидетельство. Это вытекает из п. 36 Положения, устанавливающего: «Авторское свидетельство не выдается, если сущность предполагаемого изобретения до подачи заявки была раскрыта источниками, указанными в п. 35 настоящего Положения или же иным путем». Иначе говоря, непризнание целесообразности немедленного применения предложения не препятствует признанию этого предложения изобретением и оформлению прав изобретателя соответственно его заявке.

В связи со сказанным трудно признать удовлетворительными относящиеся к значению признака полезности положения одобренной Комитетом по делам изобретений и открытий 19 января 1959 года инструкции об экспертизе заявок на изобретения.

Названная Инструкция в п. 2 определяет основную задачу эксперта, как установление того, «что из предлагаемого нового и в какой мере это новое полезно... При анализе заявки эксперт обязан стремиться к выявлению всех имеющихся в предложении полезных отличий...». Далее в п. 6 разъяснено, что «понятие о полезности изобретений нельзя связывать с представлением об обязательном его использовании... Для признания изобретением предложения, имеющего существенную новизну, достаточно, чтобы не исключалась возможность его применения... которое не противоречило бы здравому смыслу, т. е. не шло бы во вред делу».

Не вполне ясны эти положения. С одной стороны, понятие полезности как будто не связывается с вопросом о целесообразности его немедленного внедрения. Полезность как будто отождествляется с осуществимостью технического предложения, трактуется как объективный признак предложений. С другой стороны, полезность — это возможность такого применения предложения, которое «не шло бы в ущерб делу» — то есть признак субъективный.

Далее, названный п. 6 Инструкции говорит, что при решении вопроса о выдаче авторского свидетельства «учитывается заключение промышленности о полезности изобретения». Выше сказано о неопределенности, которой грешат указания об «учете» того или иного признака предложения при признании его изобретения.

В то же время п. 8 Инструкции, как будто направленный на устранение этой неопределенности, вызывает прямое недо-

умение. Согласно п. 8 оказывается, что «отрицательный отзыв о полезности не может служить препятствием к выдаче патента». Что это значит?

Отрицательный отзыв о полезности, понимаемой как целесообразность немедленного внедрения технического предложения, не препятствует и выдаче на данное предложение авторского свидетельства. Это как будто подтверждает и Инструкция и, очевидно, не может не подтверждать, не впадая в противоречие с изложенным выше, п. 36 Положения. Но также очевидно, что понимаемая как осуществимость предложения полезность его должна быть налицо и при признании предложения изобретением для выдачи на него патента. Едва ли изложенные нормы инструкции об экспертизе заявки облегчат применение вполне ясного по смыслу п. 36 Положения.

Обоснованность содержащейся в п. 36 нормы можно считать очевидной, ибо подчинение признания технического предложения изобретением наличию возможности немедленного его использования не соответствует, а противоречит задачам технического прогресса в тех масштабах, в каких он уже ныне осуществляется в нашей стране. Признание технического предложения подлежащим немедленному использованию иногда определяется не технической сущностью предложения, а обстоятельствами, лежащими вне его: экономическим, прежде всего финансовым, положением соответствующих предприятий, условиями выполнения ими своих производственных заданий, требованием ритмичности этого выполнения и т. п. Такая оценка технического предложения, с точки зрения возможности немедленного его осуществления, не всегда свободна и от субъективных моментов, от соображений, недостаточно обоснованных интересами народного хозяйства в целом, и нередко в дальнейшем опровергается органами, осуществляющими планирование изобретений.

Наконец, требование признания возможности немедленного применения предложения для признания его изобретением ставит изобретения наиболее крупные, означающие наибольший «шаг вперед» в технике, в худшее положение, чем предложения менее значительные.

В наименее благоприятном положении оказываются при этом пионерские предложения, которые чаще всего являются перспективными, то есть требуют для применения их значительных изменений в народном хозяйстве, а иногда и создания других изобретений, но применение которых с момента, когда соответствующие условия налицо, способно принести огромную пользу народному хозяйству, обороне страны, росту ее культуры и дальнейшему техническому прогрессу.

Поэтому отказ от признания соответствующих предложе-

ний изобретениями и тем самым от стимулирования их создания неприемлем.

Правы были авторы коллективной статьи, помещенной в 1955 году в журнале «Советское государство и право», когда они говорили: «Для рутинной практики изобретение всегда более или менее оторвано от жизни. Чем значительнее изобретение, тем сильнее оно в указанном смысле «оторвано от жизни», но тем важнее преодолеть эту «оторванность» и помочь изобретению войти в жизнь. Соответственно этому объектом социалистического правового регулирования должна быть техника не только близкого, но и далекого будущего...»¹.

О том же говорили и сотрудники Комитета технической терминологии Академии наук СССР².

III. Хотя изобретением согласно п. 3 Положения признается отличающееся существенной новизной и дающее положительный эффект решение технической задачи в любой области народного хозяйства, культуры, здравоохранения, однако из этого положения допускается одно исключение: на получаемые химическим путем вещества ни авторские свидетельства, ни патенты не выдаются, они выдаются лишь на новые способы изготовления этих веществ (п. 4 Положения об изобретениях и открытиях). Аналогичное положение содержалось и в ранее действовавших нормативных актах СССР об изобретательстве (ст. 2 Положения об изобретениях 5 марта 1941 г., ст. 3 Положения об изобретениях 9 апреля 1931 г.).

Не так давно в советской юридической литературе была взята под сомнение обоснованность этого положения. «Совершенно произвольный характер носит... отказ в выдаче авторских свидетельств на новые вещества, получаемые химическим путем», — писали Р. Т. Шапиро и Т. С. Альтшуллер. «Такое ограничение имеет смысл только в патентном праве, где практически невозможно охранять исключительное право на химические вещества, которые в большинстве случаев являются промежуточными продуктами производства»³. Нельзя, однако, не заметить, что обоснованность этого ограничения не раз бралась под сомнение и в литературе патентного права. Говорили, что если исключительное право на вещества, получаемые химическим путем, стесняло бы химическую промышленность, допускающую многочисленные способы изготовления одного и того же продукта, то это соображение могло относиться, по существу, и к исключительному праву на любое изобретение⁴. Но

¹ «Советское государство и право» 1955 г. № 3, стр. 66.

² См. «Советское государство и право» 1955 г. № 6, стр. 113—114.

³ «Советское государство и право» 1958 г. № 2, стр. 36.

⁴ См. Г. Ф. Шершеневич, Курс торгового права, т. 1, СПб., 1908, стр. 90.

найти обоснование отказа в охране химических веществ авторскими свидетельствами, представляется, действительно, невозможным. Ведь право на использование любого изобретения, на которое выдано авторское свидетельство, принадлежит Советскому государству. Следовательно, ни о каком «стеснении» химической промышленности вследствие выдачи авторских свидетельств на химические вещества говорить не приходится. А право на вознаграждение, которое имел бы изобретатель химического вещества, в случае использования его изобретения служило бы немаловажным стимулом дальнейшего роста изобретательства в такой важной области народного хозяйства, какой является ныне химическая промышленность.

Надо, однако, заметить, что другое замечание, которое Р. Т. Шапиро и Г. С. Альтшуллер делают по поводу ограниченного круга охраняемых советским правом изобретений, является недоразумением.

Пункт 4 Положения устанавливает, что на лечебные, вкусовые и пищевые вещества, изготавливаемые нехимическим путем, выдаются лишь авторские свидетельства, но не патенты. В связи с однородной по содержанию ст. 2 одного из проектов ныне действующего Положения названные авторы спрашивали: «Чем же оправдывается отказ в выдаче авторских свидетельств на новые красящие, взрывчатые, пахучие и иные вещества, полученные не химическим путем?»¹.

Между тем такого отказа Положение об изобретениях и открытиях не содержит, как не содержал его и проект Положения, о котором писали названные авторы. Пункт 4 Положения говорит, что ни на какие вещества, полученные химическим путем, не выдаются ни авторские свидетельства, ни патенты.

Следовательно, ни авторские свидетельства, ни патенты не выдаются и на лечебные, пищевые и вкусовые вещества, если они изготавливаются химическим путем. Если же они изготавливаются не химическим путем, на них согласно п. 4 Положения могут выдаваться авторские свидетельства, но не патенты. Речь идет именно о лекарственных, пищевых, вкусовых веществах. Для других веществ, изготавливаемых не химическим путем, Положение об изобретениях никаких специальных правил не содержит. Поэтому оправдывать «отказ в выдаче авторских свидетельств на новые красящие, взрывчатые, пахучие и иные вещества, получаемые не химическим путем», не приходится; в Положении об изобретениях и открытиях такой отказ выражения не получил.

¹ «Советское государство и право» 1958 г. № 2, стр. 36.

IV. Так же, как ныне отмененное Положение об изобретениях 1941 года, действующее Положение предусматривает выдачу авторских свидетельств (но не патентов) на новые, надлежащим образом апробированные способы лечения болезней (п. 4).

Нельзя, однако, не заметить, что сущность охраны на основе авторского свидетельства нового апробированного способа лечения болезней значительно отличается от правовой охраны изобретений в области техники.

Разумеется, авторство соответствующего предложения признается авторским свидетельством во всех случаях. Право авторства на способ лечения болезней совпадает по содержанию с правом авторства на изобретение в области техники. Но можно ли сказать, что с выдачей авторского свидетельства на способ лечения применение этого способа составляет право только Советского государства? Очевидно, что утвердительный ответ на этот вопрос не соответствовал бы гуманизму советского права и требованиям врачебной этики в нашей стране. Поэтому следует признать, что после того, как на апробированный в установленном порядке способ лечения болезни выдано авторское свидетельство, право применять этот способ принадлежит не только государственному (и кооперативным) лечебным учреждениям, но и любому врачу, который на законных началах осуществляет занятие своей профессией, кроме случаев, разумеется, когда данный способ лечения, как например, лечение изотопами, лечение радием или электроном, требует клинической обстановки. Более того, каждый врач, так же как и каждое лечебное учреждение, не только вправе, но и обязан, кроме указанных случаев, применять способ лечения, апробированный в надлежащем порядке. Это вытекает из общих требований, предъявляемых к деятельности советского врача, из его обязанности применить все известные ему способы восстановления здоровья больного.

Таким образом, одно из основных положений изобретательского права о технических предложениях, на которые выдано авторское свидетельство, к новым апробированным способам лечения болезней неприменимо.

Неприменим к ним и основной порядок исчисления вознаграждения за изобретения, установленный нормами изобретательского права: по производственной экономии, получаемой от применения изобретения. О такой экономии в связи со способами лечения болезней вообще говорить не приходится.

Поэтому нетрудно понять мысль В. И. Серебровского, который писал, что «к изобретениям Положение от 5 марта 1941 г. приравнивает... новые способы лечения болезней... надлежащим

образом апробированные. Авторам таких способов лечения могут быть выданы авторские свидетельства»¹.

Действительно, новые апробированные в надлежащем порядке способы лечения болезней приравниваются к изобретениям в области техники в том смысле, что право авторства на те и другие регулируется единообразно. Но в остальном права и обязанности авторов изобретений в области техники, с одной стороны, и авторов новых способов болезней, с другой, не совпадают. Стимулирование одними и теми же правовыми способами творческой деятельности новаторов техники и деятелей медицины неосуществимо.

Разумеется, сказанное относится именно к способам лечения болезней и не должно распространяться на изобретения медицинской аппаратуры, инструментов, приспособлений и т. п. Эти изобретения относятся к числу технических предложений в области здравоохранения, предусмотренных п. 3 Положения, и правовые последствия создания таких предложений определяются общими правилами изобретательского права: Положением и инструкцией.

Об изобретениях лечебных веществ и способов их изготовления см. выше (стр. 103 и сл.)

V. Не совпадает с установленным п. 3 Положения понятием изобретения также и понятие технических предложений в области сельского хозяйства, выдача авторских свидетельств на которые предусмотрена п. 5 Положения.

Согласно п. 5 авторские свидетельства выдаются не только на новые, но и на улучшенные породы сельскохозяйственных животных и птиц, породы тутового и дубового шелкопряда, сорта сельскохозяйственных культур.

Таким образом, указанные авторские свидетельства выдаются как при условиях однородных с теми, при которых выдается авторское свидетельство на изобретение в области техники, то есть на новые породы сельскохозяйственных животных, на новые сорта сельскохозяйственных культур, так и при условиях, по существу однородных с теми, наличия которых закон требует для выдачи удостоверения на рационализаторское предложение: авторские свидетельства выдаются на улучшенные породы сельскохозяйственных животных, на улучшенные сорта сельскохозяйственных культур.

При этом указанные авторские свидетельства выдаются только селекционерам, селекционным станциям и станциям по племенной работе, и выдача их производится не Комитетом по

¹ «Гражданское право», учебник для юридических вузов, т. II, Юриздат, 1944, стр. 258.

делам изобретений и открытий, а Министерством сельского хозяйства СССР.

VI. Особым видом изобретения является дополнительное изобретение.

Изобретение признается дополнительным, если оно является усовершенствованием другого, основного, изобретения, на которое выдано авторское свидетельство или патент, и не может использоваться без применения основного изобретения. Именно зависимостью дополнительного изобретения от другого, основного, изобретения обосновываются особенности правовой охраны интересов и прав автора дополнительного изобретения (см. гл. IV, V).

VII. Комбинационное изобретение представляет собой новое, неизвестное ранее мировой технике соединение устройств, способов, которые могут применяться каждый в отдельности независимо от данного их соединения.

В таком изобретении существенной новизной должно обладать именно соединение устройств или способов; соединяемые устройства или способы могут существенной новизной не обладать.

При отсутствии существенной новизны соединения устройств или способов нет и подлежащего правовой охране изобретения. Такой взгляд был прямо высказан и в судебной практике при действии Положения 1941 года. В определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда СССР от 10 мая 1952 г. по иску Перли к Украинскому институту механизации сельского хозяйства Коллегия отказалась рассматривать вопрос об авторстве технического предложения, которое было признано лишь «комбинацией из общеприменяемых конструкций элементов ветродвигателей»¹.

VIII. Эквиваленты. Нередки случаи, когда отдельные части конструкции, уже признанной в установленном порядке изобретением, отдельные элементы признанного изобретением способа изготовления изделий оказывается возможным заменить другими известными технике частями или, соответственно, элементами. В таких случаях говорят об эквивалентах.

Едва ли требует пространного обоснования, что предложение эквивалента не может быть с точки зрения советского изобретательского права признано изобретением. Замена отдельной части конструкции, уже признанной ранее изобретением, другого известной технике частью или отдельного элемента признанного изобретением способа изготовления изделий другим известным технике элементом не меняет сущности ранее сделанного изобретения. Перед нами не предложение, обладающее признаком су-

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР» № 9 стр. 44.

щественной новизны, а усовершенствование уже известного техники и признанного изобретением предложения.

Если предложение эквивалента относится к уже применяемой конструкции, машине или способу изготовления и притом само принимается к использованию, то оно является рационализаторским предложением: п. 7 Положения признает рационализаторскими предложениями «предложения по усовершенствованию применяемой техники (машин, приборов, инструментов, приспособлений, аппаратов, агрегатов и т. д.)... технологии производства».

Если предложение эквивалента только что указанным условиям не удовлетворяет, то оно вообще не становится объектом изобретательского права.

Разумеется, иное приходится сказать в случае, когда предлагается путем замены части или элемента признанного изобретением технического предложения изменить самую сущность последнего. Но в таком случае перед нами уже не то, что принято называть предложением эквивалента, а использование известного техники предложения для создания другого предложения, технике неизвестного, создание нового изобретения.

IX. Перенос представляет собой предложение использовать в какой-либо области техники конструкцию, устройство или способ работы, находящие себе применение в другой области техники. Вопрос о правовом значении переноса возник в патентном праве капиталистических стран. Он является по существу вопросом о пределах действия монополии патентообладателя, если подойти к этому вопросу с позиций обладателя патента на переносимое изобретение, и вопросом о расширении круга патентоспособных изобретений, если подойти к нему с позиций автора предложения о переносе. В патентном праве капиталистических стран перенос обыкновенно признается изобретением, если его предлагают для использования изобретения в области производства, отдаленной от той, в которой применяется переносимое устройство, ибо уже самая постановка вопроса о переносе признается в таком случае проявлением изобретательского творчества. Перенос признается в патентном праве изобретением, также если для осуществления переноса приходится преодолеть значительные технические трудности, требующие, как говорят буржуазные юристы, изобретательской деятельности.

Практика применения советского изобретательского права рассматривает перенос как изменение цели, для которой используется изобретение, и новым изобретение его не признает¹.

Понятно, однако, что использование чужого технического опыта играет немаловажную роль в общем развитии техники.

¹ См. «Изобретательство в СССР» 1957 г. № 3, стр. 27.

Поэтому инициатива правомерного использования этого опыта не оспаривается без стимулирования.

Пункт 1 инструкции о вознаграждении за открытия, изобретения и рационализаторские предложения предусматривает премирование лиц, «проявивших инициативу в использовании, в порядке обмена опытом, изобретений и рационализаторских предложений, которые внедрены на других предприятиях или данные о которых опубликованы в печати» (см. гл. V).

§ 3. Изобретения и открытия

Регулируя отношения, связанные с созданием и использованием новаторских технических предложений, Положение 1959 года охватывает своими нормами также и ряд отношений, возникающих в связи с открытиями. В наименовании Положения слово «открытия» даже предшествует словам «изобретения» и «рационализаторские предложения». Этот акт, как уже указано, называется Положением об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях.

Однако открытие, определяемое п. 2 Положения как «установление неизвестных ранее объективно существующих закономерностей, свойств и явлений материального мира», к числу объектов изобретательского права не относится.

Соединение в одном нормативном акте положений изобретательского права и положений, относящихся к открытиям, объясняется двумя моментами. Во-первых, действовавшее уже во время подготовки Положения 1959 года и сохраняющее силу и ныне Положение о Комитете по делам изобретений и открытий возлагает на Комитет наряду с функциями, связанными с деятельностью новаторов техники и использованием продуктов их творческого труда, также и ряд функций, относящихся к сделанным в нашей стране открытиям. Понятна поэтому мысль об установлении в нормативном акте, в значительной своей части регулирующем деятельность Комитета в области изобретательства также и норм, развивающих положения о деятельности Комитета, связанной с открытиями. К тому же и правовое регулирование положения авторов открытий как таковое было в Положении о Комитете далеко не достаточным и требовало усовершенствования.

Во-вторых (и этот второй момент, несомненно, определил и только что указанный круг задач Комитета), изобретение нередко тесно связано с открытием, непосредственно основывается на открытии. Последнее, как говорят, «используется в изобретении». (По сути дела, «используя» открытие в изобретении, автор последнего создает способ использования открытия в какой-либо другой практической деятельности.) Иногда открытие

пригодно к непосредственному использованию для технических целей. В таких случаях для технических целей по большей части не требуется других новых приспособлений, кроме тех, которые применялись при научном исследовании, приведшем к открытию. Примером может служить компас. «Раз были открыты земной магнетизм и свойство магнитной стрелки занимать определенное положение, то можно было аппарат, при помощи которого это открытие было сделано, поместить на палубе корабля и плыть согласно его указаниям. Так же обстоит дело и с огромным большинством химических изобретений, состоящих в техническом применении вновь открытых химических реакций»¹. Бывают и случаи, когда автор открытия предлагает сам и технические способы использования своего открытия. Известны и случаи, когда открытие является результатом применения машин или других приспособлений, созданных автором открытия для экспериментирования в области соответствующих явлений. В трех последних случаях автор изобретения и автор открытия совпадают в одном лице.

Однако ни в одном из случаев не отпадает различие между открытием и изобретением. Открытие есть обнаружение, констатация объективно существующего. Оно всегда входит в состав определенной отрасли науки как системы знаний о той или иной области материального мира. Изобретение есть предложение целесообразного, «правило» практической деятельности для достижения определенного результата.

Открытие утверждает: то-то существует в такой-то области явлений. Изобретение предлагает: действуйте таким-то образом, и в результате ваших действий то-то будет существовать в данной области явлений: вы придадите такую-то скорость такому-то движению, вы преобразуете одно определенное вещество в такое-то другое и т. п. Открытие объясняет мир, изобретение изменяет его.

Ввиду сказанного нельзя согласиться с В. И. Серебровским, который относит к числу открытий создание возможности «приготовить искусственно то, чего нет в окружающей нас природе»².

Трудно считать обоснованными и ссылки В. И. Серебровского на статью Б. М. Кедрова. Когда Б. М. Кедров говорит об искусственном изготовлении чего-либо, ранее в природе не существовавшего, и называет это изготовление открытием, он каждый раз ставит слово «открытие» в кавычки. Б. М. Кедров пишет: «При решении задачи практического использования атомной энергии в США в 1942 году были «открыты», искусственно

¹ И. Я. Хейфец, Изобретение и его патентная охрана, Л., (год издания не указан), стр. 13.

² В. И. Серебровский, Научное открытие как объект права, «Советское государство и право» 1959 г. № 3, стр. 52.

приготовлены, два новые элемента, стоящие в менделеевской системе после урана»¹... «известные (ранее) границы периодической системы оказались раздвинутыми благодаря «открытию» или лучше сказать (разрядка моя. — Е. Ф.), изготовлению заурановых элементов»². Таким образом, трудно сомневаться в том, что употребление Б. М. Кедровым в указанных случаях слова «открытие» есть дань установившемуся неточному словопотреблению, но отнюдь не признание существования особого вида открытий: открытий того, что до открытия не существовало в материальном мире.

Более того, Б. М. Кедров прямо противопоставляет (находящиеся, как показано ниже, в диалектической взаимосвязи) открытия естественного, то есть объективно существующего в мире, с одной стороны, и технику, как искусственное создание того, что ранее в природе не существовало. «Когда мы познаем природу, ее явления и их сущность, их законы, то важнейшим условием истинности достигаемого результата является познание этих явлений и их законов такими, какими они существуют объективно, вне нас и независимо от нас...», — пишет Б. М. Кедров. «Искусственное» есть нечто такое, что мы сами приготовили для себя, исходя из естественного материала, но в соответствии с его собственной природой, его свойствами и его законами, которым он следует... «Технический» это и значит искусственный»³.

Таким образом, разрешение практической, технической задачи необходимо предполагает наличие надлежащих сведений об объективной природе соответствующих явлений. Иначе говоря, изобретение всегда опирается на данные науки, на кем-либо сделанные открытия, пусть авторы этих вошедших в научный обиход, а иногда и широко известных в повседневном быту открытий в ряде случаев давно забыты или остались вовсе неизвестными истории техники, науки и культуры. Но в некоторых случаях изобретение непосредственно опирается на открытие, сделанное точно известным лицом, хотя автор изобретения работал над его созданием независимо от автора открытия.

Из сказанного не следует делать вывод, будто развитие техники исторически всегда следует за развитием науки. История показывает немало примеров обратного: делая изобретение, человек в ряде случаев, по существу, открывал и некоторую неизвестную ранее закономерность, не объективируя, однако, своего открытия путем выделения его из сделанного им изобретения.

¹ Б. М. Кедров, Торжество человеческого разума, «Вопросы философии» 1957 г. № 6, стр. 15.

² Там же, стр. 14.

³ Б. М. Кедров, «Естественное» и «искусственное» в познании и деятельности человека («Вопросы философии» 1958 г. № 4, стр. 15—16).

Лишь дальнейшее развитие науки вскрывает подлинное содержание и значение соответствующего результата творческой деятельности. На целом ряде примеров Маркс показывает, что развитие науки нередко следовало за развитием техники, опиралось на исследование и обобщение предшествовавшего практического опыта. «Все учение о *тренин*, — указывает Маркс, — а стало быть и все исследования о математических формах системы зубчатой передачи, зубцов etc произведены над мельницей. Почти все великие математики, начиная с середины XVII столетия, исходят, поскольку они занимаются практической механикой и пытаются ее теоретизировать, из простой водяной мельницы для зерна»¹.

Вопрос о понятии открытия и о его соотношении с изобретением не раз обсуждался в юридической литературе, в частности, в русской дореволюционной, а также и в советской юридической литературе. В связи с этим указывалось и на различное значение, в котором употребляется слово «открытие».

Об открытии иногда говорят, когда имеют в виду обнаружение того или иного факта или определенного материального предмета.

Говорят: «открыли преступление». Говорят об «открытии» клада, об «открытии» под землею остатков зданий древнего города. Говорят об «открытии» такого-то острова, материка, планеты. Кому неизвестно выражение «открытие Америки»?

Между тем в первых четырех случаях и в последнем слово «открытие» имеет разное значение. Когда открыт клад, засыпанный некогда землетрясением город или даже известный ранее остров, материк или планета, то словом «открытие» означают обнаружение материальной вещи. Колумб же открыл, если можно так выразиться, «рассчитал» существование Америки в результате исследования определенных закономерных связей, а затем, опираясь на эти познанные им связи, обнаружил — тоже, как говорят, «открыл» — и материальную вещь, самый материк.

Точно так же французский математик Леверрье и одновременно с ним английский студент Адамс дали в 1845 году научное объяснение ранее представлявшегося аномальным движения «открытой» еще в XVIII в. английским астрономом Гершелем планеты Уран. Леверрье и Адамс предположили, что в солнечной системе существует еще одна, неизвестная в то время планета, более отдаленная от солнца, чем Уран, и что ее гравитационным воздействием на Уран объясняется его аномальное по сравнению с другими планетами движение. После того, как был вычислен путь этой неизвестной еще планеты и описана ее вероятная масса, Леверрье указал и в какой точке небесного

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIII, стр. 131—132.

пространства следует искать эту неизвестную планету. А затем в 1846 году германский астроном Галле, действительно обнаружил или, как тоже говорят, «открыл» эту планету, названную Нептуном.

Таким образом, слово «открытие» применяется иногда не к обнаружению закономерных связей между явлениями природы, о котором идет речь в Положении об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях, а к обнаружению материальных предметов. Как выше показано, такое «открытие» может опираться на открытие в точном смысле слова: на определенную, обнаруженную ранее закономерность. В то же время обнаружение таких материальных предметов, как неизвестная ранее планета, неизвестный ранее остров или материк, может повлечь или содействовать и обыкновенно содействует и дальнейшему обнаружению закономерностей. Но само по себе оно не есть обнаружение такой закономерности и не может быть названо открытием в научном значении этого слова. Не всегда, как это было, например, с «открытием» Америки или «открытием» Нептуна, оно и опирается на научное открытие. Можно «открыть», обнаружить, например, никому ранее не известный остров, ни разу до момента его открытия не предположив его существования.

Понятно при этом, что открытие в смысле обнаружения определенных закономерных связей между явлениями и открытие как обнаружение некоторого материального предмета одинаково не новы в том смысле, что они не создают ничего, что не существовало бы до открытия в одном и в другом смысле слова. Вновь «открытый» остров существовал, конечно, и до его открытия, иначе нельзя было бы обнаружить его существование. Планета Нептун также существовала не только до того, как Галле ее обнаружил в небесном пространстве, но и до того, как Леверрье и Адамс объяснили особенности движения планеты Уран фактом существования некой в то время еще не обнаруженной другой планеты. Открытый Ньютоном закон всемирного тяготения тоже существовал до дня, когда Ньютон творческим усилием обнаружил его существование.

Таким образом, разница между открытиями в указанных двух значениях этого слова заключается в том, что в одном значении слово «открытие» неразрывно связано с материальной вещью, а в другом оно представляет собою нематериальный продукт творческой деятельности человека.

Но открытая закономерность определенных связей между явлениями природы как нематериальный продукт может быть использована, в частности, для обнаружения материальных вещей и для воздействия на материальные вещи, на силы природы в целях использования или преобразования их, в целях произ-

водства новых, ранее не существовавших в природе вещей. Для практического использования открытия нужно, чтобы открытую закономерность умели использовать, чтобы открытие было перенесено в область техники, чтобы появилось, если оно не заключено в самом открытии (компас, химические реакции и т. п.), новое нематериальное благо: изобретение, которое явится предложением об определенном использовании открытия.

«Законы внешнего мира,— указывал В. И. Ленин,— ...суть основы *целесообразной* деятельности человека. Человек в своей практической деятельности имеет перед собой объективный мир, зависит от него, им определяет свою деятельность... **Техника механическая и химическая** потому и служит целям человека, что ее характер (суть) состоит в определении ее внешними условиями (законами природы)»¹.

В то же время техника, изобретения, всегда опирающиеся на законы природы, не только нередко служат отправной точкой для открытия, но очень часто являются и средством, сознательно и планомерно используемым для обнаружения законов природы, то есть для дальнейших открытий как результата научных исследований, в которых применяются технические приспособления. Изобретение и открытие находятся в диалектической взаимосвязи. В современных условиях быстрого развития науки и техники практическая связь открытий и изобретений крепнет с каждым днем. В капиталистических странах эта связь находит свое внешнее выражение в том, что монополии, заинтересованные в технических изобретениях, ставят себе на службу научные лаборатории и другие научные учреждения. В социалистическом обществе устанавливаются разнообразнейшие формы связи науки и техники (см. ниже гл. IV).

Все чаще умственная деятельность, результатом которой является открытие, как вновь познанная закономерность материального мира, становится деятельностью, сознательно направленной на достижение если не данного результата, то результата определенного рода. В таких случаях перед нами научная деятельность, сама планомерно опирающаяся на результаты предшествующих открытий и других данных науки и вместе с тем использующая для достижений новых открытий также многочисленные изобретения. Но и в современных условиях открытие может явиться результатом случайного наблюдения, даже результатом, необъяснимым для того, кто сделал это открытие. Тем не менее, это — несомненно открытие. Тот, кто сумел в дальнейшем объяснить его, связать с другими, известными ранее явлениями, открытия уже не делает. Его заслуга заключает-

¹ В. И. Ленин, *Философские тетради*, Госполитиздат, 1947, стр. 161—162.

ся в уяснении открытия, сделанного другим лицом, в определении места этого открытия в ряду других, ранее познанных закономерных связей между явлениями, может быть, и в уяснении его значения для различных областей практической деятельности человека, в частности, для изобретений. Но все же объяснивший открытие, сделанное другим, сам открытия не сделал.

Поэтому невозможно согласиться с утверждением Н. А. Райгородского, будто «от открытий, устанавливающих закономерные связи между явлениями, нужно отличать научные открытия, когда, кроме одной констатации существующих закономерностей, дается и их научное обоснование, объяснение»¹.

Нельзя согласиться и с тем, будто «простое открытие», как его называет Н. А. Райгородский, отлично от «научного открытия» потому, что простое открытие и его научное обоснование могут быть «разделены не только во времени, но и по лицам». Конечно, такое разделение возможно и нередко встречается, но все же обосновывающий и объясняющий чужое открытие сам открытия не делает и не превращает открытия, сделанного другим, в новое открытие. Он только облегчает и расширяет возможность уяснения открытия, сделанного другим, а иногда и возможность практического использования этого открытия.

Это нисколько не противоречит приведенной Н. А. Райгородским цитате из философских тетрадей В. И. Ленина, которая не подкрепляет утверждения Н. А. Райгородского. В соответствующем замечании В. И. Ленин противопоставляет научные абстракции суждениям об отдельных конкретных явлениях и говорит: «... все научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, полнее»². Но абстрактное положение, констатирующее определенную закономерную связь явлений, не перестает быть выдвинутым одним лицом оттого, что другое правильно, серьезно, невздорно, в соответствии с требованием В. И. Ленина, связало это положение с другими, обосновало и объяснило его.

Однако п. 2 Положения 1959 года относит к числу открытий «установление» не только «объективно существующих закономерностей», но также и «свойств и явлений материального мира».

Не соглашаясь с теми, кто возражал против включения в определение понятия «открытие» также и «установление явлений», В. И. Серебровский указывает, что «явление... может представлять собою... предмет, факт», и в качестве примеров открытий явлений приводит «обнаружение нового вида растений, насекомых, животных». Однако тут же оказывается, что для при-

¹ Сборник «Вопросы советского государства и права», Ученые записки ЛГУ, Л., 1955, стр. 122.

² В. И. Ленин, Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 146.

знания нового, ранее неизвестного явления научным открытием недостаточно, по его мнению, «простого обнаружения этого явления». Требуется еще какое-то его объяснение, обоснование. В частности, для признания открытием обнаружения нового вида растений необходимо подробное описание этого растения, указание его в систематике растений и т. д. То же должно соблюдаться и в случаях обнаружения новых видов насекомых, животных организмов и т. д.». «Но все же во всех таких случаях следует видеть открытие»¹.

Таким образом, В. И. Серебровский как будто присоединяется к выдвинутой Н. А. Райгородским мысли о различии между открытием и научным открытием. «В обнаружении нового растения, насекомого и т. п., по его мнению, во всех таких случаях следует видеть открытие». А когда новое растение будет описано, данному растению будет найдено место в систематике растений — открытие превратится в научное открытие.

Поскольку это различие в статье В. И. Серебровского проводится в связи с толкованием п. 2 Положения (точнее, ст. 3 проекта Положения, с которой совпадает п. 2 действующего Положения), представляется излишним повторение тех возражений, которые выше выдвигались против взгляда Н. А. Райгородского: п. 2 Положения 1959 года не различает открытий и научных открытий. Он говорит только об открытиях. Но трудно представить себе при этом, что п. 2 имеет в виду, в частности, и открытие «вещей или фактов», как пишет В. И. Серебровский.

Когда п. 2 Положения 1959 года ставит рядом «закономерности, явления и свойства», то, если согласиться с правильной, видимо, мыслью В. И. Серебровского, что значение слова «закономерности» совпадает в п. 2 со значением слова «законы», следует считать, что явления и свойства понимаются в этом пункте в соответствии с указанием В. И. Ленина: «закон есть существенное явление»². Без оговорок и замечаний приводит В. И. Ленин и положение Гегеля: «Многие различные вещи состоят в существенном взаимодействии через свои свойства; свойство есть самое это взаимоотношение, и вещь вне его есть ничто»³.

Поэтому невозможно, как это делает В. И. Серебровский, противопоставлять, например, «свойство быть красителем» взаимоотношению вещества, оказывающегося красителем, с другими веществами⁴.

¹ См. В. И. Серебровский, Научное открытие как объект права («Советское государство и право» 1959 г. № 3, стр. 50).

² В. И. Ленин, Философские тетради, стр. 139.

³ Там же, стр. 141.

⁴ См. В. И. Серебровский, Научное открытие как объект права («Советское государство и право» 1959 г. № 3, стр. 51—52).

Таким образом, представляется, что п. 2 Положения имеет в виду открытие в смысле обнаружения или, как сказано в п. 2, установления не вещей и фактов, а закономерных связей между явлениями.

Это понимание п. 2 Положения подкрепляется и тем, что п. 2 требует включения в заявку об открытии, подаваемую Комитету, «теоретических или экспериментальных доказательств справедливости заявленных положений». «Теоретическое доказательство справедливости» наличия в природе определенной материальной вещи невозможно. Теоретически обосновываться может гипотеза о существовании такой вещи, но если вещь обнаружена, новое растение «открыто», то теоретически доказывать его существование незачем.

Кроме того, во второй части п. 2 из сферы охраняемых Положением открытий исключается обнаружение определенных материальных вещей: открытия географические, археологические и палеонтологические, а также открытие местонахождения полезных ископаемых.

Но вряд ли при этом имеются в виду только прямо названные открытия материальных вещей. Вероятнее всего, здесь приведены наиболее часто встречающиеся случаи обнаружения ранее неизвестных материальных вещей, имеющие существенное значение для науки или для народного хозяйства. Но «открытие», например, нового вида насекомых, также не будет открытием в смысле п. 2 Положения 1959 года.

Если творческая деятельность изобретателя (как и автора рационализаторского предложения) всегда опирается, как уже сказано, на данные науки, на данные сложившейся системы сведений о закономерностях явлений природы, то она может опираться и на вновь обнаруженную связь между этими явлениями, на открытие, сделанное определенным лицом. Но открытие не является объектом изобретательского права ни как таковое, ни после использования его для создания изобретения.

В связи с анализом постановления ЦИК и СНК СССР о патентах на изобретения 1924 года И. Я. Хейфец писал: «Все теоретические принципы науки лежат... вне советского патентного права, так как они относятся к категории открытий, а не изобретений»¹.

Не требует доказательств невозможность закрепления за кем бы то ни было, в частности и за государством, права использования открытия с исключением из сферы такого использования всех других лиц. Исключительное право на пользование открытием (см. ниже) означало бы создание ограничений и препятствий развитию научной мысли. Представление о таких огра-

¹ И. Я. Хейфец, Изобретение и его патентная охрана, Л., стр. 13.

ничениях и препятствиях несовместимо ни с основными началами и задачами советского права, ни даже с самим понятием научной истины. Открытие как таковое не может быть и внедрено в народное хозяйство: оно есть лишь констатация определенной объективно существующей закономерности. Поэтому упоминания об открытиях в ст. 2, в п. «б» ст. 3 Положения о Комитете по делам изобретений и открытий беспредметны. Статья 2 возлагает на Комитет, в частности, руководство внедрением открытий в народное хозяйство. Статья 3 в п. «б» относит к числу обязанностей Комитета представление для учета при составлении планов «предложений о внедрении в народное хозяйство изобретений и открытий». Ввиду того что открытия как таковые, согласно сказанному выше, не поддаются внедрению в народное хозяйство, и указанные нормы Положения о Комитете беспредметны, они в Положении 1959 года не воспроизведены.

Не может получить применения и содержание п. «и» ст. 3 Положения о Комитете, который возлагает на Комитет рассмотрение жалоб на решения министерств и ведомств по вопросам вознаграждения за открытия: в силу п. 3 инструкции о вознаграждении за открытия, изобретения и рационализаторские предложения, вознаграждение авторам открытий выплачивается Комитетом.

Но если, как сказано выше, открытие не принадлежит к числу объектов изобретательского права, то можно ли его признать, как пишет В. И. Серебровский, объектом «особого субъективного права»?

Прежде чем ответить на этот вопрос, следует уяснить, каковы были права автора открытия до вступления в силу Положения о Комитете по делам изобретений и открытий, а затем и Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях 1959 года.

До вступления в силу Положения о Комитете никаких норм, которые относились бы к открытию, в советском законодательстве не было вообще. Однако авторское право СССР всегда распространялось, как распространяется и ныне, не только на литературные и художественные произведения, но и на произведения научные при условии придания этим произведениям их автором любой объективной формы. Следовательно, не только статья или книга о научном открытии, но и соответствующая формула, изложенная на бумаге или облеченная в иную объективную форму, является объектом авторского права.

Полемизируя с Б. С. Мартыновым и отмечая неточность некоторых, выдвинутых Б. С. Мартыновым положений, Н. А. Райгородский опровергает и то, чего Б. С. Мартынов не говорил. В работе Б. С. Мартынова сказано, что «основы авторского права СССР регулируют права авторов на литературные (художественные)

ственные, научные, технические) произведения»¹, и, таким образом, научные произведения как будто превращены в вид произведений литературных, а если им, в частности открытиям, литературная форма не придана, то отвергается и возможность признания их объектами авторского права.

Однако в той же работе Б. С. Мартынова сказано: «Научное открытие нельзя смешивать с научно-литературными произведениями. Научное открытие, как правило, осуществляется значительно раньше, чем автор его (научный работник) приступит к литературному оформлению своего открытия... Лишь с того момента, как научное открытие получит литературную обработку, предназначенную для опубликования²..., появляется на свет научно-литературное произведение, охраняемое законом об авторском праве на литературные произведения (разрядка моя.— Е. Ф.). Но это вовсе не означает отсутствия научного авторства, отличного от авторства литературного: научное авторство существует раньше, еще до того, как возникло авторское право на научно-литературное произведение... отсутствие литературного авторского права не устраняет правомочий научного авторства».

Как же можно, прочитав это, утверждать будто Б. С. Мартынов считал, что научные произведения охраняются авторским правом только в случае, если они приняли форму литературного произведения³?

Кроме указанной выше неточности, Б. С. Мартынов выдвинул еще одно неправильное положение. Он считал, что «научно-литературное произведение... получает то или иное объективное выражение (например, в виде данных лабораторных анализов, вычислений, расчетов, схем, чертежей, черновых заметок, записей и т. д.)⁴. Очевидно, что ни вычисления и расчеты, ни схемы и чертежи литературными произведениями не являются, а могут лишь входить в состав такого произведения или быть самостоятельной формой научного произведения. Тем не менее, несмотря на некоторую небрежность изложения, мысль Б. С. Мартынова ясна: он так же, как и Н. А. Райгородский, считал, что научное произведение, выраженное в любой объективной форме, являет-

¹ Б. С. Мартынов, Право авторства в СССР, «Ученые записки ВИЮН», вып. IX, Юриздат, 1947 г.

² О «предназначении» для опубликования говорить не следовало: научное и литературное произведения являются объектами авторского права с момента их создания независимо от того, предназначены ли они для опубликования.

³ См. Н. А. Райгородский, Открытие и его охрана в советском авторском праве, «Вопросы советского государства и права», Ученые записки ЛГУ, Л., 1955, стр. 127.

⁴ См. Б. С. Мартынов, Право авторства в СССР, «Ученые записки ВИЮН», вып. IX, Госюриздат, 1947, стр. 158.

ся объектом права авторства и охраняется советским авторским правом.

С введением в действие Положения о Комитете по делам изобретений и открытий и особенно со вступлением в силу разившего соответствующие его нормы Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях авторство открытий получило новую, более эффективную правовую охрану путем регистрации открытий в Комитете по делам изобретений и открытий. За авторами открытий признано и право на поощрительное вознаграждение. Ничто другое в правовом положении автора открытия не изменилось. По-прежнему любое лицо вправе использовать открытие в любой своей деятельности, вправе развивать его, дополнять и вносить в него коррективы, разумеется, не нарушая права авторства того, кто сделал открытие. В этом единственная особенность авторского права на открытие, сближающая его с правом авторства на изобретение и отличающая его, как и авторское право на любое научное произведение, от авторского права на произведения литературные, художественные, музыкальные. Едва ли это позволяет признать, как предлагает В. И. Серебровский, что автору открытия принадлежит не отличающееся некоторыми особенностями авторское право, а «особое субъективное право».

§ 4. Понятие рационализаторского предложения

1. Кроме изобретения, то есть технического предложения, имеющего существенную новизну, наше изобретательское право знает теперь только единственный объект, не имеющий существенной новизны: он именуется рационализаторским предложением. Этот термин в Положении 1959 года стал, таким образом, родовым понятием для всех технических предложений, объектов изобретательского права, не имеющих существенной новизны. Как известно, по Положению 1941 года термин «рационализаторское предложение» имел лишь видовое значение, поскольку существовал другой объект изобретательского права, также не обладавший существенной новизной, — «техническое усовершенствование».

Включение в состав объектов нашего изобретательского права наряду с изобретениями также и объектов, не имеющих существенной новизны, имеет большое политическое и хозяйственное значение. Нет, конечно, сомнений в том, что сдвиги в технике обуславливаются принципиально новыми решениями технических задач, то есть изобретениями в узком смысле этого слова. Однако технический прогресс, во-первых, подготавливается, а во-вторых, развивается тысячами относительно мелких

предложений технического характера, которые не претендуют на существенную новизну.

Как известно, за исключением короткого периода 1924—1931 гг., советское изобретательское право всегда стояло на позиции включения всех технических предложений, совершенствующих нашу технику и технологию, в число объектов изобретательского права независимо от существенной новизны этих предложений.

Положение характеризует рационализаторские предложения прежде всего как «предложения по усовершенствованию применяемой техники» (п. 7). Эта характеристика рационализаторского предложения уточняется примерной расшифровкой. Разъяснено, что под применяемой техникой разумеются: машины, приборы, инструменты, приспособления, аппараты, агрегаты и т. д.; кроме того, указано, что усовершенствования могут относиться также к выпускаемой продукции, технологии производства и способам контроля, наблюдения и исследования, к технике безопасности, к охране труда, к повышению производительности труда, к повышению эффекта использования энергии, оборудования материалов.

К рационализаторскому предложению не предъявляется требование существенной новизны, но предъявляется требование местной новизны (поскольку дело идет об определенном усовершенствовании, еще не применяемом на данном предприятии).

Границы юридического понятия рационализаторского предложения (в смысле Положения 1959 года) суживаются уже упомянутыми выше двумя оговорками, сделанными в том же п. 9. Прежде всего предусмотрено, что Положение не распространяется на предложения по улучшению организации и управления хозяйством¹. Собственно говоря, эта оговорка только подчеркнула лишний раз общую характеристику рационализаторского предложения, данную в п. 7 Положения; предложения, относящиеся к организации хозяйства и управлению хозяйством, нельзя считать техническими предложениями. Предусмотрено также, что Положение не распространяется на предложения (кроме изобретений), если они сделаны инженерно-техническими работниками научно-исследовательских институтов, проектных и конструкторских организаций и относятся к разрабатываемым в порядке выполнения служебных заданий проектам, конструкциям и технологическим процессам.

Ввиду того, что требование существенной новизны к рационализаторским предложениям не предъявляется, рационализа-

¹ К таким Положением относит, например, предложение по упорядочению штатов и структуры предприятий и учреждений, по упрощению или улучшению учета и отчетности, документации по организации снабжения и сбыта и т. п.

тору выдается не авторское свидетельство, подтверждающее не только авторство, но и существенную новизну предложения, а удостоверение о принятии предприятием или организацией предложения к внедрению¹.

2. Поскольку рационализаторское предложение обязательно должно иметь местную новизну (на данном предприятии или в данной отрасли либо отраслях производства), не исключены споры о первенстве заявки, то есть споры между несколькими лицами, разновременно внесшими данному предприятию (данному совнархозу — см. ниже) одинаковые рационализаторские предложения. Положение устанавливает для таких случаев правило: «первенство признается за лицом, первым внесшим предложение» (п. 56).

Практика знает немало случаев такого рода. Они были известны и при действии прежнего Положения. Например: от мастера цеха поступило предложение об усовершенствовании расстановки станков в цехе. Предложение было отвергнуто, поскольку оказалось, что за месяц до указанной заявки такая же заявка была сделана одним из рабочих-станочников того же завода².

На практике встречаются и более сложные случаи. Например, первая по времени заявка была отклонена руководителем предприятия; рационализатор не обжаловал этого решения. Через некоторое время такая же по техническому смыслу заявка сделана другим лицом и принята предприятием, внедрена в производство. Положение 1959 года дает решение и для этого случая: первенство признается здесь за первой заявкой, несмотря на то, что она была отклонена и решение об отклонении не было обжаловано своевременно рационализатором (п. 56).

3. Рационализаторское предложение рассматривается Положением как результат творческого труда. Это ясно из противопоставления, которое сделано в п. 7 Положения. Лица, создавшие рационализаторское предложение, противопоставлены лицам, оказавшим рационализатору техническую помощь (изготовлением чертежей, образцов, выполнением расчетов и т. п.), которые авторами не признаются. Это ясно также из инструкции: там говорится о премировании за проявленную инициативу в использовании в порядке обмена опытом технических предложений, внедренных на других предприятиях или опубликованных в литературе, в то время как рационализаторы имеют право на вознаграждение в размерах, предусмотрен-

¹ Это удостоверение о внедрении предложения, предусмотренное в п. 8 Положения, не следует смешивать со справкой о получении предложения (п. 54), которая имеет значение при решении вопроса о первенстве заявки, если предложение будет внедрено.

² См. «Изобретательство в СССР» 1957 г. № 5, стр. 30.

ных инструкцией. Этим четким разграничением двух видов труда новое Положение сделало, несомненно, шаг вперед в сравнении с предыдущими нормативными актами.

Как известно, инструкция 1931 года рассматривала перенос чужого технического опыта на свое предприятие (с других предприятий или из литературы) как разновидность творческих технических предложений и только уменьшало до 75% размер вознаграждения за предложения о переносе, как бы признавая ограниченность технического творчества в этом случае. Такую позицию нельзя признать ни четкой, ни последовательной.

В положении 1941 года уже ясно разграничивались творческие технические предложения и перенос технического опыта с других предприятий (ст. 22). Однако инструкция 1942 года не урегулировала вопрос о премировании за перенос технического опыта, хотя Положение прямо отсылало в этом отношении к инструкции (ст. 22). Поэтому на практике премирование за перенос технического опыта встречалось не часто.

Вопрос о границе между техническим предложением и переносом технического опыта возник в правовой литературе уже давно, еще при действии положений 1931 и 1941 гг.

Можно ли рассматривать в качестве рационализаторского предложения такое предложение, которое по содержанию соответствует требованиям норм изобретательского права, проектирует конструкцию или рецепт, тождественные с ранее опубликованными в литературе или внедренными в практике другого предприятия?

На этот вопрос надо ответить утвердительно только в том случае, если данное предложение не лишено элементов личного технического творчества предложившего¹. Источник же, из которого новатор почерпнул свое предложение, значения не имеет.

В литературе по этому вопросу были высказаны другие взгляды. Б. С. Мартынов полагал, что во всех случаях, когда речь идет о предложении применить на данном предприятии техническое усовершенствование, известное на другом предприятии, такое предложение надо квалифицировать уже не как техническое усовершенствование, а только как рационализаторское предложение. Понижение ранга предложения, по мысли Б. С. Мартынова, основано здесь на том, что перенос чужого

¹ Интересны в этом отношении ответы редакции журнала «Изобретательство в СССР» читателям.

А. Д. Чернову редакция писала: «Авторское вознаграждение может быть выплачено в том случае, если в позаимствованном предложении авторами внесено существенное изменение» (см. «Изобретательство в СССР» 1957 г. № 6, стр. 33).

технического усовершенствования — это позаимствованная идея, а значит, идея худшего качества¹.

Н. А. Райгородский справедливо, по нашему мнению, не соглашался с точкой зрения Б. С. Мартынова, указывая, что применение позаимствованного метода работы может повлечь за собой существенные изменения в ранее применявшейся конструкции или техническом процессе, что признак позаимствования не оказывает влияния на квалификацию предложения. С точки зрения правовой это соображение имеет решающее значение. Напротив, невозможно присоединиться к мнению Н. А. Райгородского, что лицо, предложившее техническое усовершенствование, позаимствованное в другом предприятии, не может считаться автором последнего и поэтому не имеет и права на вознаграждение за свое предложение². Если в такой общей форме отрицать всегда авторство лица, сделавшего на данном предприятии позаимствованное предложение, то придется вообще отказаться от понятия технического предложения, не имеющего существенной новизны, то есть вступить в противоречие с действующим изобретательским правом. Автором рационализаторского предложения считается не тот, кто первый в мире предложил такое усовершенствование, а тот, кто первый сделал соответствующее предложение на данном предприятии, на данном производственном участке.

Авторства, конечно, не будет, если в предложении нет технического творчества, а оно представляет собой просто механический перенос. Если предложивший только рекомендовал чужой чертеж, чужой рецепт, не разработав их, не приспособив их к конкретному предприятию, конкретной машине, то нет возможности говорить об авторстве за отсутствием объекта изобретательского права.

Здесь советское изобретательское право стоит в сущности перед той же самой проблемой, перед которой стоит и советское авторское право, когда выдвигает требование творчества при использовании чужого литературного произведения. Там, где нет элемента творчества, хотя бы скромного, там нет объекта авторского или изобретательского права.

4. Положение 1959 года признает только единственный объект изобретательского права, не имеющий существенной новизны, чем отличается от положений 1931 и 1941 гг., которые проводили дифференциацию таких объектов. Положение и ин-

¹ Б. С. Мартынов, Право авторства в СССР, «Ученые записки ВИОН», вып. IX, 1947, стр. 151. Этот взгляд можно сопоставить с идеей о скидках на вознаграждение при переносе опыта, которая проводилась в п. 11 инструкции 1931 года.

² Н. А. Райгородский, Изобретательское право СССР, Госюриздат, 1949, стр. 47, сноски 1.

струкция 1931 года знали «технические усовершенствования» и «организационные усовершенствования». Последний термин нельзя было признать удачным, поскольку он охватывал также и предложения по улучшению управления хозяйством.

Положение 1941 года и инструкция 1942 года различали среди объектов изобретательского права, не имеющих существенной новизны, технические усовершенствования и рационализаторское предложения.

Разграничение, которое проводилось между двумя категориями предложений, не имеющими существенной новизны, не было удачным в Положениях 1931 и 1941 гг.

Отличить по этим правилам в конкретном случае техническое усовершенствование от рационализаторского предложения было не так-то просто и в результате руководители предприятий проявляли часто тенденцию признавать почти любое техническое предложение, не имеющее существенной новизны, только рационализаторским. Затруднениям в этом вопросе о квалификации предложений на практике соответствовали разногласия в литературе по изобретательскому праву. Одни авторы считали необходимым сохранить деление предложений на технические усовершенствования и рационализаторские предложения, но предлагали коренным образом уточнить их отличительные признаки в будущем Положении¹. Другие авторы пришли к выводу, что деление на два объекта вообще нужно упразднить, поскольку отделить один объект от другого не удается достаточно четко².

Нужно признать, что упразднение двух категорий технических предложений, не имеющих новизны, снимает трудную задачу разделения этих двух категорий, а тем самым упрощает квалификацию технических предложений. В настоящее время квалификация идет по единственному признаку наличия или отсутствия в предложении существенной новизны. Нельзя, однако, забывать о другой стороне дела: устранение дифференциации, существовавшей с 1931 по 1959 гг., означает вместе

¹ См. Н. А. Райгородский, Изобретательское право СССР, Госюр-издат, 1949, стр. 45—47; его же, Правовое регулирование вознаграждения за изобретательские предложения («Советское государство и право» 1955 г. № 7, стр. 49); В. Я. Ионас, О желательных изменениях Положения об изобретениях и технических усовершенствованиях («Советское государство и право» 1956 г. № 5); Ф. Т. Ананьев, Эффективно применять законодательство по изобретательству («Советское государство и право» 1955 г. № 8, стр. 56); Б. С. Антимонов и Е. А. Флейшиц, Задачи советского изобретательского права («Советское государство и право» 1957 г. № 2).

² См. Ф. Ф. Ланге, В. М. Мукачев, А. И. Омельченко, Г. М. Тарасов, О наиболее важных вопросах изобретательского права («Советское государство и право» 1955 г. № 3); Ч. Х. Бикенина, Инструкция не отвечает задачам технического прогресса («Изобретательство в СССР» 1956 г. № 3).

с тем и более уравнительную систему оплаты труда рационализаторов. Правда, для проведения дифференциации остается другой признак: различие в размере экономии, даваемой при использовании предложений. Однако не все предложения оплачиваются по признаку даваемой экономии (пп. 9—11 инструкции), а, кроме того, сама экономия, взятая без учета качественной стороны предложения (его смелость, техническая трудность), только неполно отражает народнохозяйственное значение предложения.

5. Новый шаг сделало Положение 1959 года и в отношении выплаты вознаграждения рационализаторам в зависимости от занимаемой ими должности и участка их работы на предприятии.

Как известно, вопрос этот неудовлетворительно решался в инструкции 1942 года. Правила п. 19 этой инструкции, неудачно использовали критерии трудового права¹. Согласно норме п. 19 подлежали оплате только те рационализаторские предложения², относящиеся непосредственно к месту работы автора, которые носили «оригинальный характер с наличием элементов технического творчества». Прочие рационализаторские предложения новатора, непосредственно связанные со своим участком работы, оплате вовсе не подлежали³. Как бы предполагалось, что предложения, связанные со своим участком работы, уже оплачены получаемой работником заработной платой. Однако, такую плату получали также и те работники, которые рационализаторских предложений не сделали. Норма п. 19 инструкции ослабляла личную материальную заинтересованность работников.

В литературе и на собраниях изобретателей норма п. 19 инструкции неоднократно подвергалась вполне справедливой критике⁴.

¹ См. В. Я. Ионас, Изобретательское правоотношение в советском гражданском праве, автореферат кандидатской диссертации, Л., 1955, стр. 13.

² В смысле второй разновидности технических предложений, не имеющих существенной новизны, — по терминологии инструкции 1942 года.

³ Ранее действовавшая инструкция (1931 года) не отказывала вовсе в выплате вознаграждения за технические и организационные усовершенствования, относящиеся к своему участку работы. Ограничение было установлено только для административно-технических работников, конструкторов, работников органов рационализации, научно-исследовательских институтов, если предложения были внесены в пределах их прямых обязанностей по выполнению служебных заданий. В таких случаях п. 12 инструкции 1931 года предусматривал выплату половины исчисленного по общим правилам вознаграждения. Но в случаях особой значимости и оригинальности предложения вознаграждение подлежало выплате в полном размере.

⁴ Ф. Т. Ананьев, Эффективно применять законодательство по изобретательству («Советское государство и право» 1955 г. № 8, стр. 57, 62).

Новая инструкция вполне обоснованно исключила эту норму и противопоставила ей правило п. 18: «Вознаграждение за изобретение и рационализаторское предложение выплачивается автору независимо от того, относится ли это предложение к участку его работы»¹.

Нужно приветствовать, что понятие рационализаторского предложения — сделанного, внедренного, но неоплаченного — исчезло из нашего изобретательского права. Контроль над выплатой вознаграждения за рационализаторское предложение руководителям работникам, конечно, ни в какой мере не сужает понятия рационализаторского предложения².

Особо обстоит дело с предложениями, которые вносят некоторые инженерно-технические работники при разработке в порядке служебных заданий проектов, конструкций, технологических процессов. Речь идет только о предложениях работников научно-исследовательских, проектных и конструкторских организаций. Их предложения при описанных условиях могут лишь в общем порядке премироваться, но вознаграждение по инструкции 1959 года за них не может выплачиваться, они не признаются рационализаторскими предложениями в смысле Положения (см. п. 7 Положения). Поскольку нет объекта изобретательского права в смысле Положения, удостоверения о рационализаторском предложении в этом случае не выдаются. Однако предложения тех же самых инженерно-технических работников в тех же самых научно-исследовательских учреждениях, проектных или конструкторских организациях, направленные на улучшение работ самой проектной, научно-исследовательской или конструкторской организации или на улучшение ее приборов, механизмов, рассматриваются по общему правилу. Эти предложения подпадают под действие Положения, авторам их выдаются удостоверения на рационализаторские предложения, если они приняты, а следовательно, и выплачивается соответствующее вознаграждение по нормам инструкции.

6. Признание изобретения государством осуществляется актом государственной власти, состоящим в выдаче авторского свидетельства на изобретение либо патента. Это признание не связано с использованием изобретения на практике, с немедленным его внедрением.

Иначе дело обстоит с такими новаторскими предложениями, которые не обладают признаком существенной новизны: рационализаторскими предложениями. Признание этих предложений неразрывно связано с определением их местной новиз-

¹ См. об этом подробнее в главе V.

² См. там же.

ны, новизны в пределах данного предприятия и одновременно с внедрением, с использованием их в условиях данного предприятия или группы предприятий.

В связи с этим действующее изобретательское право всегда говорит о признании лишь «принятых к внедрению» рационализаторских предложений (п. 7 Положения).

Однако удостоверение о рационализаторском предложении не только устанавливает факт принятия предложения к использованию, но также квалифицирует предложение, относя его к категории предложений рационализаторских, с которыми связано право на вознаграждение, в противоположность предложениям другого рода, которые могут служить лишь основанием для премирования (предложения о переносе опыта других предприятий, предложения об использовании предложений, сделанных в литературе, предложений конструкторов и других работников, разрабатывающих проекты и конструкции в порядке служебного задания).

Вопросы о квалификации рационализаторских предложений, о их принятии или отклонении решаются по Положению 1959 года в административном порядке, как и ранее. Необходимо, однако, отметить, что жалобы на такие решения рассматриваются с участием профсоюзных органов. Судебный порядок разрешения конфликтов в таких случаях исключен: решение министра, руководителя ведомства, решение совнархоза или кооперативного центра являются окончательным.

При действии Положения 1941 года этот вопрос вызывал сомнения в литературе.

Н. А. Райгородский считал, что не только «всякий орган, перед которым возникает вопрос о первой или второй квалификации мероприятия, на которое отсутствует авторское свидетельство, эту квалификацию произвести правомочен»¹, но квалифицировать предложения как технические усовершенствования (а очевидно, и как рационализаторские предложения) «вправе (и обязан) как сам автор, так и любое другое лицо, а равно и предприятие, которому предложение представлено для исполнения»². Отсюда и вывод Н. А. Райгородского, что спор о квалификации таких предложений, то есть определение, имеется ли в данном случае рационализаторское предложение, должен решаться в судебном, а не в административном порядке.

Эта точка зрения, не имевшая достаточного обоснования

¹ Н. А. Райгородский, Изобретательское право СССР, Госюриздат, 1949, стр. 250.

² Н. А. Райгородский, Серьезные ошибки в обобщении судебной практики по делам об изобретательстве, «Социалистическая законность» 1958 г. № 1, стр. 33.

ранее¹, теперь прямо устранена ст. 57 Положения, которая обобщила существовавшую практику по изобретательским делам в отношении квалификации рационализаторских предложений и порядка рассмотрения жалоб на их принятие и внедрение.

¹ См. «Изобретательство в СССР» 1957 г. № 1, стр. 30; Б. С. Антимонов, Е. А. Флейшиц, Задачи советского изобретательского права («Советское государство и право» 1957 г. № 2, стр. 22); Б. С. Антимонов, В. Дозорцев, Е. А. Флейшиц, За социалистическую законность при разрешении судебных дел об изобретательстве («Советская юстиция» 1958 г. № 3, стр. 21).

СПбГУ

Глава III

СУБЪЕКТ ИЗОБРЕТАТЕЛЬСКОГО ПРАВА

1. Одной из основных задач советского изобретательского права является стимулирование новаторской технической деятельности. Понятно поэтому, что лицом, за которым при наличии указанных в законе условий, закрепляются права изобретателя или автора рационализаторского предложения, является прежде всего автор соответствующего предложения.

Однако не всегда автор технического предложения желает, чтобы именно в его лице возникли права, которые закон связывает с фактом создания предложения. В связи с этим возникает вопрос о том, допустимо ли (в отступление от общего правила), чтобы право на изобретение или рационализаторское предложение возникло не для автора этого предложения, а (в соответствии с волею автора) для другого лица. Может ли право, возникшее для автора в связи с созданием им новаторского технического предложения, перейти к другому лицу?

Надлежащего разрешения данного вопроса требуют как интересы автора предложения, так и общественные интересы, связанные с использованием предложения.

Нередко техническое предложение создается не одним лицом, а совместным трудом двух или нескольких лиц. Каковы права каждого из них на результат совместного труда?

Бывают и случаи, когда ни единоличного автора, ни нескольких авторов единого предложения установить и назвать по имени невозможно. Представляется очевидным, что техническое предложение есть в точном смысле слова продукт коллективного творческого труда. За кем должны быть в таких случаях признаны права, связываемые законом с авторством новаторского технического предложения? На этот вопрос закон должен также дать точный ответ, ибо и коллективное техническое творчество в указанном смысле играет существенную роль в деле технического прогресса.

Ответы, которые советское изобретательское право дает

на указанные вопросы, поставлены в зависимость от того, идет ли речь об изобретении или о рационализаторском предложении. Поскольку имеется в виду изобретение, ответы неодинаковы в зависимости от того, избирает ли автор для охраны своих связанных с изобретением интересов получение авторского свидетельства или получение патента.

2. Автор изобретения может по своему выбору, — говорится в п. 4 Положения 1959 года, — требовать либо признания только своего авторства, либо признания за ним авторства и исключительного права на изобретение; в первом случае на изобретение выдается авторское свидетельство, а во втором случае — патент».

Таким образом, субъектом права на выбор порядка охраны изобретения является автор изобретения и только он один.

В п. 16 Положения это право называется «правом на получение авторского свидетельства или патента на изобретение».

Право автора по своему выбору получить авторское свидетельство или патент ограничено лишь в двух группах случаев: в одних ограничение связано с предметом изобретения, в других — с условиями, в которых изобретение создано.

К первой группе относятся изобретения лечебного, вкусового или пищевого вещества, получаемого не химическим путем. На такие изобретения могут быть выданы только авторские свидетельства, но не патенты (п. 4 Положения об изобретениях). На указанные и другие вещества, получаемые химическим путем, как уже сказано выше, не выдаются ни патенты, ни авторские свидетельства.

Только авторские свидетельства (но не патенты) выдаются на новые апробированные в надлежащем порядке способы лечения болезней (п. 4 Положения) и на полученные селекционным путем новые и улучшенные породы сельскохозяйственных животных и птиц, на указанные в п. 5 Положения породы шелкопряда и сорта сельскохозяйственных культур.

Вторая группа включает три случая (п. 49 Положения):

а) когда изобретение сделано в связи с работой изобретателя в государственной, кооперативной или иной общественной организации, в частности, на предприятии;

б) когда изобретение сделано по заданию государственной, кооперативной или иной общественной организации;

в) когда изобретатель получил для разработки изобретения денежную или иную материальную помощь от государственной, кооперативной или общественной организации.

В перечисленных случаях автор также вправе получить на свое изобретение только авторское свидетельство, но не патент.

Выражение «изобретение сделано в связи с работой изобретателя» имеет широкий смысл. «Сделанным в связи с ра-

ботой» может быть как изобретение, созданное во исполнение обязанностей, возложенных на изобретателя трудовым договором, во исполнение служебного задания, так и изобретение, лишь связанное по содержанию с работой, выполняемой изобретателем в силу трудового договора. Очевидно выражение, «сделанное в связи с работой», означает изобретение, созданное как в тех, так и в других условиях.

Под изобретением, сделанным «по заданию» государственной, кооперативной или иной общественной организации, следует понимать изобретение, созданное во исполнение договора, заключенного организацией с автором, не являющимся рабочим или служащим этой организации.

Наконец, под материальной помощью, которую п. 49 «б» Положения приравнивает к денежной помощи, полученной изобретателем от государственной, кооперативной или иной общественной организации, следует понимать предоставленную автору возможность пользоваться лабораторией организации, инструментами и приборами, испытание изобретения, изготовление опытных резцов и т. п., но не помощь в форме консультаций, пользования литературой. Трудно, однако, представить себе, чтобы советский новатор техники, воспользовавшийся при создании изобретения хотя бы и не материальной, а научно-технической помощью государственной или общественной организации, пожелал получить на свое изобретение не авторское свидетельство, на основе которого право применения изобретения с вознаграждением его автора возникает для государства, а патент, который дает автору изобретения исключительное право на применение последнего.

За исключением только что указанных случаев, автор изобретения, как уже сказано, может самостоятельно решить, стать ли ему субъектом прав, которые закрепит за ним авторское свидетельство на изобретение, или носителем прав, вытекающих из патента.

3. Если автор избрал получение авторского свидетельства, то осуществить свое право на получение свидетельства, подать соответствующую заявку может при жизни автора только он сам лично или через представителя. Правда, в абз. 1 п. 30 Положения говорится, что «заявка на выдачу авторского свидетельства подается в Комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР самим автором или предприятием (организацией), которому это поручено автором». Однако абз. 3 того же пункта требует наличия на поданном в Комитет заявлении о выдаче авторского свидетельства и приложениях к нему подписи автора или «представителя автора».

Данная формулировка шире, чем в абз. 1 п. 30, и позволяет думать, что названный абзац имеет в виду наиболее ча-

стый практически случай, но что представителем автора при подаче заявки может быть не только организация, которой подача заявки поручена автором, но и другое лицо, действующее по доверенности автора. Это соображение подкрепляется и тем, что согласно п. 47 Положения п. 30 подлежит применению и к подаче заявки на выдачу патента, которая в подавляющем большинстве исходит не от советского, а от иностранного гражданина или иностранной организации. подача такой заявки встречала бы неоправданные трудности, если бы она не могла производиться любым уполномоченным на то представителем автора технического предложения (или лица, к которому право на получение патента перешло от автора, — см. ниже).

Но если автор технического предложения вправе через представителя подать заявку о выдаче ему авторского свидетельства или патента, то передать другому лицу право на получение авторского свидетельства автор не может, ибо первым результатом выдачи этого свидетельства является «только признание авторства» (п. 4 Положения об изобретениях). Авторство есть факт, и признать его не за лицом, в действиях которого этот факт заключается, невозможно.

При подаче заявки о выдаче авторского свидетельства и последующем ее исследовании никакая проверка авторства не производится, да и едва ли могла бы производиться Комитетом по делам изобретений и открытий. Лицо, сделавшее заявку или от имени которого заявка сделана, предполагается согласно содержащемуся в заявлении утверждению (п. 30 Положения) действительным автором предложения. Предположение это может быть опровергнуто не иначе, как решением суда по спору об авторстве, вынесенным до выдачи авторского свидетельства (п. 46 Положения). После того, как авторство (согласно п. 4 Положения) уже «признано» путем выдачи авторского свидетельства, правильность этой выдачи может быть в течение одного года со дня публикации о выдаче авторского свидетельства (или со дня внесения изобретения в государственный реестр изобретений СССР, если публикация не производилась) оспорена в судебном порядке по тому основанию, что «действительным автором изобретения является другое лицо», а не то, которому выдано авторское свидетельство. Иначе говоря, спор об авторстве может быть возбужден и после выдачи авторского свидетельства. Если, разрешив этот спор, суд признает авторство другого лица, а не обладателя ранее выданного авторского свидетельства, то последнее объявляется недействительным, о чем делается соответствующая публикация, и новое авторское свидетельство выдается лицу, которое суд признал действительным автором изобретения (п. 45 Положения).

Если авторское свидетельство выдается на изобретение, разработанное автором в какой-нибудь организации в порядке выполнения служебного задания, то в силу п. 43 Положения наряду с именем, отчеством и фамилией автора в свидетельстве указывается также и наименование организации, где изобретение разработано. Нельзя не обратить внимания на различие в редакции пп. 43 и 49. Последний пункт дает автору право получить только авторское свидетельство, но не патент на изобретение, сделанное «в связи» с работой автора в государственной или общественной организации. В то же время п. 43 требует указания наименования организации только в авторском свидетельстве, выдаваемом на изобретение, сделанное автором в государственной или общественной организации «в порядке выполнения служебного задания». Следовательно, если изобретение сделано автором в организации не во исполнение такого задания, а лишь в связи с таким заданием, но по собственной инициативе, то наименование организации указано в авторском свидетельстве может быть не иначе, как по требованию автора изобретения.

4. После того, как, осуществляя свое «право получить авторское свидетельство или патент», автор выбрал первую из этих двух правовых возможностей и ему, действительно, выдано авторское свидетельство, он становится носителем трех основных субъективных прав: 1) личного неимущественного права на авторство изобретения и 2) связанного с ним права на авторское имя; 3) имущественного права на получение вознаграждения в случае использования его изобретения государственной, кооперативной или иной общественной организацией (пп. 6, 15 Положения).

Эти права по юридической природе сходны с правами, принадлежащими автору научного, литературного или художественного произведения¹, и при жизни автора неотторжимы от его личности. В п. 4 Положения говорится, что выдача авторского свидетельства означает «признание авторства». В п. 15 Положения устанавливается, что изобретатель «имеет право на вознаграждение» в случае использования его изобретения государственным органом, кооперативной или общественной организацией. Никакое право авторства вообще ни к кому перейти не может, ибо оно есть право признаваться и именоваться автором соответствующего произведения, в том числе и изобретения или другого технического предложения, при всяком использовании произведения. Это право связано для изобретателя с признанным авторским свидетельством фактом автор-

¹ См. Б. С. Антимонов, Е. А. Флейшиц, Авторское право (том курса советского гражданского права), Госюриздат, 1957, стр. 41 и сл.

ства. К другому лицу при жизни автора не может перейти и право на вознаграждение за использование изобретения, ибо отказ в общей форме от такого права в пользу другого лица был бы сделкой, направленной на ограничение гражданской правоспособности автора, на ограничение права автора участвовать в правоотношениях, связанных с использованием его изобретения. Такая сделка должна быть признана недействительной в силу ст. 10 ГК РСФСР и соответствующих статей ГК других союзных республик. Конечно, сказанное не означает, что автор не вправе передать другому лицу в порядке ст. 124 ГК право на получение сумм, причитающихся ему от определенной организации или от определенных организаций за использование изобретения. Такая передача может быть произведена и до наступления срока выплаты этих сумм. Но переданным должно признаваться именно право на получение уже причитающегося изобретателю вознаграждения, и если изобретение будет использоваться в дальнейшем другой организацией, то субъектом права на вознаграждение будет автор изобретения.

5. Иначе обстоит дело как «с правом получить патент», так и с правами, вытекающими из патента. Право получить патент может быть передано автором изобретения другому лицу. В п. 47 «а» Положения говорится, что «заявка на выдачу патента может быть сделана самим изобретателем или его правопреемником, но с указанием в заявке действительного автора». Под правопреемниками в данном случае понимаются не только наследники автора (о наследниках автора речь идет ниже), но и лица, которым автор по соглашению с ними передал право на получение патента. Этот вывод вытекает из сопоставления п. 47 «а» с п. 30 Положения. В п. 30 допускается подача заявки для получения авторского свидетельства как «самим автором», так и «его наследниками». В то же время в п. 47 «а», определяющем круг лиц, имеющих право ходатайствовать о выдаче патента, говорится не о «наследниках» изобретателя, а о его правопреемниках, то есть используется более широкий термин, включающий как наследников автора, так и тех, к кому право на получение патента перешло при жизни автора по соглашению с ним. Конечно, переход этого права должен быть надлежащим образом удостоверен при подаче заявки.

Может возникнуть и такой (правда, не имеющий большого практического значения) вопрос: может ли лицо, которому автор передал право на получение патента, совершить дальнейшую передачу этого права? В законе об этом ничего не говорится. Однако едва ли есть основания к отрицательному ответу на этот вопрос: передав другому лицу право на полу-

чение патента, автор изобретения управомочил его на приобретение исключительного права на изобретение, устранив себя, как и всех других лиц, от какого бы то ни было дальнейшего воздействия на изобретение (о праве авторства на изобретение в случае выдачи патента см. ниже). Едва ли такое правомочие может не охватывать и правомочия распоряжения им.

По получении патента обладатель его становится субъектом определенных прав. В п. 4 Положения патент противопоставляется авторскому свидетельству и говорится, что авторское свидетельство удостоверяет «только авторство изобретения», а патент удостоверяет «признание за его обладателем авторства и исключительного права на изобретение». Это, конечно, правильно в случаях, когда патент выдается действительному автору изобретения. Но если автор изобретения передал другому лицу свое право на получение патента, то авторство изобретения и права, основанные на патенте, оказываются разъединенными. Авторство изобретения к патентообладателю перейти не может, и право авторства остается во всех случаях за действительным изобретателем. В соответствии с этим п. 47 Положения требует указания действительного автора изобретения в заявке на патент, подаваемой правопреемником автора. В п. 48 «а» Положения устанавливается: «Патент выдается на имя автора изобретения или его правопреемника с указанием в патенте фамилии, имени и отчества автора». Указание автора в подаваемой его правопреемником заявке на патент нужно не только для того, чтобы в дальнейшем фамилия, имя, отчество изобретателя могли быть в соответствии с требованиями закона приведены в патенте. Оно необходимо и для того, чтобы могла быть проверена законность основания, по которому заявка на патент делается не самим изобретателем, а другим лицом. В основе такой заявки должно лежать законное волеизъявление действительного изобретателя. Подобная проверка соответствует как интересам действительного изобретателя, так и интересам эвентуального патентообладателя, предотвращая сравнение патента после его выдачи.

В соответствии с п. 32 Положения в справке, выдаваемой Комитетом по делам изобретений заявителю, по принятии заявки во всех случаях требуется указание фамилии, имени и отчества автора изобретения.

Спор об авторстве может быть заявлен как до, так и после выдачи патента в течение всего срока его действия на тех же началах и с теми же последствиями, как и при выдаче и получении авторского свидетельства (см. выше, п. 3).

Если до выдачи патента судебным решением признано, что автором изобретения является не лицо, предоставившее другому право сделать заявку на получение патента, а третье лицо,

то патент может быть выдан только этому третьему лицу или тому, кому оно передаст свое право на получение патента. Очевидно, что лицо, признанное судебным решением автором изобретения, вправе получить на свое изобретение и не патент, а авторское свидетельство. Положение складывается так, как если бы заявка на изобретение была подана впервые.

Если авторство лица, предоставившего другому лицу право на получение патента, опровергнуто судебным решением, вынесенным после выдачи патента, патент подлежит аннулированию, и действительный автор изобретения вправе получить на него авторское свидетельство или патент либо передать другому лицу право на получение патента.

После того как патент выдан, патентообладатель имеет не только исключительное право на непосредственное использование изобретения, но может также выдавать «разрешения (лицензии) на использование своего изобретения» (п. 48 «в»). Согласно тому же п. 48 «в» он вправе и «полностью переуступить патент».

Таким образом, в то время как авторское свидетельство при жизни изобретателя может быть выдано только ему, патент может быть выдан как изобретателю, так в силу соглашения с ним и другому лицу. Как иногда говорят, авторское свидетельство всегда выдается на имя изобретателя, патент может быть выдан и на имя другого лица, но с обязательным указанием в нем также и фамилии, имени, отчества изобретателя. Авторское свидетельство и вытекающие из него права не могут при жизни изобретателя перейти к другому лицу (о праве на вознаграждение см. п. 4), патент же передаваем.

6. Изобретение может быть сделано несколькими лицами сообща (соавторство). При этом речь идет о совместной творческой работе. Лицо, оказавшее автору техническую помощь (составившее по заданию автора чертежи или расчеты и т. п.), соавтором не становится (п. 9 Положения 1959 года¹). В случае, когда изобретение сделано несколькими лицами, каждое из этих лиц имеет право на получение авторского свидетельства с указанием в нем фамилии, имени и отчества каждого из соавторов. Очевидно, что соавтор независимо от других имеет право подать заявку на созданное вместе с другими изобретение. При этом он обязан указать о заявке своих соавторов. Если это не сделано, то как до выдачи авторского свидетельства, так и после того, как оно выдано на имя одного лишь заявителя, каждый из его соавторов вправе предъявить иск в суде

¹ См. в этой связи определение, вынесенное в 1951 году Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда СССР по делу Назарова, Бугринского и др. («Судебная практика Верховного Суда СССР» 1951 г. № 6, стр. 36).

об авторстве и требовать признания соавторства истца. Если авторство доказано, то выданное на имя одного из соавторов авторское свидетельство должно быть аннулировано и заменено другим с указанием всех авторов данного изобретения.

Очевидно, что и в патенте в подлежащих случаях должно указываться имя каждого из соавторов изобретения.

То обстоятельство, что каждому из соавторов изобретения выдается независимо от других авторское свидетельство, не оказывает влияния на один из основных юридических признаков права, принадлежащего всем соавторам на сделанное ими сообща изобретение: их право является неделимым; лишь вознаграждение за использование предложения распределяется между соавторами и притом по их соглашению, а при отсутствии соглашения — по решению суда (п. 6 инструкции о вознаграждении).

Н. А. Райгородский называет соавторство лиц, сообща сделавших изобретение, добровольным соавторством. В основе его, говорит Н. А. Райгородский, лежит либо прямо выраженное соглашение, либо «конклюдентные факты, а именно совместная разработка предложения; о соавторстве может быть речь лишь тогда и в той лишь мере, когда и в какой совместная работа фактически имела место»¹.

Представляется, что правильная мысль Н. А. Райгородского выражена не вполне точно.

Конечно, соавторами новаторского технического предложения будут прежде всего лица, создавшие изобретение в результате совместного труда, осуществленного в силу соглашения между ними. Но если в научно-исследовательском институте или в научной лаборатории работа над созданием определенного рода предложения была возложена распоряжением компетентного должностного лица на группу работников, то, создав это предложение, все члены группы также будут его соавторами, хотя соглашения о совместной работе между ними не было. Чаще всего формирование творческой группы происходит не просто в порядке административного распоряжения компетентного лица, а с учетом взаимоотношений между членами образуемой группы, с учетом объективной возможности образовать из них творческое содружество. Но все же это не соглашение в собственном смысле слова, заключаемое по инициативе авторов. В данном случае решающим моментом является момент объективный: создание технического предложения совместным трудом. Нам представляется, что излишне говорить, как это делает Н. А. Райгородский, о «мере, в которой

¹ Н. А. Райгородский, Изобретательское право СССР, Госюриздат, 1949, стр. 123.

совместная работа фактически имела место». «Мера» в данном случае значения не имеет: лица, совместно создавшие техническое предложение — всегда носители нераздельного права на это предложение. Лишь соглашение о распределении между ними вознаграждения за использование предложения исходит из известной им всем, по общему правилу, меры труда, затраченного каждым из них на создание предложения. В случае спора между соавторами о распределении вознаграждения этой «мерой» должен руководствоваться и суд.

Соавторство чаще всего имеет место, когда изобретение создается в связи с работой изобретателей в государственной, кооперативной или иной общественной организации.

Если изобретение «разработано группой авторов... в порядке исполнения служебного задания», в каждом из экземпляров авторского свидетельства должно быть указано и наименование организации, где создано изобретение (п. 43). Когда в организации изобретение создано группой авторов не во исполнение служебного задания, а лишь в связи с их служебным заданием, в выдаваемом каждому из них авторском свидетельстве наименование организации может быть внесено только по требованию коллектива авторов.

Судебная практика, сложившаяся в связи с применением ст. 37 Положения 1942 года, однородной по содержанию с ныне действующим п. 45 Положения считала, что при определении авторства технического предложения, созданного группой работников определенной организации, не имеет значения то обстоятельство, что сама организация, как это бывает нередко, выполняет «изобретательское» задание другой организации или вышестоящего органа. В определении, вынесенном Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда СССР 26 декабря 1951 г. по делу Звонкова и др. с Селезневым, указано: «Не меняет положения дела — то есть оснований к признанию авторства, а равно и к указанию в авторском свидетельстве организации, где изобретение сделано — и тот факт, что разработка и освоение изобретенной машины производились на заводе во исполнение задания Главного управления»¹.

Рядом с добровольным соавторством Н. А. Райгородский ставит соавторство «в силу закона». Соавторство в силу закона возникает, по мнению Н. А. Райгородского, в случаях, когда одновременно делаются две (или более) заявки на тождественные изобретения (см. гл. II):

Действующие нормативные акты указанных случаев не предусматривают. В то же время решение вопроса, отличное от предлагаемого Н. А. Райгородским, едва ли возможно. При-

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1952 г. № 5, стр. 39.

ходится каждого из лиц, подавших заявку, признать автором соответствующего предложения и указать его вместе с другим в качестве соавтора в каждом экземпляре авторского свидетельства (именно так решался вопрос и п. 2 ст. 4 Положения о патентах 1924 года). Едва ли, однако, перед нами случай «соавторства в силу закона», как пишет Н. А. Райгородский. По сути дела это своеобразное объективное совпадение авторства, к которому приходится применять положения о соавторстве изобретения.

7. Н. А. Райгородский допускает еще один вид соавторства изобретения. По его мнению, это также соавторство в силу закона. Правда, он так его не называет, но по существу им выражена именно такая мысль. Н. А. Райгородский пишет: «...изобретательское право признает авторов открытий, использованных в изобретениях; субъектами изобретательского права... В тех... случаях, когда использование открытия становится возможным благодаря дополнительной изобретательской деятельности других лиц, автор открытия и автор (или авторы) этих дополнительных мероприятий должны считаться соавторами-соизобретателями»¹.

Между тем ни в одной своей норме наше изобретательское право не закрепляет за авторами открытий субъективных изобретательских прав вообще и «открытого» Н. А. Райгородским соавторства не предусматривает.

Н. А. Райгородский не указывает норм, в которых наше изобретательское право якобы признает соавторство изобретателей и авторов использованных в изобретении открытий. Такое соавторство и не могло бы быть предусмотрено законом, поскольку всякое изобретение опирается на определенные объективные закономерности, а всякая закономерность была когда-нибудь кем-нибудь открыта. По сути дела пришлось бы признать, что единоличного автора изобретения вообще никогда не существует.

Однако Н. А. Райгородский различает три случая такого соавторства.

Первый случай: «открытие сделано в такой форме, что оно может быть непосредственно использовано для практических потребностей»². Очевидно, что в этом случае автор открытия является также и изобретателем. Если он изложит свое откры-

¹ Н. А. Райгородский, Изобретательское право СССР, Госюриздат, 1949, стр. 127. О том же пишет и Т. А. Фаддеева, которая даже «открыла процесс перерастания открытия в изобретение». Т. А. Фаддеева, Право авторства по советскому гражданскому праву, Автореферат кандидатской диссертации, Л., 1958, стр. 15.

² Сборник «Вопросы советского государства и права», «Ученые записки ЛГУ», Л., 1955, стр. 41.

тие в статье или книге, он будет, кроме того, также и носителем авторского права на соответствующее произведение. Если же он осуществит и требуемые для этого закона формальности, за ним будут признаны все права изобретателя. Но соавторство изобретения тут ни при чем. Никакого соизобретательства, как пишет Н. А. Райгородский, то есть никакого изобретения, сделанного двумя или несколькими лицами, о котором говорит п. 9 Положения, здесь нет.

Второй случай заключается в том, что «для такого — практического — использования открытия необходимо применять способы и методы работы, известные всякому сведущему лицу данной специальности»¹. «Если такое предложение может быть рассматриваемо как состоящее из двух частей — из открытия и определенных способов расчета», то, по мнению Н. А. Райгородского, «новизна изобретения заключается в новизне открытия. Поэтому автором предложения в той его части, которую представляет собою изобретение, будет автор открытия».

Иначе говоря, хотя в таких случаях никто изобретения не делал, ибо применяются методы работы, известные всякому сведущему лицу данной специальности, но тем не менее, по взгляду Н. А. Райгородского, будет существовать автор изобретения. И этот автор сможет притязать на все права изобретателя при использовании его открытия, например, в домашнем хозяйстве, в кулинарии, в любой области, где сведущие люди могут использовать его открытие.

Третий случай, когда на основе открытия создается изобретение в подлинном смысле слова. В таком случае Н. А. Райгородский объявляет автора открытия «соизобретателем», хотя он никогда ничего не изобрел, а сделал открытие, использованное другим лицом для своего изобретения².

Такая трактовка соавторства в изобретательстве нашему изобретательскому праву неизвестна.

В п. 9 Положения, в соответствующих нормах ранее действовавших положений об изобретениях говорится об изобретении, сделанном сообща двумя или несколькими лицами, и только такие лица признаются соавторами изобретения.

8. В п. 10 Положения предусматриваются изобретения, «являющиеся результатом коллективного творчества, когда не представляется возможным установить авторство отдельных лиц». Авторское свидетельство на такие изобретения выдается на имя организации, где изобретение сделано.

¹ Сборник «Вопросы советского государства и права», «Ученые записки ЛГУ», Л., 1955, стр. 141.

² См. там же, стр. 141—142.

Особенность указанных изобретений заключается во втором из указанных п. 10 признаков. Признак «коллективного творчества», приведшего к созданию изобретения, в сущности, не квалифицирует последнего. Выше уже сказано, что никакой изобретатель не творит на «пустом месте». Маркс писал, что «общим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обуславливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников»¹. Но в предусмотренных п. 10 случаях изобретение является результатом коллективного труда в том особом смысле, что нет возможности установить, кто именно из членов данного коллектива создал данное изобретение (так называемое «заводское» изобретение). Поэтому субъектом права на него признается весь соответствующий коллектив.

Организация, на имя которой выдается в таких случаях авторское свидетельство, не всегда совпадает с коллективом, который в этой организации работал над созданием изобретения. Если над созданием изобретения работал, например, весь коллектив самостоятельно существующей лаборатории и невозможно установить, кто именно из ее работников создал изобретение, то организация, которой будет в таком случае выдано авторское свидетельство, совпадает с создавшим изобретение коллективом. Но возможно, что изобретение создано определенной частью коллектива организации и тем не менее нет возможности выделить из состава этой группы соавторов изобретения. В таких случаях изобретение также должно быть признано «заводским». Это подтверждается п. 19 инструкции о вознаграждениях, в котором сказано, что в случае выдачи авторского свидетельства на изобретение на имя организации вознаграждение за применение изобретения используется данной организацией для поощрения не всех работников организации, а лиц, «принимавших участие в работах, в результате которых было создано изобретение».

9. После смерти автора права его, связанные с созданием технического предложения, переходят к его наследникам. Однако содержание права наследников не совпадает с содержанием прав их наследодателя. «Право на получение... авторского свидетельства или патента на изобретение... переходит по наследству» (п. 16 Положения).

Таким образом, сделать заявку изобретения на предмет получения авторского свидетельства или патента может наследник автора, не сделавшего заявки при жизни. Понятно, что такая заявка может быть сделана от имени наследников автора и их представителем.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XIX, ч. 1, стр. 109.

Наследники автора могут также передать другому лицу право на получение патента на изобретение, сделанное их наследодателем.

В авторском свидетельстве или патенте, выдаваемом после смерти автора, должно указываться имя автора, ибо факт авторства остается в любом случае неизменным. А выдача авторского свидетельства означает признание авторства определенного лица или группы лиц (п. 4 Положения об изобретениях).

Право авторства неразрывно связано с фактом авторства данного лица. Поэтому право авторства не может ни возникнуть для наследников автора, ни перейти по наследству, если автор получил авторское свидетельство при жизни.

Это не значит, что право авторства не защищается советским гражданским правом после смерти изобретателя. Так же как в охране права авторства после смерти автора литературного, научного или художественного произведения, наследники и наряду с ними государство и общество заинтересованы и в охране после смерти изобретателя его права авторства, тем более, что с авторством изобретателя может оказаться связанным вопрос о приоритете нашей страны в той или иной области техники. Поэтому по иску наследников, прокурора или любого заинтересованного государственного органа доказанное авторство умершего изобретателя должно быть признано судом.

По буквальному смыслу пп. 11 и 16 Положения к наследникам не переходит и право автора на присвоение изобретению имени автора или специального названия (подробно об этом правe см. гл. IV). Однако едва ли названные нормы имеют, в частности, целью лишить наследников автора указанного права. Вполне понятно стремление наследников связать с изобретением их наследодателя имя последнего. Не противоречит это стремление и общественным интересам. Поэтому следует думать, что для наследников, так же как и для автора изобретения, с правом сделать заявку изобретения связано и право на заявление Комитету требования о присвоении изобретения имени автора. Требование наследников о присвоении изобретению особого названия подлежит такому же контролю со стороны Комитета, как и соответствующее требование самого автора (см. гл. IV).

Другие личные неимущественные права автора не возникают для наследников, сделавших заявку изобретения после смерти автора, и не переходят к ним, если автор получил авторское свидетельство при жизни (см. гл. IV).

Имущественное же право, то есть право на вознаграждение за изобретение, возникает для наследников, если авторское свидетельство выдано после смерти изобретателя по заявке

его наследников, и переходит к последним после смерти автора, получившего авторское свидетельство при жизни.

К наследникам патентообладателя переходят все права, какими обладал последний (см. гл. IV).

10. Иностранцы пользуются в нашей стране правами, вытекающими из Положения об изобретениях, на равных началах с гражданами Союза ССР, на началах взаимности (п. 14 Положения).

11. Субъектом права на изобретение может быть Советское государство — Союз ССР.

Выше уже сказано, что с выдачей авторского свидетельства для государства всегда возникает право использования изобретения (п. 6 Положения). Право государства сосуществует с правами автора изобретения, и осуществление автором права на вознаграждение подчинено использованию изобретения государством.

Но право использования изобретения может возникнуть для государства и в случаях, когда на изобретение выдан патент.

Возникновение этого права государства имело бы место в случае применения п. 47 «ж» Положения, который закрепляет за Советом Министров СССР право дать разрешение на использование запатентованного в СССР изобретения, имеющего особое существенное значение для государства, заинтересованным в том государственным органам после того, как для соответствующего министерства, ведомства, совнархоза или исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся оказалось невозможным достижение соглашения с патентообладателем об уступке права на патент.

Содержащуюся в п. 47 «ж» норму трудно признать совершенной. Она предоставляет Совету Министров СССР право устанавливать в принудительном порядке лицензии из патента на изобретение с вознаграждением патентообладателя. Согласно названному пункту Совет Министров СССР дает «разрешение на использование изобретения заинтересованным органом». Принудительного отчуждения патента п. 47 «ж» не предусматривает.

В то же время условием установления принудительной лицензии является недостижение министерством, ведомством, совнархозом или исполнительным комитетом Совета депутатов трудящихся «соглашения с обладателем патента об уступке права на него». Соглашения с патентообладателем о предоставлении лицензии из патента для данного случая не предусмотрены.

Представляется, что было бы более целесообразным, если бы Совет Министров СССР располагал не только правом раз-

решать «использование изобретения», имеющего существенное значение для государства, но и правом выносить постановления о принудительном в пользу государства отчуждении патента на такое изобретение. Оба эти права Совета Министров предусматривались п. «г» ст. 4 Положения об изобретениях 1941 года.

В то же время условием осуществления обоих этих прав было бы целесообразно считать как недостижение соглашения с патентообладателем об уступке прав на патент, так и недостижение соглашения о выдаче патентообладателем лицензии: возможны случаи, когда интересы министерства, ведомства, совнархоза или исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся могут быть удовлетворены наличием лишь лицензии из патента, установление которой предполагает уплату патентообладателю вознаграждения в меньшем размере, чем при отчуждении самого права на патент.

12. Субъектом прав на рационализаторское предложение может быть при жизни автора только последний. Только автору выдается удостоверение на принятое к использованию рационализаторское предложение.

Если рационализаторское предложение создано совместным трудом нескольких лиц, то удостоверение выдается каждому из них с указанием фамилии, имени, отчества всех соавторов.

Лица, оказавшие соавтору техническую помощь при создании рационализаторского предложения, соавторами не являются.

«Заводских» рационализаторских предложений Положение 1959 года не знает.

Если автор рационализаторского предложения при жизни не внес его какой-либо организации, то право внести это предложение переходит к наследникам автора, и в случае его принятия они получают вознаграждение за использование предложения.

К наследникам переходит также право автора на получение вознаграждения за рационализаторское предложение, внесенное при жизни самим автором и принятое к использованию также при жизни автора или после его смерти.

Права авторства и на авторское имя, а также другие личные неимущественные права, за исключением преимущественного права на занятие должностей в научно-исследовательских учреждениях (см. гл. IV), не отличаются от таких же прав изобретателей и неотторжимы от личности автора предложения.

Глава IV

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ РАЦИОНАЛИЗАТОРСКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

§ 1. Общие положения

1. Из сказанного выше ясно, что для автора новаторского технического предложения, так же как и для использующей это предложение организации, первостепенное правовое значение имеет квалификация этого предложения: признание его изобретением или отнесение его к числу рационализаторских предложений. Признание предложения изобретением также влечет за собой неодинаковые правовые последствия в зависимости от того, получил ли автор его авторское свидетельство или предпочел получить патент.

Но подвергающееся квалификации техническое предложение должно существовать (см. гл. II) до момента его квалификации. Признать изобретением или рационализаторским предложением можно только такое техническое предложение, которое, будучи выражено в объективной форме — в описании, в чертеже, доступно усвоению его другими людьми.

Становится ли выраженное в объективной форме новаторское техническое предложение до его квалификации объектом правоотношений?

Нет сомнения в том, что изобретательские правоотношения в широком смысле слова, то есть возникающие не только в связи с изобретениями, но и с рационализаторскими предложениями, связываются законом не с действиями автора, направленными на создание такого предложения, а с его наличием в приданной ему автором объективной форме. Выдавая авторское свидетельство или патент, Комитет по делам изобретений удостоверяет не факт совершения изобретателем действий, приведших к созданию изобретения, а наличие в существующем в объективной форме результате этих действий признаков, необходимых для признания этого результата изобретением. Сказанное относится

mutatis mutandis и к квалификации рационализаторских предложений.

Если признать изобретение и другие новаторские предложения в области техники юридическими фактами, из которых возникают изобретательские (в указанном выше широком смысле) правоотношения, то сами названные правоотношения окажутся безобъектными. Да и как могло бы «применяться», «внедряться» и т. д. не предложение, отделенное путем придания ему объективной формы от личности своего создателя, а самые действия последнего? Какой смысл имели бы слова: формула изобретения, ее изменения, оспаривание и т. п.?

Так же не может новаторское техническое предложение быть одновременно юридическим фактом и объектом изобретательских (в указанном выше широком смысле) правоотношений. Юридический факт происходит, порождает правоотношение и уходит в прошлое. Можно доказывать и в определенных случаях нужно доказывать, что факт произошел для того, чтобы установить существование данного правоотношения или его существование между данными лицами. В частности, в случае спора об авторстве технического предложения надо доказать, что именно лицо, притязавшее на признание за ним авторства, совершило действия, приведшие к объективному существованию предложения. Но правоотношения, порожденные фактом существования этого предложения, направлены, «воздействуют» именно на это предложение (отношения, связанные с квалификацией, с применением предложения, с дополнением и развитием его новым предложением и т. п.), а не на действия, которые привели к его созданию.

Независимо от этого (юридически независимо) могут существовать и правоотношения, связанные с действиями, совершаемыми для создания технического предложения. Эти действия, как уже сказано, могут составлять содержание трудовых обязанностей лица, создающего такое предложение в научно-исследовательском институте, лаборатории и т. п. Но это не изобретательские правоотношения в том смысле, что никакие субъективные права и обязанности автора технического предложения как такового элементов этих правоотношений не составляют, да и не могут составлять, ибо самое предложение в объективной форме еще не существует, не создано еще, значит, нет и автора предложения. С мыслями, высказанными в нашей литературе А. К. Юрченко¹ по этому вопросу, следует согласиться. Не всегда основательно лишь упрекает Юрченко советских юристов, писавших об изобретательском праве, но стоящих, по мнению А. К. Юрченко, на иных теоретических позициях. Скорее всего в суждениях этих

¹ См. А. К. Юрченко, Объект изобретательского права, Сборник «Очерки гражданского права», изд-во ЛГУ, 1957.

юристов по данному вопросу выражаются не определенная теоретическая позиция, а недостаточная четкость пользования юридическими понятиями и некоторая небрежность формулировок. Об этом свидетельствует, в частности, то, что Н. А. Райгородский, считая, по существу, новаторские технические предложения объектами прав новаторов, называет их, однако, с одной стороны, «объектами правовой охраны», а с другой — «мероприятиями». Между тем признать техническое предложение объектом правовой охраны еще не значит признать его объектом прав того, кто это предложение создал. При определенных условиях новаторское техническое предложение и не является объектом прав одного лишь автора. Но об этом Н. А. Райгородский не говорит. Наоборот, все связанные с изобретением субъективные права, вплоть до права на его внедрение, принадлежат, по взгляду Н. А. Райгородского, только автору изобретения¹. Вместе с тем изобретение для Н. А. Райгородского — не объект прав изобретателя, а «объект правовой охраны». Этот же «объект правовой охраны» Н. А. Райгородский называет и «мероприятием», хотя созданное изобретателем или рационализатором техническое предложение «мероприятием» отнюдь не является, а мероприятия организации, содействующей изобретательству или внедряющей техническое предложение, никаких «объектов правовой охраны» сами по себе не создают.

Невозможно признать новатора, создающего, но еще не создавшего техническое предложение, и носителем приписываемого ему Н. А. Райгородским субъективного права «на помощь» в создании предложения². Ряд обязанностей государственных учреждений и предприятий, устанавливавшихся Положением об изобретениях 1942 года, так же как и ряд обязанностей, возложенных на государственные учреждения и предприятия ныне действующим Положением, направлен на стимулирование новаторской деятельности в области техники, на ее развитие и повышение качества. Эти нормы получают развитие в положениях об отдельных министерствах³, в Положении о совете народного хозяйства

¹ См. Н. А. Райгородский, Изобретательское право, Юриздат, 1949, стр. 188 и сл. Возможно, что в связи со вступлением в силу Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях 1959 года Н. А. Райгородский пересмотрел или пересмотрит высказанные им ранее взгляды. Но поскольку в своих принципиальных основах новое Положение не отступает от действовавших ранее норм изобретательского права, анализ взглядов Н. А. Райгородского сохраняет свое значение.

² Признав за новатором техники «право на помощь» в создании технического предложения, Н. А. Райгородский в главе XIV своей книги, посвященной восстановлению нарушенных прав новаторов техники о восстановлении нарушенного «права на помощь» не упоминает.

³ См., например, утвержденное постановлением Совета Министров СССР от 30 мая 1958 г. Положение о Министерстве морского флота СССР (СП СССР 1958 г. № 9, ст. 78), ст. 2 и ст. 4, п. «п», согласно которым министерство «руко-

экономического административного района¹ и конкретизируются в устанавливаемых этими государственными органами нормах о работе по изобретательству и рационализации, осуществляемой как ими самими, так и подведомственными им организациями².

Обязаны содействовать изобретательской деятельности и постоянно действующие производственные совещания на промышленных предприятиях, на стройках, в совхозах, МТС и РТС³.

Названные нормы дополняются ст. 3 Положения о Комитете по изобретательству, согласно которой на Комитет возлагаются, в частности, «(а) разработка и представление в Совет Министров СССР предложений об улучшении дела изобретательства во всех отраслях народного хозяйства...».

Большую помощь новаторам техники в их творческой деятельности оказывают общественные организации.

Согласно ст. 8 Положения о правах фабричного, заводского, местного комитета профессионального союза Комитет «всемерно содействует развитию изобретательства и рационализации»⁴. Широкое участие профсоюзных организаций в руководстве делом изобретательства предусмотрено в п. 26 Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях. Многостороннее содействие творческой деятельности новаторов техники ставит себе целью Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов, призванное согласно п. 23 Положения участвовать во всей работе Комитета по делам открытий и изобретений по развитию массового изобретательства.

Вся совокупность указанных положений имеет первостепенное значение для неуклонного развития изобретательства и технического прогресса в нашей стране. Но ни одна из норм, относящихся к соответствующей деятельности государственных органов и участию в этой деятельности общественных организаций, хотя бы и изложенных, как это иногда бывает, с употреблением слова «помощь», субъективного права «на помощь» за новатором техники не закрепляет.

водит развитием изобретательства, оказывает всестороннюю помощь изобретателям и рационализаторам в их работе»; утвержденное постановлением Совета Министров СССР от 19 августа 1958 г. Положение о Министерстве электростанций СССР (СП СССР 1958 г. № 15, ст. 118).

¹ СП СССР 1957 г. № 12, ст. 121, ст. 122.

² См., например, Положение о работе по изобретательству и рационализации в системе Министерства морского флота (издание Министерства морского флота, М., 1955); Положение о руководстве изобретательским делом и о работе по изобретательству и рационализации в системе Министерства торговли СССР, утвержденное приказом министра № 177 от 26 марта 1956 г.

³ См. Положение о постоянно действующем производственном совете, утвержденное постановлением Совета Министров СССР от 9 июня 1958 г. (СП СССР 1958 г. № 13, ст. 101, разд. II, III).

⁴ Положение о правах фабричного, заводского, местного комитета профессионального союза («Правда» 16 июля 1958 г.).

Соответствующие нормы устанавливают определенные обязанности государственных органов в отношении государства; новаторы техники являются destinatарами действий, совершаемых госорганами во исполнение этих норм. Понятно, что любое заинтересованное лицо вправе принести вышестоящему органу жалобу на нарушение этих норм подведомственной данному органу организацией. Но учтя все обстоятельства дела, вышестоящий орган может усмотреть в действиях нижестоящей организации, не оказавшей помощи данному новатору, не нарушение ею своих обязанностей перед государством, а целесообразное их осуществление. Например, создающему техническое предложение новатору производства отказано в испытании его предложения по тому основанию, что опытная лаборатория на длительное время занята исследованием других, более важных для народного хозяйства предложений. Такой отказ является не нарушением, а исполнением соответствующей организацией обязанностей, возложенных на нее государством в области изобретательства, ибо государственные органы и хозяйственные организации обязаны прежде всего «руководить изобретательством» и, значит, оказывать помощь новаторам техники в соответствии с общими интересами развития изобретательства. Неоказание в определенный момент помощи данному изобретателю может в том или ином случае оказаться выражением правильного руководства изобретательством. Нарушением же прав новаторов техники оно не будет, ибо субъективного права на помощь новатор техники не имеет.

Тем не менее нельзя считать вполне точным утверждение А. К. Юрченко, будто по общему правилу труд, приводящий к созданию нового технического предложения, «не регламентируется изобретательским... правом»¹.

Направленный на создание технического предложения труд, осуществляемый независимо от трудового договора, нормами права не регулируется вообще. Права и обязанности новатора, создающего техническое предложение во исполнение трудового договора, определяются не изобретательским, а трудовым правом. Но «регламентация» руководства изобретательством в организациях, где ведется работа по созданию новаторских технических предложений хотя бы и не во исполнение трудового договора, тесно связана с регулированием обязанностей, возникающих для этих организаций из трудовых договоров с их работниками.

Отношения, охватываемые этой регламентацией и возникающие в процессе планирования изобретательства, с большим осно-

¹ См. А. К. Юрченко, назв. статья в сборнике «Очерки по гражданскому праву», Л., 1957, стр. 240.

ванием можно было бы назвать «доизобретательскими», чем те, которые предлагает именовать этим словом В. Я. Ионас¹ и о которых речь идет ниже.

Общее руководство делом развития изобретательства и рационализации в СССР осуществляет Комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР, причем вся работа по развитию массового изобретательства проводится им при участии Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов (п. 23 Положения) и при широком участии профсоюзных организаций (п. 28 Положения).

Для осуществления общего руководства развитием изобретательства и рационализации Комитет в силу п. 1 постановления Совета Министров СССР об утверждении Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях и инструкции о вознаграждении за открытия, изобретения и рационализаторские предложения от 24 апреля 1959 г. наделен правом издания «обязательных для министерств, ведомств, совнархозов, исполнительных комитетов местных Советов, для предприятий и организаций указаний и разъяснений по применению... Положения. По согласованию с Министерством финансов СССР Комитет вправе давать указания и разъяснения по применению инструкции о вознаграждении за... изобретения и рационализаторские предложения».

Редакция п. 1 постановления Совета Министров СССР от 24 апреля 1959 г. и ее терминология вызывают ряд вопросов.

Прежде всего трудно понять, почему в п. 1 этого постановления устанавливается обязательность издаваемых Комитетом указаний и разъяснений «для министерств, ведомств, совнархозов, исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся, предприятий и организаций», но не для кооперативных центров, которые согласно п. 23 Положения осуществляют руководство развитием изобретательства и рационализации в отдельных отраслях народного хозяйства, в области культуры, здравоохранения и обороны страны наряду с названными государственными органами. По-видимому, в п. 1 постановления Совета Министров СССР от 24 апреля 1959 г. допущен пробел.

Далее, что должны представлять собой разъяснения по применению действующих в области изобретательства нормативных актов? Следует думать, что это подзаконные акты, дающие толкование Положения и инструкции.

Но что такое обязательные для других государственных органов «указания» Комитета? Едва ли слово «указание» может относиться к акту нормативного характера. Кроме того, если

¹ См. В. Я. Ионас, Автореферат кандидатской диссертации «Изобретательское правоотношение в советском гражданском праве», Л., 1955, стр. 10.

«указание» носит такой характер, то чем оно отличается от разъяснения?

Если же «указание» должно быть актом индивидуальным, то, во-первых, едва ли удачна редакция положения названного п. 1 о том, что такой акт «издается», а, во-вторых (и это главное), трудно думать, что любое исходящее от Комитета «указание» по применению Положения и инструкции может быть признано на основании самого Положения обязательным для названных в п. 23 государственных органов или хозяйственных организаций.

Споры об авторстве технических предложений разрешаются судом (п. 46 Положения). Суд не может быть связан «указанием», которое Комитет дал бы в связи с производящимся судебным делом. Вступившее в законную силу решение суда обязательно для любой из названных в п. 23 организаций, участвовавших в деле, независимо от каких бы то ни было «указаний» Комитета по данному делу.

Точно так же изобретатель или рационализатор, считающий неправильным решение руководителя организации, вышестоящей по отношению к той, которая применяет его техническое предложение, вправе по любому вопросу размера, порядка начисления и сроков выплаты вознаграждения за это предложение обратиться в суд (п. 19 Положения).

Вступившее в законную силу решение суда будет обязательно для любой из названных в п. 23 организации, участвовавшей в деле, независимо от какого бы то ни было «указания», полученного этой организацией от Комитета по вопросу, связанному с вознаграждением данного изобретателя или рационализатора.

Таким образом, едва ли нормы Положения позволяют найти точный ответ на вопрос о том, что должны представлять собой обязательные для названных государственных органов указания Комитета по делам изобретений и открытий.

На министерства и ведомства СССР, совнархозы, исполнительные комитеты Советов депутатов трудящихся и на кооперативные центры возлагается руководство делом развития изобретательства и рационализации соответственно в отдельных отраслях народного хозяйства, в области культуры, здравоохранения, обороны страны.

В пределах предприятия или другой организации руководство развитием изобретательства и рационализации возложено на руководителя организации.

В цехах и на участках предприятий руководство развитием изобретательства и рационализации возлагается на руководителей цехов и участков. В необходимых случаях начальник цеха или участка может выделить специально для ведения работы по изобретательству и рационализации работника в пределах уста-

новленного цеху или, соответственно, участку штата (п. 23 Положения).

Постоянно действующее производственное совещание предприятия рассматривает, в частности, «вопросы, связанные с подготовкой и повышением квалификации кадров», в том числе, понятно, и кадров новаторов техники¹.

Наконец, профсоюзные органы и Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов широко содействуют развитию изобретательства на каждом отдельном предприятии.

Руководство делом развития изобретательства и рационализации складывается из следующих видов деятельности, осуществляемых названными выше госорганами и хозяйственными организациями:

а) организация отделов или бюро по изобретательству и рационализации (выполняющих важные задачи и в деле внедрения новаторских технических предложений — см. ниже). Численность персонала отделов или бюро устанавливается в пределах штата, утвержденного соответственно для центрального аппарата министерства (ведомства), аппарата совнархоза, предприятия или другой организации;

б) организация в необходимых случаях экспериментальных баз, обеспечение финансирования баз, снабжение их материалами и инструментами (п. 26 Положения).

Нормы о финансировании экспериментальных баз связаны в Положении с правовой организацией внедрения технических предложений (п. 66 «б» Положения). Однако ввиду того, что норма, относящаяся к организации баз, значитесь в ряду норм о руководстве делом развития изобретательства и рационализации, ясно, что экспериментальные базы должны служить делу испытания и разработки не только принятых к использованию технических предложений, но и предложений, еще лишь подготовляемых, создаваемых работниками соответствующих организаций. Иначе говоря, содействуя осуществлению технических предложений, экспериментальные базы должны служить также и делу создания таких предложений, одним из средств развития изобретательства и рационализации, должны стимулировать деятельность новаторов техники;

в) разработка совместно с профсоюзными органами перспективных и текущих тематических планов по изобретательству и рационализации в целях направления творческой инициативы трудящихся на успешное решение задач технического прогресса (п. 24 Положения). Возложив на предприятия и руководящие ими государственные органы разработку перспективных и текущих тематических планов по изобретательству, Положение в:

¹ СП СССР 1959 г. № 15, ст. 101.

п. 24 разрешило в нормативном порядке вопрос, занимавший центральное место в развернувшейся в 1956 году на страницах журнала «Изобретательство» дискуссии о порядке планирования изобретательской и рационализаторской работы¹. В дискуссии были выражены три основных взгляда на планирование изобретательства и рационализации на предприятиях. Согласно одному из этих взглядов планироваться должно было бы число предложений, подлежащих внесению на данном предприятии или в цехе. Согласно другому взгляду планирование следовало бы ограничить сосредоточением внимания новаторов на разрешении важнейших для данной отрасли народного хозяйства, для данного предприятия технических задач и изданием для этого так называемых темников, то есть сборников подлежащих разрешению задач. Наконец, по третьему взгляду целесообразным признавалось сочетание обоих указанных методов планирования.

Положение 1959 года закрепляет второй из указанных методов планирования: согласно п. 24 министерства, ведомства, совнархозы, кооперативные центры и предприятия (организации) «обязаны разрабатывать совместно с профсоюзными органами перспективные и текущие тематические планы по изобретательству и рационализации, направляя творческую инициативу трудящихся на успешное разрешение задач технического прогресса».

Разумеется, это отнюдь не исключает того, чтобы в порядке социалистического соревнования работники организации принимали на себя обязательства создания определенного числа предложений на ту или иную значащуюся в плане тему.

Исходя из того, что «творческая инициатива и активность трудящихся масс являются залогом успешного развития и совершенствования всех отраслей народного хозяйства», Пленум Центрального Комитета КПСС постановлением от 29 июня 1959 г. предложил партийным, хозяйственным, профсоюзным и комсомольским организациям «в руководстве социалистическим соревнованием уделять особое внимание вопросам борьбы за технический прогресс». Пленум указал, что при оценке хозяйственной деятельности предприятий и строек и подведении итогов социалистического соревнования необходимо учитывать как важнейший показатель выполнение заданий не только по внедрению, но и по разработке новой техники²;

г) проведение смотров работ и тематических конкурсов по изобретательству и рационализации (п. 24 Положения). Эта обязанность тесно связана с планированием и со стимулированием изобретательства и рационализации;

д) всемерное расширение рядов изобретателей и рационали-

¹ См. «Изобретательство» 1956 г. № 3, 4, 7, 8.

² См. «Правда» 30 июня 1959 г.

заторов (п. 24, абз. 3, Положения). В этих целях должны осуществляться широкое разъяснение значения изобретательства и рационализации для дальнейшего роста производительности труда, организация подготовки и повышения квалификации изобретателей и рационализаторов, самая широкая пропаганда достижений лучших новаторов техники и методов их работы, публикация сведений о внедренных предложениях и их эффективности, издание соответствующих информационных материалов.

Первостепенное значение для развития изобретательства и рационализации в нашей стране имеет тесная связь новаторской деятельности работников предприятий с работой научно-исследовательских, конструкторских, проектных организаций и технических высших учебных заведений. Подчеркнув значение этой связи, июньский (1959 г.) Пленум ЦК КПСС признал важнейшей задачей научных учреждений, высших учебных заведений и ученых нашей страны дальнейшее творческое развитие науки и техники в неразрывной связи с практикой коммунистического строительства. Признано, в частности, необходимым расширить и практику заключения совнархозами и предприятиями договоров с научно-исследовательскими конструкторскими проектными учреждениями о разработке предложений о совершенствовании техники. При крупнейших предприятиях могут учреждаться научно-исследовательские институты для работы в области создания новой и совершенствования применяемой техники¹.

Отдельному изобретателю и рационализатору должна оказываться непосредственная помощь в создании его технического предложения и в оформлении его прав на создание предложения.

Понятно, что широкая, складывающаяся из большого числа мероприятий и отдельных действий деятельность государственных и общественных организаций, направленная на развитие изобретательства, связана с многочисленными отношениями новаторов техники с этими организациями. Но эти отношения не только не охватывают никаких субъективных прав новаторов, но не являются изобретательскими и в том смысле, что они не связаны ни с какими наличными изобретениями и другими техническими предложениями.

Деятельность государственных органов, в которой выражается помощь новаторам техники в процессе создания ими технических предложений, регулируется теми же нормативными актами, что и отношения, связанные с уже созданными техническими предложениями, потому что эти акты стремятся охватить всю область отношений, возникающих в сфере изобретательства. Это, как иногда говорят, «комплексные акты». Но правоотношения, в которых субъектами изобретательских прав и обязанностей явля-

¹ См. «Правда» 30 июня 1959 г.

лись бы новаторы техники, не связаны с деятельностью, именуемой руководством развитием изобретательства.

2. Применяются ли нормы изобретательного права в точном смысле слова, то есть нормы, определяющие права и обязанности авторов новаторских технических предложений, к созданным ими предложениям с того момента, как этим предложениям придана объективная форма?

Ответ, данный на этот вопрос В. Я. Ионасом, представляется неточным. Конечно, каждый автор технического предложения вправе «обратиться от своего имени в орган по изобретательству с притязанием на приоритет», как пишет В. Я. Ионас. Но В. Я. Ионас считает, что в тот же орган автор технического предложения вправе обратиться с притязанием «на исключительное авторское право».

Это последнее утверждение неправильно. По советскому праву субъективное авторское право ни в каком признании в официальном порядке не нуждается. И если «притязание на приоритет» технического предложения, заявленное его автором, будет удовлетворено, то автор предложения сообразно своему притязанию получит авторское свидетельство или патент. Тем и другим будет, в частности, признано субъективное право авторства на изобретение. Но и по мнению В. Я. Ионаса, это не авторское, а изобретательское субъективное право¹.

Точно так же субъективным изобретательским в указанном выше широком смысле слова правом должно быть признано и право обратиться в компетентный орган за получением квалификации соответствующего технического предложения. Ибо это право принадлежит тому, кто создал именно такое, техническое, предложение. Когда речь идет о «притязании на приоритет» (локальный, местный) рационализаторского предложения, то право заявить такое притязание и при наличии установленных в законе условий получить авторское удостоверение есть также изобретательское субъективное право.

Таким же изобретательским правом является и право автора технического предложения на распоряжение этим предложением, то есть на передачу другому лицу права сделать заявку изобретения для получения на него патента, ибо это правомочие связано с техническим содержанием созданного автором произведения.

Почему В. Я. Ионас именует оба только что названные права автора новаторского технического предложения «доизобретательскими», понять трудно: объектом обоих этих прав является уже созданное и облеченное в объективную форму техническое

¹ См. В. Я. Ионас, Изобретательское правоотношение в советском гражданском праве, Автореферат кандидатской диссертации, Л., 1950, стр. 10.

предложение. Оба эти права возникают для авторов указанных предложений именно и только потому, что по содержанию их предложения относятся к области техники.

По тем же основаниям вопреки тому, что пишет В. Я. Ионас, никакое «исключительное авторское право» на техническое предложение не приобретается «путем подачи заявления соответствующему органу по изобретательству при условии первенства заявки»¹.

При посредстве указанного заявления автор предложения в случае удовлетворения его притязания преобразует свое субъективное изобретательское право сделать это заявление в субъективное изобретательское право, возникающее соответственно из авторского свидетельства, патента, удостоверения о рационализаторском предложении.

После подачи заявления и исследования его компетентным органом может оказаться, что созданное автором предложение — вовсе не изобретение, что оно не обладает признаком существенной новизны или непригодно к применению, неосуществимо, внесенное автором рационализаторское предложение не принимается к использованию, а потому не подвергается и квалификации. В таких случаях указанное выше преобразование субъективного права автора предложения не произойдет. Но само право автора предложения обратиться с заявлением о квалификации его предложения вытекает именно из технического содержания созданного им предложения и потому может быть названо изобретательским (в указанном выше широком смысле).

3. Выраженное в объективной форме новаторское техническое предложение охраняется советским гражданским правом и независимо от подачи заявления о квалификации этого предложения. Став после придания ему объективной формы объектом указанного выше субъективного изобретательского права автора предложения на обращение к компетентному органу для получения квалификации созданного им предложения, последнее является одновременно, так же как и произведение научное, литературное, художественное, объектом авторского права лица, создавшего данное предложение.

Статья 4 Основ авторского права² относит к числу объектов авторского права, в частности, «планы, эскизы и пластические произведения, относящиеся к науке, технике» и т. д. Если объектом авторского права является относящийся к технике эскиз, то нет оснований не считать объектом авторского права технический чертеж.

¹ В. Я. Ионас, Изобретательское правоотношение в советском гражданском праве, автореферат кандидатской диссертации, Л., 1955, стр. 11.

² СЗ СССР 1928 г. № 27, ст. 246.

Относящимся к технике пластическим произведением должна быть признана модель конструкции, машины и т. п.

Не что иное, как относящийся к технике «план» представляет собою, по сути дела, и новаторское техническое предложение. Оно всегда является предложением действовать по обоснованному определенным образом «плану» для достижения того или иного указанного его автором результата.

Поэтому присвоение себе авторства технического предложения или опубликование его в печати без согласия автора до заявки предложения было бы таким же нарушением авторского права, как соответствующие действия, совершенные в отношении чужого научного, литературного или художественного произведения. Спор об авторстве такого предложения был бы спором по ст. 11 закона РСФСР об авторском праве или по соответствующей статье закона другой союзной республики об авторском праве, а не спором, предусмотренным п. 46 Положения, ибо этот пункт относится лишь к спорам об авторстве уже заявленных или даже уже признанных изобретениями технических предложений. Поскольку речь шла бы о техническом предложении, судебный спор, связанный с самовольным опубликованием предложения (с нарушением или без нарушения права авторства), был бы направлен и на охрану изобретательских прав действительного автора предложения: его права на получение авторского свидетельства или патента, права передать другому лицу право на получение патента. Согласно п. 36 Положения существенная новизна технического предложения, за исключением точно указанных в том же пункте случаев, исключается, если предложение известно в литературе. Поэтому п. 17 Положения независимо от норм авторского права устанавливает ответственность в порядке, определенном законодательством союзных республик, за разглашение без согласия автора сущности изобретения или рационализаторского предложения до подачи заявки. А ст. 177 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик предусматривают уголовную ответственность за опубликование технического предложения без согласия автора.

Можно ли из сказанного сделать вывод, будто автору технического предложения принадлежит особое «право первого опубликования» предложения, которое, исходя из ст. 12 Положения об изобретениях 1942 года, воспроизведенной по существу п. 17 ныне действующего Положения, признал за автором Н. А. Райгородский¹.

Разглашение технического предложения до его заявки самим автором, кроме случаев, предусмотренных п. 36 «а» и «б»

¹ См. Н. А. Райгородский, Изобретательское право СССР, Госюр-издат, 1949, стр. 152.

Положения, так же лишило бы изобретение существенной новизны, как и разглашение его другим лицом без согласия автора.

Таким образом, «право первого опубликования» технического предложения было бы правом автора лишить себя прав, возникновение которых связано с признанием его предложения изобретением.

Такое разглашение могло бы лишить «локальной» новизны и рационализаторское предложение.

Кроме того, п. 58 Положения устанавливает: «В случае, когда автор полагает, что изобретение или рационализаторское предложение может иметь секретный характер, он обязан принять все зависящие от него меры к ограждению своего предложения от разглашения и передать его государственному предприятию для направления в заинтересованные органы».

Таким образом, право автора на первое опубликование предложения либо беспредметно, либо отсутствует вообще.

§ 2. Авторское свидетельство и возникающие из него права и обязанности

1. Автор технического предложения, притязавший на признание этого предложения изобретением, должен для получения квалификации предложения обратиться в Комитет по делам изобретений. Если автор предложения ходатайствует о выдаче ему авторского свидетельства, то, признав его предложение изобретением, Комитет обязан выдать автору предложения испрашиваемое им авторское свидетельство.

Заявка для получения авторского свидетельства делается либо автором изобретения, либо, по его поручению, его представителем, в частности предприятием или учреждением, а после смерти автора — наследниками автора или их представителем.

Подаваемая в Комитет заявка, которая в каждом отдельном случае относится только к одному изобретению, состоит из заявления (в одном экземпляре) о выдаче авторского свидетельства и приложения к заявлению (в трех экземплярах).

В заявлении указываются: фамилия, имя, отчество автора (авторов) предполагаемого изобретения, его адрес, место работы, наименование предполагаемого изобретения и утверждение, что заявитель или в подлежащих случаях лицо, от имени которого делается заявка, является действительным автором данного предложения. Если автором изобретения является иностранец, то указывается и его гражданство.

К заявлению прилагается описание изобретения и в случае необходимости — чертежи. В описании и чертежах сущность изобретения должна быть изложена с такой точностью, ясностью и полнотой, чтобы видна была его новизна и чтобы на основании

приложенных к заявлению материалов можно было осуществить изобретение. Заявление и все приложения к нему подписываются автором (всеми соавторами), а в подлежащих случаях его наследниками либо представителем автора или его наследников.

Формальные требования, которым согласно Положению должна удовлетворять заявка, уточняются Комитетом по делам изобретений и открытий.

Никакие сборы при подаче заявки не уплачиваются (п. 21 Положения).

Комитет по делам изобретений и открытий (отдел предварительной экспертизы и государственной регистрации изобретений) прежде всего проверяет, правильно ли составлена заявка и не содержит ли она таких указаний, которые прямо исключают возможность рассмотрения вопроса о том, является ли данное предложение изобретением. Заявка не рассматривается, если заявитель желает получить авторское свидетельство на предложение, которое является не техническим, а организационно-хозяйственным или хотя и относится к числу технических, но не охраняется в качестве изобретения советским изобретательским правом, как предложения, относящиеся к веществам, получаемым химическим путем (но к новым способам изготовления таких веществ).

Если из заявки видно, что предложение может предполагаться изобретением, отдел предварительной экспертизы заявок и государственной регистрации изобретений определяет отрасль техники, к которой может относиться это изобретение, и его, согласно установленной классификации, класс.

Если заявка дефектна, но ее дефект устраним: заявление не содержит каких-либо требуемых законом данных или к заявлению не приложены описание либо необходимые в данном случае чертежи, либо приложенные описание и чертежи не дают достаточного представления о сущности предполагаемого изобретения, то, не принимая заявки к рассмотрению (но оставляя ее у себя), Комитет в десятидневный срок со дня поступления заявки предлагает заявителю исправить заявку, дополнить заявление, представить недостающие материалы (в трех экземплярах) или уточнить их. На это исправление заявителю предоставляется месячный срок со дня получения предложения Комитета.

К сожалению, Положение не предусматривает продления этого месячного срока, в п. 30 сроку придан характер преклюзивного. Представляется, что было бы целесообразным предусмотреть продление хотя бы еще на один месяц пропущенного по извинительным причинам срока в тех случаях, когда представленное описание или чертежи страдают тем или иным дефектом, однако, невзирая на это, представленные заявителем материалы в целом дают основания предполагать, что заявленное предложение может быть признано изобретением.

Проверив сделанные исправления заявления, поступившие к нему в установленный срок дополнительные материалы и признав заявку после ее исправления или дополнения поданной в надлежащем порядке, Комитет в десятидневный срок, очевидно, со дня исправления заявления или соответственно со дня поступления дополнительных материалов (п. 32 Положения о начальном моменте этого срока не упоминает) выдает заявителю справку о принятии заявки к рассмотрению. В справке должны быть указаны фамилия, имя, отчество автора (всех соавторов), дата поступления заявки и наименование предполагаемого изобретения¹.

Получение названной справки о принятии заявки к рассмотрению еще не делает заявку неизменной. На протяжении месяца заявитель имеет право дополнять и исправлять представленное им описание и чертежи, не изменяя, однако, заявки по существу. Если же представленные заявителем дополнительные материалы изменяют существо первоначальной заявки, то эти материалы должны быть превращены заявителем в новую, самостоятельную заявку. Приоритет новой заявки определяется днем, когда в Комитет поступили материалы, послужившие основанием к ее подаче (п. 34 Положения).

Принятая к рассмотрению заявка подлежит исследованию на наличие в заявленном предложении признаков существенной новизны и полезности, о котором уже сказано выше.

Заявка должна быть рассмотрена Комитетом, и решение его о выдаче авторского свидетельства или об отказе в выдаче должно быть направлено заявителю не позднее четырехмесячного срока со дня «принятия заявки к рассмотрению» (п. 39 Положения).

День принятия заявки к рассмотрению совпадает с днем поступления заявки, если эта последняя удовлетворяет всем установленным для нее законом формальным требованиям. Если же потребовалось исправление заявки (см. выше, стр. 159), то днем ее принятия к рассмотрению является день, когда в месячный срок со дня получения заявителем предложения, в Комитет поступили дополнительные к заявлению данные или, соответственно, надлежащим образом составленное описание изобретения либо чертежи.

В любом случае течение срока на рассмотрение заявки Комитетом может начаться до выдачи заявителю справки о принятии его заявки, ибо эта справка подлежит выдаче заявителю в десятидневный срок со дня принятия заявки к рассмотрению. День, которым датирована сама справка, самостоятельного значения не имеет.

¹ О том, как определяется приоритет заявки, сказано на стр. 70 и сл.

В сообщенном заявителю решении Комитета о выдаче авторского свидетельства должна согласно п. 39 Положения содержаться «формулировка предмета изобретения» (формула изобретения), а в решении об отказе в выдаче авторского свидетельства должны быть указаны мотивы отказа.

Формула изобретения (п. 39), или формулировка предмета изобретения, определяет по сути дела предмет права авторства изобретателя. Она выражает ту именно сущность изобретения, новизна которой и обосновывает признание данного предложения изобретением. Формула может полностью совпадать с представленным заявителем описанием изобретения. Заявитель может, но не обязан и сам включить в описание предполагаемую им формулу. Может, однако, оказаться, что по исследованию заявки Комитет предлагает включить в авторское свидетельство формулу более узкую: отдельные из существенных признаков заявленного предложения не признаны экспертизой новизны ранее неизвестными мировой технике. В практике известны и случаи, когда формула, предложенная Комитетом к включению в авторское свидетельство, оказывалась шире формулы, включенной в описание заявителем: заявитель не считал ту или иную черту своего предложения существенно новой, а Комитет признал наличие в этой черте существенной новизны.

Таким образом, именно формула показывает ту новую сущность в техническом предложении, которая делает его изобретением. Ибо в каждом изобретении, как это ясно из изложенного выше, есть и ряд черт не новых, давно известных: определенные части изобретенной машины тождественны с частями, используемыми в другой, давно применяемой машине, определенные приемы труда в новом, предлагаемом автором способе изготовления продукции применялись и ранее. Но наряду с ними, окруженная ими, если можно так выразиться, выступает новая сущность предложения, представленная в формуле изобретения.

Формула изобретения определяет, по существу, пределы действия права авторства изобретения.

Поэтому Положение устанавливает целый ряд гарантий интересов заявителя в процессе выработки формулы, в предшествующем ее установлению исследовании заявленного Комитету технического предложения.

Прежде всего Комитет по делам изобретений и открытий может в случае необходимости вызвать автора предложения для участия в рассмотрении его заявки (п. 38 Положения). Очевидно, что субъективного права на такое участие, на вызов его для этого участия, у автора нет. Комитет может в случае необходимости, но не обязан вызвать автора для участия в рассмотрении его заявки. Но также, очевидно, что заинтересованный в развитии техники нашей страны Комитет использует закрепленное за ним

право привлекать автора к исследованию заявки во всех случаях, когда этого требуют интересы дела. Для того чтобы автор получил возможность воспользоваться вызовом, организация, где он работает, обязана предоставить ему за счет средств, предусмотренных на расходы данной организации по изобретательству и рационализации, служебную командировку с сохранением за ним его средней заработной платы на время работы в Комитете (п. 38). Получение командировки в случае вызова автора Комитетом составляет субъективное трудовое право автора.

Положение закрепляет за заявителем и ряд других, не трудовых, а изобретательских субъективных прав, связанных с исследованием его заявки. Он вправе знакомиться со всеми, кроме секретных и признанных Комитетом не подлежащими опубликованию (п. 40), материалами, на основании которых по его заявке сделаны выводы экспертизы.

Заявитель вправе также требовать предоставления ему, а если он не участвует в рассмотрении заявки, то бесплатной высылки ему копии противопоставленных его заявке патентных материалов. Следует считать, что под «патентными» материалами должны пониматься не только материалы, относящиеся к выданным ранее патентам, но и материалы, относящиеся к ранее выданным авторским свидетельствам, на основании сопоставления с которыми Комитет отказался признать существенную новизну данного предложения или, признав наличие в нем существенной новизны, ограничил, однако, его формулу по сравнению с притязаниями заявителя.

На основании полученных от Комитета материалов заявитель вправе заявить возражение против решения об отказе в выдаче ему авторского свидетельства или в подлежащих случаях против предполагаемой Комитетом ко включению в авторское свидетельство формулы изобретения.

На подачу возражения установлен месячный срок. Согласно п. 41 Положения этот срок исчисляется «со дня получения решения или копии противопоставленных патентных материалов». Это определение начального момента срока является неточным. Месячный срок на заявление возражения течет со дня получения заявителем решения комитета, но если на протяжении этого месяца заявитель предъявит требование о высылке ему патентных материалов, то течение срока окажется прерванным, и со дня получения затребованных материалов начинается течение нового месячного срока на заявление возражения.

Решение по возражению, вынесенное председателем Комитета по делам изобретений и открытий, является окончательным (п. 41 Положения).

С признанием в п. 41 Положения окончательной силы указанных решений председателя Комитета по возражениям против

отказа в выдаче авторских свидетельств и против предполагаемых Комитетом формул изобретений связаны некоторые нормы Положения о Комитете по делам изобретений и открытий. Это — нормы, относящиеся к порядку деятельности экспертного совета, действующего в составе Комитета. К компетенции экспертного совета наряду с экспертизой важнейших изобретений отнесено рассмотрение «в особых случаях вопросов, связанных с жалобами изобретателей». Сопоставление этой нормы с п. 41 Положения ясно показывает, что Экспертный совет является органом, совершенно отличным от Совета жалоб, действовавшего в составе Комитета по изобретательству согласно Положению об изобретениях 9 апреля 1931 г. Совет жалоб рассматривал не только жалобы заявителей на постановления Бюро новизны об отказе в выдаче авторских свидетельств и возражения против запатентованных Комитетом формул изобретений, но также и дела об оспаривании выданных авторских свидетельств ввиду отсутствия в изобретении существенной новизны (ст. 53 Положения 1931 г.). Совет жалоб рассматривал и жалобы на процессуальные нарушения при выдаче авторских свидетельств (ст. ст. 41, 51, 52 Положения). При этом Совет жалоб по всем указанным вопросам выносил имевшие обязательную силу окончательные решения.

Ныне же действующий Экспертный совет, как это видно, в частности, из п. 41 Положения, не вправе принимать жалоб заявителей. Он рассматривает лишь в случаях, которые Комитет признает «особыми», «вопросы, связанные с жалобами». Практически Экспертный совет рассматривает вторичные возражения заявителя, с которыми при первом их заявлении не согласился отраслевой отдел. Однако и в таком случае Экспертный совет является лишь консультативным органом Комитета.

Экспертный Совет решений не выносит, а лишь дает рекомендации¹.

Тем не менее рекомендации Экспертного совета не носят только технического характера. Часто они имеют непосредственное значение для дальнейшего укрепления социалистической законности в изобретательских отношениях².

¹ См., например, «рекомендацию» выдать авторское свидетельство, данную Экспертным советом Комитета по делам изобретений после пересмотра решения отдела машиностроения Комитета по вопросу о новизне изобретений («Изобретатель и рационализатор» 1958 г. № 8, стр. 37—38), «рекомендации», данные в связи с вопросом о новизне, о которых сообщается в № 6 журнала «Изобретательство СССР» 1957 г., и другие «рекомендации», изложенные в различных номерах названного журнала. Экспертный совет производит также, как уже сказано, экспертизу важнейших изобретений преимущественно межотраслевого характера, дает рекомендации по вопросам реализации изобретений и рассматривает вопросы методологии и практики изобретательского дела (Положение о Комитете по делам изобретений и открытий, ст. 9).

² См., в частности, решение Экспертного совета по делу изобретателя Арцимовича, в котором прямо указаны незаконные действия технического управ-

Деятельность Экспертного совета была бы еще более эффективной, если бы Экспертному совету были присвоены права, закрепляющиеся Положением об изобретениях 9 апреля 1931 г. за Советом жалоб Комитета по изобретательству.

2. После окончательного установления формулы изобретения Комитет по делам изобретений и открытий вносит изобретение в государственный реестр изобретений СССР, производит публикацию о выдаче авторского свидетельства в Бюллетене изобретений СССР, издает описание изобретения и выдает заявителю без взимания каких бы то ни было сборов авторское свидетельство (пп. 20, 21, 42 Положения).

Авторское свидетельство выдается по единой форме, устанавливаемой Комитетом.

Как в авторском свидетельстве, так и в публикации о выдаче его указывается формула изобретения. Характеристика предмета изобретения начинается словом «отличающийся», когда речь идет, например, о новом приборе, или словом «отличающаяся», когда авторское свидетельство выдается, например, на изобретение машины.

В публикации, так же как и в авторском свидетельстве, указывается класс, присвоенный изобретению согласно установленной классификации, номер авторского свидетельства и номер заявки, по которой оно выдано, а равно и день, в который авторское свидетельство считается опубликованным, ибо день этот совпадает не с днем выхода в свет соответствующего номера Бюллетеня изобретений, а с днем, когда этот номер подписан к печати (п. 44 Положения). Как уже сказано, этот день имеет существенное значение для обладателя авторского свидетельства: именно со дня публикации о выдаче авторского свидетельства течет годичный срок, в продолжение которого допускается оспаривание авторского свидетельства (п. 44).

Однако публикация выдачи авторского свидетельства производится не всегда вслед за окончательным установлением формулы изобретения: если Комитет по делам изобретений и открытий считает это целесообразным для охраны государственных интересов, он вправе отсрочить публикацию. По тем же основаниям публикация может и вовсе не быть произведена (п. 42).

3. Выдача авторского свидетельства влечет за собой три основных юридических последствия: а) лицо, на имя которого выдано авторское свидетельство, официально признано автором поименованного в свидетельстве изобретения; для этого лица возникает изобретательское право авторства и неразрывное с

ления бывшего Министерства судостроительной промышленности СССР и допущенные в министерстве нарушения Положения об изобретениях («Изобретательство» 1957 г. № 6).

ним право на авторское имя; б) автор приобретает право на получение вознаграждения в случае применения его изобретения (п. 15 Положения об изобретениях); в) право на применение изобретения возникает в лице государства (п. 6 Положения). Однако применять изобретение вправе не только любая государственная, но и любая кооперативная или иная общественная организация, если изобретение связано с кругом деятельности этой организации.

Право авторства лица, на имя которого выдано авторское свидетельство, не отличается по существу от такого же права, закрепленного законом за авторами научных, литературных и художественных произведений. Оно заключается в том, что автор вправе требовать признания его автором данного изобретения при любом применении изобретения в производстве, а равно и при любом другом его использовании: в изобретательской деятельности других лиц¹, в научном использовании данного изобретения, если результаты этого использования подвергаются опубликованию в посвященной технической вопросам и иной литературе и т. д.

С правом авторства неразрывно связано право на авторское имя: данное лицо признается автором изобретения, если оно в соответствующих случаях именуется автором изобретения, если его фамилия, имя, отчество указываются как фамилия, имя, отчество автора.

Правом автора на имя называют иногда в юридической литературе также и установленное п. 11 Положения право автора на присвоение изобретению «имени автора или какого-нибудь специального названия». Если изобретению присвоено имя автора или специальное название, то оно указывается в авторском свидетельстве, а также в технической документации на данное изобретение, на изделиях и упаковке.

Несомненно, что указанное право является некоторым элементом права на авторское имя. Но вместе с тем оно шире этого последнего права, ибо п. 11 Положения об изобретениях допускает присвоение изобретению не только имени изобретателя, но, по желанию изобретателя, «какого-либо специального названия». Нередко этим названием служит первая буква или первые буквы фамилии изобретателя (самолет ТУ-104), или те же буквы в сочетании с другими, указывающими, например, на род изобретения². Ничто не препятствует и присвоению изобретению другого

¹ См. гл. II и ниже в настоящей главе о дополнительных изобретениях.

² См. вынесенное в 1952 году Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда СССР определение по делу Перли с Украинским научно-исследовательским институтом сельского хозяйства, в котором спор шел, в частности, о присвоении ветродвигателям наименований ПД-3 и ПД-4, «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1952 г. № 9, стр. 13 и сл.

названия, не противоречащего закону, не порождающего смешения данного изобретения с другим.

Ряд замечаний можно сделать по поводу п. 11 Положения. Этот пункт говорит, что имя изобретателя или специальное название присваивается изобретению «по требованию автора, заявленному до выдачи авторского свидетельства».

Надо заметить, что право потребовать присвоения изобретению имени автора или специального названия возникает и может быть осуществлено до официального признания авторства изобретателя. Пункт 11 Положения прямо указывает, что соответствующее ходатайство может быть заявлено Комитету до выдачи авторского свидетельства. Очевидно, что такое ходатайство заявляется условно: автор или наследник¹ его желает, чтобы в случае выдачи ему авторского свидетельства изобретению было присвоено указанное заявителем название.

Но п. 11 Положения вызывает и другой существенный вопрос: соответствует ли праву автора на заявление требования о присвоении изобретению его, автора, имени или специального названия обязанность Комитета по делам изобретений удовлетворить заявленное ему требование? Этот вопрос порождается своеобразием редакции п. 11 Положения. Кажется бы, раз указанный пункт говорит о «требовании» автора изобретения, то обращенное к административному органу требование только и может опираться на соответствующее право автора изобретения, вытекать из соответствующего права. Так как праву всегда противостоит обязанность, то раз автор или его наследник заявляет Комитету основанное на своем праве требование Комитет обязан выполнить это требование. Но п. 11 Положения, к сожалению, противопоставляет требованию и, значит, праву автора не соответствующую обязанность Комитета по делам изобретений, а дискреционное его правомочие. По требованию автора Комитет «может» присвоить изобретению имя автора или другое название. Перед нами противоречие. Тот, кому в соответствии с законом заявлено требование, обязан его выполнить.

При этом понятно, что в случае заявления требования о присвоении изобретению не имени автора, а специального названия Комитет вправе отклонить требование, предложив заменить предложенное название другим, если оно в чем-либо противоречит закону, способно породить смешение данного изобретения с другим и т. п.

б) Одновременно с изобретательскими личнымиимущественными правами авторства и правом на имя возникает для автора изобретения и имущественное право на получение вознаграждения.

¹ О праве наследников требовать присвоения изобретению имени его автора или специального названия см. выше, стр. 142.

граждения в случае применения его изобретения государственной, кооперативной или иной общественной организацией.

Принадлежащее изобретателю право на вознаграждение ничем по существу не отличается от таких же прав авторов рационализаторских предложений. Различен лишь размер вознаграждения, выплаты которого может требовать автор применяемого изобретения, с одной стороны, и автор принятого к использованию рационализаторского предложения, с другой¹.

в) Одновременно с указанными правами изобретателя возникает право государства на применение изобретения. Пункт 6 Положения 1959 года не оставляет сомнений в первоначальном, а не производном характере этого права: «право использования изобретений, на которые выданы авторские свидетельства, принадлежит государству». Не «переходит» к государству, не передается ему, не приобретает им на объект, ставший «бесхозным» ввиду отказа от права на этот объект со стороны другого лица, а возникает в силу закона в лице государства и принадлежит только государству.

Между тем в советской юридической литературе право государства на использование изобретения, на которое выдано авторское свидетельство (признававшееся и ст. 3 Положения об изобретениях 1941 года), иногда трактуется так, как если бы возникновение этого права было подчинено существующему ранее и затем отпадающему праву автора на применение того же изобретения.

А. И. Омельченко писал об «отказе изобретателя от своего исключительного права на изобретение в пользу государства»². Еще дальше пошел В. Я. Ионас, который утверждает, что «основанием для возникновения на стороне государства права использования предложения является одностороннее волеизъявление автора, его отказ от своего исключительного права на изобретение в пользу государства, то есть гражданскоправовая сделка. После того как автор отказался от своего исключительного права на изобретение (предложение) путем подачи заявки на выдачу авторского свидетельства (или путем обращения в БРИЗ с предложением), изобретательское правоотношение между автором и социалистическим обществом, пишет далее В. Я. Ионас, конкретизируется посредством заключения договора об использовании изобретения (предложения), который возникает между изобретателем (рационализатором) и организацией в результа-

¹ О размере вознаграждения, которое подлежит выплате в обоих случаях, и о перерасчете вознаграждения после признания изобретением уже применяемого предложения сказано выше, стр. 75 и сл., а также подробно в гл. V.

² А. И. Омельченко, О некоторых вопросах советского изобретательского права, Издательство МГУ, 1955, стр. 19.

те принятия предложения автора к использованию (или в результате конклюдентных действий при фактическом внедрении предложения автора без формального обращения в БРИЗ)»¹.

Таким образом, по взгляду В. Я. Ионаса: 1) автор изобретения, совершая одностороннюю, очевидно, гражданскую сделку, сначала отказывается в пользу государства от якобы принадлежащего ему, автору, исключительного права на изобретение; 2) после того как автор изобретения от своего права отказался, он на основе уже не принадлежащего ему права, которое, по взгляду В. Я. Ионаса, перешло к государству, заключает с государством (с «социалистическим обществом», как пишет В. Я. Ионас, хотя до сих пор социалистическое общество в качестве субъекта гражданских правоотношений не выступало) договор об использовании изобретения; 3) автор признается заключившим этот договор и в том случае, когда он в его заключении не участвовал — «при фактическом внедрении предложения без формального обращения в БРИЗ». Для чего было создавать эту игнорирующую элементарные требования формальной логики конструкцию? Ведь в советском законе ясно сказано, что если на изобретение выдано авторское свидетельство, то право использования изобретения принадлежит государству — не переходит к нему в силу отказа автора от соответствующего права, а в силу закона возникает для государства с момента выдачи авторского свидетельства. У автора изобретения права на применение изобретения никогда не было, поэтому и отказываться ему не от чего.

Если предложение, заявленное Комитету с целью получения на него авторского свидетельства, внедрено до выдачи последнего, то применяется оно в силу того же права государства на использование изобретения, которое действует в таком случае с обратной силой с момента, когда началось фактическое применение изобретения.

Если авторское свидетельство на заявленное Комитету предложение не выдано после того как применение предложения уже началось, то предложение продолжает применяться в качестве рационализаторского не в силу заключенного с автором договора, а в силу административного акта, каким является решение о применении этого предложения с одновременной, поскольку речь идет о рационализаторском предложении, квалификацией его.

До принятия предложения оно должно стать известно соответствующей организации, автор должен внести это предложение формально или, как пишет В. Я. Ионас, без формального обращения в БРИЗ. Но не всякое заявление одного участника эвентуального правоотношения другому есть предложение вступить в

¹ В. Я. Ионас, Изобретательское правоотношение в советском гражданском праве, автореферат кандидатской диссертации, Л., 1955 г., стр. 12—13.

гражданскую сделку, в договор. Для получения пенсии, например, эвентуальный пенсионер тоже должен сделать соответствующему государственному органу заявление о назначении пенсии, однако этот орган отнюдь не вступает в договор с пенсионером. Так же трудно усмотреть договор в решении организации о применении технического предложения.

В приведенных выше конструкциях А. И. Омельченко и В. Я. Ионаса, несомненно, помимо воли авторов, проявляется живучесть правовых представлений, возникших на почве патентного права капиталистических стран, и притом далеко не точных. Раз создано изобретение, значит его автор обладает исключительным правом на него.

Конечно, п. 4 Положения 1959 года, как и ст. 3 Положения 1941 года, пользуется одним и тем же словом «признание», говоря об удостоверяемом авторским свидетельством авторстве изобретателя, с одной стороны, и о возникающем из патента исключительном праве на применение изобретения — с другой.

Тем не менее невозможно утверждать будто слово «признание» употребляется в той и в другой связи в одинаковом смысле. Совершенно очевидно, что авторство есть факт, имевший место до выдачи авторского свидетельства, и этот факт только и можно либо признать, связав с ним в силу закона возникновение определенных правовых последствий, либо не признать, установив, что данного факта не было.

Исключительное же право на применение изобретения может принадлежать изобретателю только в случае, если государство присвоит ему это право путем выдачи патента. Когда в п. 4 Положения говорится, что в патенте выражается признание исключительного права на применение изобретения, то слово «признание», несомненно, употребляется в смысле «предоставления» права. Ведь не изменилось же с введением в действие Положения об изобретениях 1941 года или Положения 1959 года понятие о патенте, выраженное в Положении 1931 года. А ст. 1 Положения 1931 года устанавливала, что автор нового изобретения может требовать или а) чтобы было признано только его авторство, или б) чтобы ему было предоставлено также исключительное право на изобретение. В первом случае на изобретение выдается авторское свидетельство, во втором случае — патент.

Своеобразна и не выдержана трактовка права на изобретение, на которое выдано авторское свидетельство, предложенная В. А. Дозорцевым¹. По его мнению, «право на изобретение принципиально закрепляется... по изобретательскому праву за госу-

¹ См. В. А. Дозорцев, Некоторые теоретические вопросы советского изобретательского права и разработка нового законодательства, «Ученые записки ВИОН», вып. 9, Госюриздат, 1959, стр. 125 и сл.

дарством». В то же время В. А. Дозорцев считает, что «право государства как субъекта изобретательского права... основано на личных правах изобретателя... авторское свидетельство является единственным документом, закрепляющим право государства на изобретение».

Разъясняя эти положения, В. А. Дозорцев пишет: «Имущественные права на изобретение закрепляются за государством... право на вознаграждение, закрепленное за изобретателем, не является правом на изобретение. Оно представляет собою право, вытекающее из факта применения изобретения, на которое выдано авторское свидетельство... Права, закрепленные за владельцем авторского свидетельства, говорит В. А. Дозорцев, это личные неимущественные права и право на вознаграждение... Только они (за исключением некоторых неимущественных прав) передаются по наследству».

Таким образом, первоначально В. А. Дозорцев утверждал, что в случаях, когда автору изобретения выдано авторское свидетельство, право на изобретение «принципиально закрепляется за государством».

Затем оказывается, что наряду с принципиально закрепленным за государством имущественным правом, то есть, очевидно, правом извлекать имущественные выгоды из изобретения, существует и имущественное право изобретателя на получение вознаграждения за изобретение. Почему же первое из этих прав признается «правом на изобретение», а второе не признается?

Далее, если право на изобретение в указанных случаях принципиально, то есть, по-видимому, в силу закона закрепляется за государством, то каким образом оно одновременно закрепляется за государством также и авторским свидетельством? И каким образом оно основано на личных неимущественных правах изобретателя, то есть, видимо, производно от них? И наконец (это уже не связано с вопросом о соотношении прав государства и прав автора), какие личные неимущественные права изобретателя, получившего авторское свидетельство, переходят к его наследникам? В п. 16 Положения установлен переход к наследникам изобретателя, получившего авторское свидетельство, только права на вознаграждение за изобретение, которое и действует наряду с закрепленным за государством правом на применение изобретения.

Таким образом, по конструкции В. А. Дозорцева (независимо от отмеченной ошибки в вопросе о наследовании) право на изобретение после выдачи на него авторского свидетельства так же оказывается расчлененным, как и по всем другим выдвинутым в литературе конструкциям. Да иного не может и быть, если исходить из соответствующих правовых норм. Поэтому трудно понять, для чего называть право-применять изобретение «правом

на изобретение», а права на вознаграждение за изобретение, на то, чтобы во всех подлежащих случаях изобретение определенным образом именовалось и т. д., не правами на изобретение, а какими-то, как пишет В. А. Дозорцев, другими правами.

Нет никаких оснований усложнять вполне ясную конструкцию закона. С выдачей автору изобретения авторского свидетельства для государства возникает в силу закона право на применение изобретения, которое к тому же отнюдь не исчерпывается правомочием на извлечение государством из этого изобретения имущественных выгод, а является, в частности, и основой безвозмездного оказания технической помощи другим социалистическим государствам.

4. Из сказанного в п. 3 настоящего параграфа вытекает невозможность признать за автором изобретения, на которое выдано авторское свидетельство, приписываемое ему иногда в литературе «право на внедрение» изобретения.

Аргументация в пользу признания за автором субъективного права на внедрение его изобретения, которой пользуется Н. А. Райгородский, не только не опирается на закон, действовавший в то время, когда Н. А. Райгородский писал об этом, и не соответствует закону, действующему ныне, но и вообще лежит вне сферы правовых соображений. «Автор, внося предложение, проявляет свое активное участие в социалистическом строительстве. Вполне естественно поэтому стремление автора,— пишет Н. А. Райгородский,— чтобы этот вклад его в строительство был реализован, чтобы то повышение уровня техники, возможность достижения которого обеспечивается, по его мнению, использованием его предложения, было действительно достигнуто, чтобы предложение было использовано, внедрено. Поэтому право наше и присваивает автору право на внедрение его мероприятия (следует читать: предложения.— Б. А., Е. Ф.), признанного полезным...»¹.

Нельзя, однако, не заметить, что ни одна когда-либо действовавшая норма нашего изобретательского права не «присваивала» и ни одна норма действующего права не «присваивает» изобретателю «право на внедрение» его изобретения в народное хозяйство. Право использования, или иначе право на внедрение предложения, на которое выдано авторское свидетельство, согласно п. 6 Положения 1959 года,— так же обстояло дело и в силу ст. 3 Положения 1941 года — принадлежит, как уже сказано, не обладателю авторского свидетельства, а Советскому государству².

¹ Н. А. Райгородский, Изобретательское право СССР, Юриздат, 1949, стр. 188—189.

² По изложенным в тексте соображениям уже ранее высказывались против признания за изобретателем «права на внедрение» Р. Т. Шапиро и

Самое благородное стремление изобретателя служить делу дальнейшего развития советской техники, о котором говорит Н. А. Райгородский и которое в большинстве случаев присуще советскому изобретателю, равно как и «мнение» изобретателя о значении его изобретения, не могут служить достаточным обоснованием присвоения изобретателю «права на внедрение» его изобретения. Внедрение изобретения, включение его внедрения в план предприятия требуют не только признания принципиальной целесообразности этого внедрения, но и наличия целого ряда предпосылок, определяемых экономическими условиями деятельности соответствующих предприятий. Признать за изобретателем субъективное право на внедрение его предложения по признанию его полезным изобретением — значит игнорировать вместе с действующими нормами советского изобретательского права также и экономическую сущность соответствующих отношений.

Кроме того, признание изобретения полезным отнюдь не всегда производится, как это, по-видимому, себе представляет Н. А. Райгородский¹, после того как соответствующее предложение для применения его внесено тому или иному предприятию. Вопрос о полезности еще не применяемого предложения исследуется при рассмотрении Комитетом по делам изобретения заявки на признание этого предложения изобретением параллельно с исследованием вопроса о наличии в предложении существенной новизны. В таких случаях признание полезности изобретения делается иногда в самой общей форме: указывается область техники или народного хозяйства, в которой изобретение целесообразно применить².

Какому именно предприятию или даже министерству либо совнархозу могло бы быть предъявлено изобретателем основанное на его «праве» требование о внедрении изобретения? Очевидно, Н. А. Райгородский и этот вопрос предложил бы решать в соответствии с «мнением» изобретателя. Однако, как сказано выше, личное мнение вообще основанием возникновения субъективного права не служит.

Г. С. Альтшуллер (см. «Советское государство и право» 1958 г. № 2, стр. 41).

¹ См. Н. А. Райгородский, Изобретательское право СССР, Госюриздат, 1949, стр. 189.

² См., например, решение Экспертного совета по делу изобретателя О. М. Хованского («Изобретательство в СССР» 1958 г. № 1, стр. 17), в котором, в частности указано: «Подобные фильтры могут быть использованы во многих отраслях народного хозяйства»; об изобретенном Б. А. Хижем способе декорирования фарфоро-фаянсовых изделий Экспертным советом было указано, что «предложенный Б. А. Хижем способ может найти широкое применение, будет способствовать расширению палитры красок в фарфоро-фаянсовой промышленности» («Изобретательство СССР» 1957 г. № 6, стр. 35).

Нормы, содержащиеся в Положении 1959 года и определяющие порядок внедрения изобретений, а затем постановление, принятое Пленумом ЦК КПСС 29 июня 1959 г., с исчерпывающей ясностью показали, что право на внедрение изобретения принадлежит не автору последнего, а только государству.

Согласно указанным нормам Комитет по делам изобретений и открытий вносит предложения Совету Министров СССР об использовании важнейших изобретений. В соответствии с постановлением ЦК КПСС от 29 июня 1959 г. планы внедрения этих изобретений должны включаться в народнохозяйственные планы.

Ежеквартально Комитет направляет соответственно Советам Министров союзных республик, министерствам, ведомствам, совнархозам, исполнительным комитетам областных (краевых) Советов депутатов трудящихся и кооперативным центрам списки изобретений, не относящихся к числу важнейших (с соответствующей документацией), для включения работ по внедрению изобретений в планы предприятий и организаций (п. 62 Положения).

Рассмотрев полученный список, названные органы принимают соответствующие решения об использовании изобретений.

В решениях должны указываться предприятия (организации), на которые возлагается внедрение изобретений: разработка технической документации, изготовление и испытание опытных образцов, организация производства, наименование изобретения, фамилия автора или авторов, сроки начала и окончания внедрения. Принятые решения сообщаются Комитету по делам изобретений и открытий (п. 63 Положения).

Так как принятые названными выше органами решения о внедрении изобретений являются обязательными для указанных в этих решениях предприятий, то приостановление или прекращение внедрения изобретения, начатое в силу решения вышестоящего органа, допускается не иначе, как с разрешения того же органа, с доведением об этом до сведения Комитета по делам изобретений и открытий.

Для внедрения изобретения, требующего опытной проверки, устанавливается календарный план экспериментальных работ с указанием срока этих работ и ответственных за их выполнение лиц.

Из сказанного ясно, что изобретение, на которое выдано авторское свидетельство, реализуется государством по своему праву в плановом порядке. Никаких волеизъявлений автора изобретения не требуется, ибо субъективного права на внедрение предложения у автора его нет.

Важную роль в деле контроля выполнения предприятиями планов внедрения изобретений, а также и рационализаторских предложений призваны играть комиссии при первичных партий-

ных организациях производственных и торговых предприятий для контроля выполнения планов внедрения новой техники, механизации и автоматизации производственных процессов.

Организация указанных комиссий предусмотрена утвержденным ЦК КПСС 26 июня 1959 г. Положением о комиссиях при первичных партийных организациях производственных и торговых предприятий по осуществлению парторганизациями права контроля деятельности администрации¹.

Исключает ли указанный порядок внедрения изобретений право предприятия на внедрение изобретения не в силу решения вышестоящего органа, а по своей инициативе? Следует думать, что не исключает. Постановление Пленума ЦК КПСС от 29 июня 1959 г., подтверждая плановый порядок внедрения изобретений, в то же время подчеркивает и значение инициативы предприятий в деле внедрения изобретений. Следует думать, что в план предприятия могут быть, как это было и до сих пор, включены в установленном порядке также и работы по внедрению изобретений, не указанные в решении вышестоящего органа, принятом на основании полученного от Комитета списка изобретений.

Сказанное не означает, что автор изобретения лишен всякой правовой возможности воздействовать на дело внедрения его изобретения и на самый процесс внедрения.

Согласно п. 63 Положения приостановление или прекращение внедрения изобретения допускается только с разрешения государственного органа, принявшего решение о внедрении изобретения. Внедрение изобретения, включенное в план предприятия по его инициативе также составляет часть обязательного для предприятия выполнения плана. Если внедрение приостановлено или прекращено без изменения в установленном порядке плана предприятия, автор изобретения, а равно и любое другое лицо может принести жалобу соответствующему государственному органу, вышестоящему по отношению к организации, обязанной внедрить изобретение. Однако результатом этой жалобы может оказаться не возобновление внедрения данного изобретения, а вынесение компетентным органом решения о прекращении внедрения с применением к руководителю предприятия соответствующей санкции за неполучение предварительного разрешения на приостановление или прекращение внедрения. В тех же случаях, когда результатом жалобы явится возобновление работ по внедрению изобретения с привлечением к установленной ответственности лиц, виновных в приостановлении или прекращении внедрения, то соответствующее решение компетентного органа будет означать восстановление нарушенного субъективного права

¹ См. «Партийная жизнь» 1959 г. № 13, стр. 23 и сл.

автора изобретения на внедрение последнего, а восстановление соответствующего закону порядка деятельности организации, обязанной к внедрению изобретения. Предусмотренная п. 18 Положения ответственность должностных лиц за бюрократизм и волокиту в рассмотрении и внедрении изобретений есть ответственность не за нарушение субъективного права изобретателя на внедрение, а за нарушение должностным лицом своих обязанностей перед государством.

Однако с процессом внедрения связано и несомненное субъективное право автора изобретения: закрепленное за ним п. 13 Положения личное неимущественное право на участие в осуществлении работ по внедрению изобретения — в разработке технической документации на изобретение, в изготовлении и испытании опытных образцов, в организации производства.

С этим изобретательским правом соединяются и установленные тем же п. 13 трудовые права изобретателя. Если предложение внедряется на том предприятии, где изобретатель работает, то он может быть освобожден на соответствующее время от основной работы с сохранением заработной платы в размере среднего заработка или с ним может быть заключено соглашение о проведении соответствующих работ в нерабочее время.

Если предложение внедряется на другом предприятии, то труд изобретателя за время участия в работах по внедрению его изобретения оплачивается по соглашению между ним и предприятием, проводящим эти работы, в размере не ниже среднего заработка изобретателя по месту его постоянной работы. Изобретателю возмещаются также в установленном порядке расходы, связанные с переездом (в оба конца) и проживанием в месте, где ведутся работы по внедрению его изобретения. На время участия изобретателя в этих работах за ним сохраняется должность по месту постоянной работы.

Если изобретатель не состоит на постоянной работе, то размер оплаты его участия во внедрении изобретения определяется его соглашением с предприятием, внедряющим изобретение.

В любом случае, то есть хотя бы изобретатель и не воспользовался своим правом на участие во внедрении его изобретения, он должен быть уведомлен о начале внедрения изобретения.

Праву изобретателя на участие во внедрении изобретения соответствует его обязанность активно содействовать внедрению изобретения. В частности, он обязан предоставлять внедряющим изобретение предприятиям все имеющиеся у него материалы, давать консультации и объяснения (п. 12). Несомненно, эти обязанности изобретатель несет и в случае, когда он отказался от осуществления своего права на участие во внедрении сделанного им изобретения.

Конечно, судебных средств принуждения изобретателя, например, к даче заключения или объяснений не существует.

Возможны и, несомненно, были бы эффективны меры общественного воздействия на изобретателя, который уклонился бы от содействия внедрению его изобретения.

Однако надо признать, что едва ли вопрос о последствиях такого уклонения имеет сколько-нибудь существенное практическое значение.

В обязанности изобретателя активно содействовать этому внедрению, так же как и в его праве на участие в этом внедрении, отчетливо выражается сочетание личных интересов изобретателя с общественными интересами, и едва ли изобретатель будет уклоняться при нормальных условиях от содействия внедрению его предложения.

Но п. 12 Положения об изобретениях возлагает на изобретателя обязанность активно содействовать не только реализации своего изобретения, но и «дальнейшему его развитию».

Едва ли в случаях нарушения этой последней обязанности применимы указанные выше санкции. Если под содействием реализации изобретения должна необходимо пониматься вместе с испытанием изобретения также и разработка его, то, очевидно, дальнейшим развитием изобретения должны оказаться действия, лежащие за пределами применения данного изобретения.

Едва ли совершение таких действий, например создание дополнительного к данному изобретения, может составлять содержание правовой обязанности изобретателя, которая возлагалась бы на него в связи с применением его изобретения. По сути дела «дальнейшее развитие» изобретения, о котором говорится в ст. 12 Положения об изобретениях, есть творческая деятельность изобретателя за пределами данного его изобретения. Осуществление такой деятельности есть морально-политический долг изобретателя, уже однажды внесшего вклад в развитие советской техники. Осуществление этого долга стимулируется, в частности, нормой, содержащейся в абз. 2 ст. 51 Положения об изобретениях. В силу названной нормы заявка дополнительного изобретения, сделанная автором основного изобретения до истечения шести месяцев со дня выдачи ему основного авторского свидетельства, пользуется приоритетом перед заявкой тождественного изобретения, сделанного другим лицом.

Но правовой обязанности дополнять свое изобретение другими изобретениями изобретатель не несет.

5. Из того, что не автору изобретения, на которое выдано авторское свидетельство, а Советскому государству принадлежит право применения этого изобретения, вытекает, что право на патентование такого изобретения за границей принадлежит государству. Это право ошибочно приписывалось автору изобретения

Н. А. Райгородским, исходившим в своем утверждении из норм Положения об изобретениях 1941 года¹, не отличавшихся, однако, по существу от норм, действующих ныне в данной области отношений.

Наоборот, правильно рассматривают патентование изобретения за границей как вид использования изобретений М. М. Богуславский и В. А. Васильев². «Изобретения могут применяться за границей... в частности, путем патентования в иностранных государствах... В том случае, когда советское изобретение реализуется за границей путем патентования, автору... следует предоставить право на вознаграждение»³. Эти положения являются и ныне непосредственным выводом из пп. 6 и 15 Положения 1959 года: «Право использования изобретений, на которые выданы авторские свидетельства, принадлежит государству... Изобретатели, получившие авторские свидетельства, имеют право на вознаграждение». Однако для внесения полной ясности в правовое положение изобретателя его право на вознаграждение в случае применения его изобретения за границей следовало бы прямо оговорить в Положении.

Изобретение, на которое выдано авторское свидетельство, может быть запатентовано как от имени государства, так и от имени любой государственной, кооперативной или иной общественной организации, ибо каждая из них вправе осуществлять применение изобретения, на которое выдано авторское свидетельство⁴. Но на патентование организацией требуется разрешение Комитета по делам изобретений и открытий.

Понятно, что патентование советского изобретения за границей производится по законам того государства, где изобретение патентуется, и что на запатентованное за границей изобретение может быть согласно ст. 70 Положения выдана лицензия. Реализация советских изобретений за границей, а равно и приобретение лицензий на иностранные изобретения или иностранных патентов производится Министерством внешней торговли по представлению заинтересованных организаций и по согласованию с Комитетом по делам изобретений и открытий в порядке, устанавливаемом Советом Министров СССР.

Совершенно очевидно, что одним из способов осуществления принадлежащего государству права на использование изобретений, на которое выдано авторское свидетельство, является и передача советских изобретений в порядке научно-технической помощи (обыкновенно без патентования изобретения) социалисти-

¹ Н. А. Райгородский, Изобретательское право СССР, Госюриздат, 1949, стр. 225.

² «Изобретатель и рационализатор» 1958 г. № 6, стр. 20.

³ См. там же.

⁴ См. стр. 144.

ческим странам. Эта форма оказания научно-технической помощи СССР странам социализма имеет первостепенное значение для их дальнейшего технического и экономического развития. Признание за изобретателем права на патентование за границей изобретения, на которое выдано авторское свидетельство, не только противоречит закону, но если бы оно законом признавалось, значительно усложняло бы дело оказания СССР технической помощи другим странам.

6. С принятием изобретения к использованию соединено возникновение у изобретателя ряда субъективных прав, дополнительных к указанным выше: так называемых «льгот» новаторов техники.

а) Согласно п. 73 Положения об изобретениях изобретатель имеет право на внесение в его трудовую книжку отметки «о всех реализованных изобретениях и выплаченном за них вознаграждении». Следует согласиться с Н. А. Райгородским, подчеркивающим неимущественное значение указания в трудовой книжке сумм, полученных новатором техники за использование его предложения¹.

Исчисляется ли размер вознаграждения исходя из экономии, полученной от применения предложения, или в ином порядке, этот размер всегда поставлен в зависимость от значительности, от ценности предложения для народного хозяйства. Поэтому указание в трудовой книжке размера вознаграждения, полученного за использование предложения, есть указание на уровень творческих достижений автора предложения.

б) При исчислении подоходного налога сумма вознаграждения, не превышающая 10 тыс. руб., налогом не облагается, а если вознаграждение превышает 10 тыс. руб., налог исчисляется с суммы вознаграждения за вычетом 10 тыс. руб. (п. 75).

Следует присоединиться и к высказанному В. И. Серебровским взгляду², согласно которому эта льгота к наследникам автора не переходит. В п. 16 Положения устанавливается переход к наследникам обладателя авторского свидетельства только права на вознаграждение.

в) Переход автора изобретения в связи с внедрением его изобретения на временную работу в другое предприятие не прерывает трудового стажа автора. Время этой работы включается в трудовой стаж, дающий право на отпуск, на льготы и преимущества по основному месту работы. Если работа автора изобретения по месту внедрения его изобретения продолжается не менее полутора месяцев, то оплачиваемый отпуск предоставляется

¹ См. Н. А. Райгородский, Изобретательское право СССР, Госюриздат, 1949, стр. 196.

² См. «Гражданское право», учебник для юридических вузов, т. II, Юриздат, 1944, стр. 267.

ему предприятием (организацией), осуществляющей внедрение его изобретения.

г) При прочих равных условиях авторы принятых к использованию изобретений имеют преимущественное право на занятие должностей научных работников в соответствующих научно-исследовательских и опытных организациях.

д) Согласно п. 4 постановления Совета Министров СССР от 28 января 1960 г. № 127 Высшей аттестационной комиссии предоставлено право разрешать советам высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений принимать к защите на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук наравне с диссертациями наиболее крупные изобретения, имеющие большое народнохозяйственное значение, внедренные в производство, опубликованные в печати и зарегистрированные Комитетом по делам изобретений и открытий¹.

Патентообладатели указанными льготами не пользуются, так же как лица, получившие на одно из своих изобретений патент, а на другие свои изобретения авторские свидетельства.

7. Авторское свидетельство действует без ограничения его действия сроком.

Оно может, однако, быть аннулировано вследствие обнаружившегося отсутствия новизны в изобретении, на которое оно выдано.

Спор об отсутствии новизны может быть возбужден любой государственной или общественной организацией или отдельным лицом в течение года со дня опубликования выдачи авторского свидетельства. Споры эти подведомственны Комитету по делам изобретений (см. гл. II, VI).

Авторское свидетельство может быть аннулировано также и решением суда по спору об авторстве, если суд признает, что авторское свидетельство выдано лицу, которое не является автором изобретения. Но в этом случае подлежит выдаче новое авторское свидетельство лицу, которое судебным решением признано автором того же изобретения².

Действие авторского свидетельства может прекратиться частично в случае смерти автора изобретения, не оставившего наследников. В этом случае прекращается право на вознаграждение за применение изобретения.

Никем не оспоренное и не опровергнутое судебным решением признание авторским свидетельством авторства изобретения утратить свою силу не может и сохраняет ее и после смерти автора. Не оказывает влияния смерть автора и на право государства на использование изобретения.

¹ СП СССР 1960 г. № 4, ст. 20.

² См. гл. VI.

§ 3. Патент и возникающие из него права и обязанности. Исключительность права из патента

1. Действующее изобретательское право предусматривает, кроме основной системы охраны прав изобретателей посредством выдачи авторских свидетельств, также и другую: установление в отношении изобретения режима патента¹.

Хотя режим патента в СССР направлен на ту же конечную цель — охрану прав изобретателя в сочетании с общественным интересом, этот режим существенно отличается от правового режима авторского свидетельства, изложенного нами ранее (§ 2).

Основной принцип режима патента заключается в том, что закон признает за патентообладателем исключительное право на использование изобретения, охраняемого патентом (п. 4 Положения). «Никто не может использовать изобретение без согласия обладателя патента», — говорится в Положении (подпункт «в» п. 48). Все лица, желающие использовать запатентованное изобретение, в том числе и государственные и кооперативные организации, должны вступить по этому поводу в соглашение с обладателем патента. Такие соглашения можно назвать «изобретательскими договорами»². Обладатель патента может либо «переуступить» этот патент, то есть уступить полностью по договору свое право использовать изобретение, либо выдать разрешение (лицензию) на использование изобретения с известными ограничениями. Лицензия может ограничивать использование изобретения по сроку; может быть лицензия, которая предоставляет право использовать изобретение лишь в известной его части либо в определенном месте, например, без права вывоза изделий за пределы государства, где изобретение применяется, либо без права вывоза этих изделий в другую страну и т. д. Но такие ограничения в лицензиях, выдаваемых советскими патентообладателями, не встречаются, поскольку использование патента у нас в стране практически возможно лишь государственными или кооперативными организациями. Договор или иной документ о передаче патента или о выдаче лицензии из патента должен быть зарегистрирован в Комитете. Поскольку в Положении 1959 года (подпункт «в» п. 48) предусматривается недействительность сделки в случае нарушения правила о регистрации ее в Комитете, нуж-

¹ Охрана прав изобретателя посредством патента предусматривалась и всем предшествующим законодательством, за исключением первого периода — 1917—1924 гг., когда патенты не выдавались. С 1924 по 1931 гг. патент был единственным способом охраны прав изобретателя (см. об этом подробнее § 3 гл. II).

² См. В. И. Корецкий, К пересмотру законодательства об авторском праве, «Ученые записки Таджикского государственного университета», т. XI, вып. 4, 1956 г., стр. 83.

но признать договоры о переуступке патента и лицензии из патента сделками строгой формы, сходными со сделками, подлежащими удостоверению у государственного нотариуса.

Правило об использовании запатентованного изобретения не иначе, как по соглашению с патентообладателем, имеет и другую сторону: тем самым забота о реализации, применении изобретения ложится на плечи обладателя патента. Он сам должен подыскать такое предприятие, которое согласилось бы приобрести его патент или лицензию из него.

Исключительное право, вытекающее из патента, — это срочное право: оно существует лишь в течение 15 лет, считая с дня подачи заявки (подпункт «в» п. 48 Положения)¹. Установление относительно краткого срока действия патента совершенно правильно: действие патента затрудняет и усложняет использование соответствующего изобретения². Однако отсчет срока действия патентов от даты заявки изобретения нежелателен. Хотя Положение обеспечивает охрану прав заявителя уже с самого момента заявки, но эта норма, создающая равные условия для всех заявителей, направлена лишь против попыток третьих лиц нарушить право заявителя в период со дня заявки до дня выдачи патента. Продать же патент или выдать лицензию из него заявитель практически не может до дня выдачи патента. Изобретатель, которому Комитет выдал патент скорее, пользуется возможностью извлекать из него выгоду дольше, чем изобретатель, для которого процедура выдачи патента затянулась, например, в связи с экспертизой. Было бы целесообразно поставить всех заявителей в равное положение и, охраняя права заявителя с момента его заявки, исчислять во всех случаях срок действия патента (15 лет) с даты выдачи патента, а не со дня подачи заявки.

¹ В случае невзноса годовой патентной пошлины действие патента досрочно прекращается ст. 49 Положения.

² В капиталистических странах срок действия патентов установлен в пределах от 15 до 18 лет. Так, во Франции — 20 лет, в Англии — 16 лет, в США — 17 лет, в Германской Федеративной республике — 18 лет. Однако все буржуазные законодательства допускают продление по тем или иным основаниям действия выданного патента.

В буржуазной литературе о патентах часто указывают, что такие сроки действия патента необходимы для того, чтобы обладатель патента успел освоить в производстве изобретение и извлечь из него выгоды, пока конкуренция со стороны других фирм юридически устранена действием патента.

В законодательстве стран народной демократии встречаются сроки действия патентов и более короткие. Так, в Народной Республике Болгарии — 15 лет (Указ от 10 ноября 1954 г.), в Народной Республике Чехословакии — 15 лет (закон № 34/1957 г.), в Германской Демократической Республике — 18 лет (закон 6 сентября 1950 г.), в Китайской Народной Республике срок патента может быть от 3 до 15 лет (Положение об изобретениях 11 марта 1956 г.).

2. Правила о патентах, содержащиеся в Положении 1959 года, последовательно охраняют интересы государства и кооперативных организаций путем выдачи принудительных лицензий в тех случаях, когда изобретателю на его предложение выдан патент.

Такое правило было включено уже в первый акт, допустивший в СССР патенты, то есть в закон 1924 года, который установил правило о принудительных лицензиях в пользу социалистических организаций в тех случаях, когда с патентообладателем не удастся достигнуть соглашения об использовании нужного промышленности предложения¹.

Положение 1959 года устанавливает, что в тех случаях, когда изобретение имеет особо существенное значение для государства, но соответствующее министерство, ведомство, совнархоз или исполком местного Совета депутатов трудящихся не достигнут соглашения с обладателем патента об уступке прав из него, то разрешение на использование изобретения может быть дано только Советом Министров СССР (подпункт «ж» п. 48 Положения). Одновременно с выдачей принудительной лицензии из патента должно быть установлено и соответствующее вознаграждение патентообладателя.

3. Положение 1959 года содержит и другое правило, охраняющее интересы социалистических организаций. Это правило называется оговоркой о «преждепользовании». Учреждения, предприятия или лица, которые до заявки изобретения независимо от изобретателя применяли в СССР данное изобретение или сделали все необходимые к тому приготовления, сохраняют право на дальнейшее использование этого изобретения (подпункт «е» п. 48 Положения).

Разумеется, что носителем прав преждепользования в наших условиях практически может оказаться только какая-либо социалистическая организация, а не отдельный гражданин. Поэтому в наших условиях это правило установлено в интересах социалистического хозяйства.

Смысл права преждепользования в том, что предприятие, которое до заявки определенного лица об изобретении применяло аналогичное изобретение независимо от патентообладателя, может и в дальнейшем применять это изобретение, в изъятие из норм об исключительности права патентообладателя. Закон предполагает случай, когда предприятие-преждепользователь не сделало заявки на применяемое изобретение и Комитет, выдавая патент, не имел сведений о факте применения изобретения. Если бы заявка была уже сделана или такие сведения о применении изобретения имелись, то в силу п. 36 Положения патент вообще

¹ См. гл. II.

не мог быть выдан. Закон ставит в равное положение и того преждепользователя, который уже фактически применяет изобретение, и того, который только готовится это сделать, но при этом уже принял все меры, необходимые для использования.

Обладающий правом преждепользования не обязан к выплате патентообладателю какого-либо вознаграждения или компенсации. Положение рассматривает преждепользователя как лицо, осуществляющее свое право. Этим институт преждепользования отличается от принудительной лицензии, где предприятие, получающее такую лицензию, использует чужое право и поэтому обязано к выплате вознаграждения обладателю патента.

Все это вытекает из общего принципа: юридическое оформление изобретения (патентом, авторским свидетельством) нельзя представлять себе как признак самого изобретения. Институт преждепользования охраняет право преждепользователя из сделанного им изобретения, правда, в изъятие из правила об исключительности прав патентообладателя.

Конечно, субъективное право преждепользователя не тождественно праву, вытекающему из патента. Патентообладатель может дать разрешение на использование изобретения в любом месте. Напротив, организация, имеющая право преждепользования, вправе лишь продолжать у себя начавшееся использование изобретения, то есть связана местом своего производства. Право преждепользователя не может быть распространяемо на другие предприятия, которые сами не были преждепользователями данного изобретения.

Право преждепользования должно признаваться именно за данным госорганом (юридическим лицом), а не за всей системой государственных предприятий. Противоположный вывод привел бы, в сущности, к уничтожению патента институтом преждепользования. Споры о праве преждепользования разрешаются в судебном порядке (подпункт «е» п. 48 Положения).

4. Право выбрать правовой режим охраны своего изобретательского права, то есть режим авторского свидетельства или режим патента, принадлежит, как уже сказано, изобретателю или его наследникам. Однако Положение предусматривает некоторые случаи, в которых такой выбор исключен, когда на изобретение может быть получено только авторское свидетельство¹.

Положение предусматривает право изобретателя и его правопреемников в течение всего срока действия патента возбудить ходатайство об обмене патента на авторское свидетельство, если патент не был никому переуступлен и из него не была выдана лицензия (подпункт «д» п. 48 Положения).

¹ См. гл. III.

Правила о подаче заявок на выдачу патента, о проведении экспертизы предложения в общем сходны с правилами, относящимися к авторским свидетельствам¹. Пункт 47 Положения распространяет на патенты правила оформления, установленные в пп. 30—35, 36 (кроме подпунктов «а» и «б»), а также пп. 39—42, 45 и 46, относящиеся к заявкам о выдаче авторских свидетельств. Однако Положение предусматривает для патентов также ряд специальных норм (п. 48).

Право сделать заявку о выдаче патента и получить патент имеет либо сам изобретатель, либо его правопреемник. Этим правилом выдачи патента отличается от выдачи авторского свидетельства. Прежде всего заявку о выдаче патента может сделать не только наследник изобретателя, но также и другой правопреемник, например, лицо, которому изобретатель передал по договору право сделать заявку на патент.

С другой стороны, Положение не упоминает о праве предприятия либо учреждения сделать заявку о выдаче патента вместо изобретателя по его поручению.

Для лиц, постоянно проживающих за границей, ведение дел о выдаче патентов, осуществляет Всесоюзная торговая палата (п. 31 Положения)².

В правилах о выдаче патентов предусмотрена присылка заявителю по его просьбе копий патентных материалов, на основании которых вынесено решение по заявке. Однако заявитель, испрашивающий патент, должен возместить расходы по изготовлению и присылке копий соответствующих документов, в то время как заявитель, испрашивающий выдачу авторского свидетельства, получает такие копии бесплатно.

Срок оспаривания выданного патента установлен в течение всего времени действия патента (подпункт «г» п. 48 Положения). Это относится не только к спорам о новизне изобретения, разрешаемым в административном порядке, и к спорам об авторстве и соавторстве, разрешаемым в судебном порядке, но также и к спорам о нарушении любого правила о выдаче патентов.

Так, в течение всего срока действия патента может быть возбужден вопрос об аннулировании патента на том основании, что изобретение сделано в связи с работой изобретателя в государственном, кооперативном или общественном предприятии (органи-

¹ Этот порядок изложен ранее, в гл. III, и здесь приводятся лишь особенности, относящиеся к производству по патентам.

² За выполнение такого рода поручений установлена определенная такса гонораров: за подачу заявки, дополнительных пояснений, возражений, жалоб и совершение других действий, связанных с ведением патентных дел (см. «Справочник о порядке патентования иностранных изобретений и регистрации иностранных товарных знаков в СССР», М., 1956).

зации), или на том основании, что изобретатель получил денежную или иную материальную помощь от одной из таких организаций для разработки изобретения. Этот вывод должен быть распространен и на тот случай, когда по ошибке патент выдан на дополнительное изобретение, в то время как на основное изобретение было выдано авторское свидетельство.

Как и в отношении авторских свидетельств, так и в отношении патентов Положение предоставляет возбуждение спора против новизны и авторства изобретения любому лицу. Но в отношении патентов к этим двум основаниям оспаривания (отсутствие новизны, мнимое авторство) присоединяется третье: нарушение любых правил о выдаче патента, например, выдача патента, в случае когда могло быть выдано только авторское свидетельство.

В отличие от ранее действовавшего Положения 1941 года новое Положение «Об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях» 1959 года не содержит правила о предварительной публикации формулы изобретения, представленного к патентованию¹. Формула патентуемого изобретения в настоящее время не публикуется предварительно (как и в случае заявки на авторское свидетельство), и потому в Положении 1959 года не предусмотрено и право любого лица оспаривать предварительно данную и опубликованную формулу изобретения².

Нужно заметить, что правило об оспаривании любым лицом проекта формулы изобретения, предварительно опубликованной, уменьшает возможность ошибки при выдаче патента (и авторского свидетельства)³.

5. Положение по делам о выдаче патентов и по выданным патентам предусматривает специальные пошлины⁴.

Пошлины за подачу заявки на патент оплачиваются в размере 260 руб.; за подачу жалобы на отказ в выдаче патента — 130 руб.

¹ Это правило содержалось в ст. 48 Положения 1941 года; «формулой изобретения» называется формулировка предмета изобретения.

² Согласно п. 42 Положения 1959 года публикация в «Бюллетене изобретений» и издание описания изобретения производятся уже после выдачи авторского свидетельства. Это правило п. 47 Положения полностью распространено и на патент.

³ См. Б. Антимонов и С. Герзон, О формуле изобретения («Советская юстиция» 1958 г. № 11, стр. 39).

⁴ Правила о патентных пошлинах изложены в постановлении СНК СССР, последняя редакция которого опубликована в СЗ СССР 1936 г. № 37, ст. 328.

Специальные патентные пошлины не входят в понятие государственных пошлин, предусмотренных Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1942 г. «О государственной пошлине» («Ведомости Верховного Совета СССР» 1942 г. № 13), и постановление СНК СССР о ставках госпошлины от 19 апреля 1942 г. (СП СССР 1942 г. № 4, ст. 11).

Пошлина за регистрацию договора о передаче патента или лицензии из патента установлена в размере 260 руб.

За пользование патентов установлена пошлина, взимаемая ежегодно. Неуплата этой пошлины прекращает действие патента досрочно. В течение первых трех лет действия патента пошлина вносится по 220 руб. в год; в последующие годы пошлина постепенно возрастает¹.

6. Заявка на патент может быть сделана самим изобретателем (автором изобретения) или его представителем, действующим по полномочию изобретателя.

Право сделать заявку на патент принадлежит также и наследнику изобретателя. Круг лиц, уполномоченных на заявку в отношении патента, совпадает с кругом лиц, уполномоченных сделать заявку на авторское свидетельство.

Но, кроме этих лиц, заявку на патент может сделать и правопреемник изобретателя независимо от того, является ли этот правопреемник наследником. Дело в том, что изобретатель вправе не только уступить патент, но может уступить свое право на заявку. Продав свое право на патент, он уступил и свое эвентуальное право из патента, поскольку из патента обладатель его приобретает исключительное право и может им распорядиться. Тем самым приобретатель патента становится «патентообладателем», в его лице возникает право на извлечение имущественных выгод из пользования изобретением. Разумеется, приобретатель патента изобретателем не становится; в заявке на патент всегда должен быть указан автор изобретения (подпункт «а» п. 47 Положения). Получение патента на свое имя лицом, которое в действительности не является автором данного изобретения, есть присвоение чужого авторства, то есть правонарушение, упоминаемое в п. 17 Положения.

Соглашение с изобретателем, по которому изобретатель отказывается от своего авторства на изобретение, ничтожно.

7. Патент дает автору изобретения исключительное право на изобретение и тем самым возлагает на автора все заботы по реализации изобретения.

В условиях социалистического общества частное предпринимательство не существует, и потому нельзя ставить вопрос о реализации изобретения лично самим изобретателем, выбравшим патент, в своем предприятии. Возможно использование изобретения в своей кустарной мастерской изобретателем — кустарем-одиночкой, но такое использование всегда было бы ограничено микроскопическими масштабами единоличного заведения.

¹ См. «Справочник о порядке патентования иностранных изобретений и регистрации иностранных товарных знаков в СССР», М., 1956.

Следовательно, получив патент и намереваясь широко использовать свое изобретение, советский изобретатель мог бы только вступить в договорные отношения об использовании этого патента с одной или несколькими социалистическими организациями.

К условиям советского социалистического строя, к идеологии советских изобретателей значительно более подходит другая форма охраны прав изобретателя — авторское свидетельство, которое делает изобретение достоянием Советского государства, обеспечивая вместе с тем автору установленное законом вознаграждение за его творческий труд¹.

Практика показывает, что советские граждане не заинтересованы в получении патентов на свои изобретения². С. Н. Ландкоф приводит такие данные о выдаче патентов в СССР: в 1942 году — 4, 1943 году — 0, 1944 году — 30, 1945 году — 32, 1946 году — 17, 1947 году — 38, 1948 году — 8, 1949 году — 54, 1950 году — 159, 1951 году — 36, 1952 году — 7. Сведения относятся как к советским, так и к иностранным заявкам³. Невелико число выдаваемых патентов и в последние годы.

Значение патентной формы заключается в другом. Нужно учитывать, что во всех капиталистических странах существует только патентная форма. Устойчивый курс СССР на мирное сосуществование с другими государствами независимо от их экономического и политического строя в области изобретательского права требует сохранения у нас приемлемой для изобретателей-иностранцев патентной формы.

§ 4. Авторское свидетельство и патент на дополнительное изобретение и вытекающие из них права и обязанности

Изобретение признается дополнительным, если оно является усовершенствованием другого изобретения, основного по отношению к дополнительному, на которое выдано авторское свидетельство или патент, и не может использоваться самостоятельно, без применения этого основного изобретения.

Особенности авторского свидетельства или патента на дополнительное изобретение и вытекающих из него прав заключаются в следующем:

¹ См. гл. II.

² П. П. Гурьянов, Оформление заявки на изобретения (см. «Изобретательство в СССР» 1956 г. № 1, стр. 34).

³ См. С. Н. Ландкоф, Правовые основания авторского вознаграждения за изобретения («Юридический сборник Киевского государственного университета» 1954 г. № 7, стр. 61).

1. Если на основное изобретение выдано авторское свидетельство, то только авторское свидетельство, но не патент, может быть выдано и на дополнительное к нему изобретение. Такое зависимое авторское свидетельство может быть выдано до истечения пятнадцати лет со дня регистрации в государственном реестре изобретений СССР авторского свидетельства на основное изобретение. По истечении указанного срока дополнительное изобретение признается самостоятельным, хотя оно и является усовершенствованием другого изобретения и не может применяться без него (п. 51 Положения).

Если на основное изобретение выдан патент, то автор дополнительного изобретения может по своему выбору получить зависимый патент или зависимое авторское свидетельство на свое дополнительное изобретение. Зависимый патент выдается в этом случае на еще не истекшую часть пятнадцатилетнего срока действия патента на основное изобретение (п. 52).

2. Заявка дополнительного изобретения, сделанная автором основного изобретения, на которое выдано авторское свидетельство не позднее шести месяцев со дня подписания к печати номера «Бюллетеня изобретений СССР», в котором опубликовано основное изобретение, пользуется, как уже отмечалось, приоритетом перед заявкой всякого другого лица.

Следовательно, если другое лицо сделает заявку дополнительного изобретения через два месяца с указанного дня, а пятый или шестой месяц с того же дня в Комитет поступит заявка тождественного дополнительного изобретения, сделанная автором основного изобретения, то эта последняя заявка будет считаться сделанной раньше заявки другого лица, в действительности поступившей в Комитет первой.

Очевидно, что эта норма стимулирует развитие изобретения самим изобретателем, получившим на свое изобретение авторское свидетельство.

Разумеется, вопрос о приоритете не встает, если обладателем авторского свидетельства и кем-нибудь другим сделаны заявки не тождественных, а разных дополнительных изобретений. В таком случае автор каждого изобретения при наличии в его предложении требуемых законом признаков получит зависимое авторское свидетельство на сделанное им дополнительное изобретение.

3. Если дополнительное изобретение, на которое выдано авторское свидетельство, принято к внедрению после того, как основное изобретение уже внедрено, то вознаграждение автору дополнительного изобретения выплачивается в зависимости от его эффективности (см. подробно гл. VI).

Если же основное и дополнительное изобретение, на которые выданы авторские свидетельства, сделаны разными лицами и приняты к реализации одновременно, то вознаграждение выплачивается авторам обоих изобретений вместе и согласно п. 20 инструкции распределяется между ними по их соглашению, а при отсутствии соглашения — по решению суда.

4. Если на основное изобретение выдан патент, то использование дополнительного изобретения допускается лишь при наличии соглашения с обладателем патента на основное изобретение об использовании последнего, кроме случаев, когда на основное изобретение решением Совета Министров СССР установлена принудительная лицензия. В таких случаях с момента возникновения для государства права на использование основного изобретения лицу, получившему зависимое авторское свидетельство, выплачивается вознаграждение на общих основаниях (п. 52).

5. Если по основаниям, не связанным с дополнительным изобретением, прекращается действие авторского свидетельства или патента на основное изобретение, то зависимое авторское свидетельство на дополнительное изобретение превращается в самостоятельное.

Так как авторское свидетельство действует без ограничения сроком, то основанием прекращения его действия может быть только его аннулирование в порядке пп. 44—45 Положения вследствие отсутствия в соответствующем изобретении новизны. Если авторское свидетельство аннулируется по спору об авторстве изобретения, то вместо него действительному автору изобретения выдается новое авторское свидетельство, а дополнительное изобретение продолжает быть дополнительным и выданное на него авторское свидетельство — зависимым.

Действие патента, как уже сказано, может прекратиться до истечения пятнадцатилетнего срока не только по тем же основаниям, что и действие авторского свидетельства, но также и вследствие неуплаты пошлины по выданному патенту (п. 48 «г» Положения).

Понятно, что если патент на основное изобретение аннулирован в результате спора об авторстве, то на то же изобретение может быть выдан по выбору действительного автора изобретения новый патент или авторское свидетельство. Соответственно определяются и условия применения дополнительного изобретения.

В остальном права и обязанности автора дополнительного изобретения, на которое выдано авторское свидетельство, тождественны с правами и обязанностями обладателя самостоятельного авторского свидетельства.

§ 5. Удостоверение на рационализаторское предложение и возникающие из него права и обязанности

1. Удостоверение на рационализаторское предложение есть всегда удостоверение принятия соответствующего предложения к использованию, а тем самым и права лица, которому оно выдано, на получение вознаграждения за предложение. Вместе с тем оно удостоверяет «локальную» новизну и авторство предложения, на которое выдано, закрепляет за лицом, внесшим предложение, право авторства вместе с правом на авторское имя. С получением удостоверения связан и ряд дополнительных прав, ряд «льгот» автора рационализаторского предложения.

Рационализаторское предложение вносится, по общему правилу, предприятию (организации), в котором предложение может быть применено.

Предложение вносится в форме заявления с кратким описанием сущности предложения и приложением, если это требуется, чертежей, схем, эскизов (п. 54 Положения).

По требованию заявителя ему в течение пяти дней со дня, когда предложение подано, должна быть выдана справка о поступлении предложения (п. 54 Положения). Внесенное предприятию рационализаторское предложение рассматривается бюро изобретательства (БРИЗом) предприятия. Решение о принятии или отклонении предложения выносится руководителем предприятия и должно быть сообщено заявителю не позднее пятнадцати дней со дня поступления предложения. Решение об отклонении предложения должно быть мотивировано и может быть обжаловано заявителем (п. 54).

Приносимая заявителем жалоба на неосновательное, по его мнению, отклонение внесенного им рационализаторского предложения не есть жалоба на нарушение субъективного права заявителя, ибо автор рационализаторского предложения, так же как изобретатель, субъективного права на внедрение созданного им предложения не имеет. Это жалоба на нарушение государственным органом, должностным лицом своей обязанности перед государством — обязанности проявлять необходимую заботу о внедрении всякого полезного народному хозяйству предложения.

Жалоба рассматривается руководителем предприятия совместно с фабричным, заводским, местным комитетом профессионального союза в присутствии заявителя, если он работает на данном предприятии, а также, следует думать, если, работая на другом предприятии, он явился в место рассмотрения его жалобы и заявил соответствующее ходатайство¹.

¹ См. гл. VI.

Не удовлетворенный решением по жалобе, вынесенным в указанном порядке, заявитель рационализаторского предложения может обжаловать и это решение руководителю министерства, ведомства или соответственно в совнархоз, в исполнительный комитет Совета депутатов трудящихся. Решение министра или его заместителя, так же как и решение совнархоза или исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся, является окончательным: в результате этого решения предложение либо принимается предприятием к использованию с выдачей его автору удостоверения, либо отклоняется и, если не принято затем к использованию другим предприятием, не становится объектом изобретательского права.

Некоторые особенности представляет порядок подачи рационализаторских предложений и выдачи их авторам удостоверений в случаях, когда предложение может быть использовано несколькими предприятиями или имеет отраслевое или межотраслевое значение.

Если предложение может быть использовано несколькими предприятиями или имеет общепромышленное либо межотраслевое значение, то заявление о предложении может быть сделано не предприятию, а соответственно министерству, ведомству, совнархозу, исполнительному комитету Совета депутатов трудящихся.

В таком случае решение о принятии или отклонении предложения выносится соответственно руководителем министерства, ведомства, либо заместителем руководителя, совнархозом, исполнительным комитетом Совета депутатов трудящихся. Орган или руководитель его, которые признали рационализаторское предложение подлежащим внедрению, выдают в таком случае удостоверение на это предложение.

Если рационализаторское предложение, имеющее отраслевое или межотраслевое значение, заявлено не министерству, совнархозу или исполнительному комитету Совета депутатов трудящихся, то предприятие, внедрившее такое предложение, обязано в четырехмесячный срок сообщить вышестоящему органу о результатах использования этого предложения с целью внедрения его и на других предприятиях. Вышестоящими организациями принимаются меры к наиболее полному использованию таких предложений.

Рационализаторское предложение, внедрение которого на данном предприятии отклонено имеющим окончательную силу решением вышестоящего органа, может затем оказаться принятым к внедрению на другом предприятии. Автор его должен получить удостоверение независимо от того, что предложение после первого его внесения было отклонено и объектом изобретательского права не стало.

2. С получением удостоверения на рационализаторское предложение соединяется ряд юридических последствий.

Одни из них по существу однородны с последствиями, связанными с выдачей автору изобретения авторского свидетельства, другие значительно отличаются от последних.

Так же как авторское свидетельство на изобретение, удостоверение на рационализаторское предложение содержит признание авторства и права авторства лица (лиц), внесшего предложение. Но рационализаторское предложение обладает только местной, локальной (в пределах данного предприятия, данной или данных отраслей производства) новизной. Поэтому своеобразный (также локальный характер) носит и право авторства лица, создавшего это предложение. Если другое лицо на другом предприятии по решению другого совнархоза получило удостоверение на самостоятельно внесенное им тождественное предложение, оно также в пределах данного предприятия или данной отрасли производства признано автором этого предложения.

С правом авторства неразрывно связано и следует его судьбе и право на авторское имя. Получив удостоверение, автор рационализаторского предложения вправе требовать, чтобы на предприятии, выдавшем ему удостоверение, или в пределах отрасли производства, в которой применяется его предложение, он признавался и именовался автором последнего. Но за указанными пределами его право на авторское имя не действует в том смысле, что за этими пределами автором сделанного независимо от него тождественного предложения может и должно именоваться другое лицо, которому выдано удостоверение на созданное им тождественное предложение.

Право на авторское имя автора рационализаторского предложения отличается от права на имя, закрепленного за изобретателем и в том отношении, что рационализаторскому предложению не может быть присвоено ни имя автора, ни специальное название. Это — следствие локальной новизны и связанного с нею локального характера права авторства на рационализаторское предложение.

Другие личные неимущественные права изобретателя присвоены и автору рационализаторского предложения, получившему удостоверение. В частности, он вправе на одинаковых с изобретателем условиях участвовать во внедрении внесенного им предложения (п. 13 Положения).

Из числа указанных выше льгот изобретателя рационализатор, обладающий удостоверением на свое предложение, не пользуется лишь преимущественным правом на занятие должностей в научно-исследовательских и опытных организациях.

Право на вознаграждение за использование рационализаторского предложения осуществляется путем получения вознаграждения в соответствии с инструкцией¹.

§ 6. Секретные изобретения и рационализаторские предложения

Секретными признаются изобретения и рационализаторские предложения, относящиеся к обороне страны, а также другие, сохранения которых в тайне требуют интересы государства.

Из числа секретных изобретений выделяются изобретения совершенно секретные, относящиеся к новым средствам вооружения, боевой техники и их тактическому применению. Заявки на эти изобретения принимаются и рассматриваются не Комитетом по делам изобретений и открытий, а Министерством обороны СССР, на которое возлагается также и рассмотрение жалоб по вопросам выдачи авторских свидетельств на указанные изобретения. Однако регистрация таких изобретений и выдача на них авторских свидетельств производится на основании соответствующего извещения Министерства обороны Комитетом по делам изобретений и открытий.

Заявки на остальные совершенно секретные изобретения, так же как и заявки на секретные изобретения, принимает и рассматривает Комитет, производящий выдачу авторских свидетельств без установленной в качестве общего правила публикации².

Получив любую заявку, Комитет должен прежде всего определить, не является ли предлагаемое изобретение секретным. Решение о признании предполагаемого изобретения секретным подлежит немедленному сообщению как автору, так и заинтересованным государственным органам.

Если автор сам предполагает, что сделанное им изобретение может быть признано секретным, он обязан принять все зависящие от него меры к ограждению этого изобретения от разглашения и передать его государственному предприятию (организации) для направления в заинтересованные органы.

Автор изобретения, признанного секретным, не вправе требовать ознакомления его с материалами, на основании которых Комитетом вынесено решение о выдаче или отказе в выдаче авторского свидетельства на это изобретение.

Для разработки принятых к внедрению секретных изобретений заинтересованное предприятие (организация) обязано предоставить специальное помещение, запретив работу над этим изобретением в домашней обстановке.

¹ См. гл. V.

² См. стр. 164.

За разглашение сведений секретных изобретений виновные несут уголовную ответственность, установленную уголовным законодательством.

Вопрос о наличии или отсутствии секретного характера в рационализаторском предложении должен быть разрешен каждым предприятием (организацией), которому заявлено предложение.

Решение о признании рационализаторского предложения секретным должно быть немедленно сообщено как автору предложения, так и заинтересованным органам. Предположив сам, что его предложение может быть признано секретным, автор рационализаторского предложения несет такие же обязанности, какие возлагаются в таких случаях на автора предполагаемого секретного изобретения¹. Однородны с указанными выше и обязательные условия разработки секретного рационализаторского предложения, а равно и ответственность за его разглашение.

¹ См. стр. 194.

Глава V

ПРАВО ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ И РАЦИОНАЛИЗАТОРОВ НА ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ ЗА ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1. Когда изобретение охраняется патентом, за обладателем патента признается исключительное право на изобретение (п. 1 Положения). Право патентообладателя — это право отчуждаемое, обладатель патента может им распорядиться, передать другому лицу. В таком случае вопрос о вознаграждении патентообладателя разрешается в форме, обычной для гражданского права, — путем договорного соглашения между обладателем патента и лицом, которое желает использовать изобретение, приобретя на него исключительное право¹. Закон не устанавливает каких-либо ставок или пределов вознаграждения, определяемого по соглашению сторон в договорах об отчуждении патента или о лицензии по патенту.

Только в случае принудительного отчуждения патента или принудительного установления лицензии из патента (подпункт «ж» п. 48 Положения) размер вознаграждения обладателя патента устанавливается в конкретном случае постановлением Правительства СССР.

2. Иначе обстоит дело, когда изобретатель получает авторское свидетельство: акт государственной власти признает только авторство в отношении известного изобретения, но исключительного права на него не устанавливает.

Право использовать изобретение принадлежит в этом случае государству, которое берет на себя заботу о реализации изобретения с учетом целесообразности.

Кооперативные и общественные организации вправе использовать изобретение, на которое выдано авторское свидетельство на равных основаниях с государственными. Во всех

¹ См. гл. IV § 3 о правовом режиме патента.

этих случаях договоры с изобретателем на использование изобретения не заключаются (п. 6 Положения).

Так обстоит дело и с объектом изобретательского права, не обладающим существенной новизной — рационализаторским предложением.

Начиная с 1931 года, с первого закона об изобретениях и технических усовершенствованиях, в котором детально была разработана система авторского свидетельства, вознаграждение изобретателей и других новаторов определялось нормативно. Это относится и к последним по времени Положениям — 1941 и 1959 гг.

Правила о вознаграждении изобретателей и иных новаторов, установленные Положением 1959 года, в конечном счете направлены к тому, чтобы вознаграждение за эту разновидность творческого труда соответствовало основному принципу социалистической оплаты труда в соответствии с его количеством и качеством.

Установить полное действие такого принципа в отношении творческого труда изобретателей и иных новаторов нелегко ввиду ряда особенностей их труда.

Труд изобретателей и иных новаторов по количеству учитывается лишь косвенным путем, исходя из результата его, то есть из технического предложения, а это не может дать точного суждения о продолжительности времени, необходимого для получения определенного технического результата. Такое суждение особенно сложно в отношении изобретений, то есть предложений, обладающих существенной новизной, и тем более пионерских изобретений. Суждения о количестве необходимого труда становятся здесь поневоле весьма условными.

Трудности возникают и при определении качества творческого труда изобретателя или рационализатора: нет достаточно устойчивой мерки для сравнения. Очевидно, что ценность изобретения для общества и есть качество изобретения, качество, которое должно учитываться при определении вознаграждения изобретателя. Дело в том, что качество изобретения (в этом смысле слова) зависит от многих переменных факторов, к тому же быстро меняющихся. Народное хозяйство у нас непрерывно растет, расширяется количественно и это приводит к качественным его изменениям.

Предложение, которое еще вчера невозможно было внедрить в промышленности, на транспорте или в сельском хозяйстве так, что оно оставалось лишь перспективным, сегодня может быть уже внедрено, правда, в ограниченном масштабе, а завтра можно и нужно будет поставить вопрос о массовом внедрении предложения. Между тем при определении вознаграждения новатора о качестве предложения приходится судить с точки зре-

ния настоящего момента, с учетом вероятной перспективы на будущее время. Это уже вносит неизбежную неточность при оценке значения технического предложения. Многие изобретения и другие технические предложения ценны тем, что они позволяют экономить труд и материалы. Конечно, учет экономии, даваемой техническим предложением при его применении, во многих случаях позволяет ближе подойти к объективному методу оценки технических предложений. Но здесь снова появляются осложнения, существенно снижающие надежность оценок. Для того чтобы провести сравнение, следует для всех технических предложений брать одинаковый учетный период, то есть всегда учитывать экономию, даваемую предложением в течение одного срока, например, в течение года. Однако одни предложения (при прочих равных условиях) начинают давать наибольшую экономию раньше, другие позже. Кроме того, практически невозможно создать одинаково благоприятные условия применения всех предложений на всех предприятиях всех отраслей народного хозяйства или даже на всех предприятиях одной отрасли промышленности. Все это приводит к тому, что равные по своей ценности технические предложения будут, тем не менее, по-разному расценены в силу неодинаковых условий оценки.

Наконец, целый ряд предложений по своему содержанию не дает и не может давать экономии, поскольку предложения либо открывают новые отрасли промышленности, либо укрепляют оборону нашей страны, либо дают новые лекарства или методы лечения болезней и т. д. Нельзя забывать о таком виде изобретений и рационализаторских предложений. Их нужно также оценивать, но уже безотносительно к признаку экономии, взяв какой-то другой признак. Пользуясь различными методами оценки, мы получим разнородные результаты оценки качества технических предложений. Все эти обстоятельства и приводят к тому, что при нормальном определении размера вознаграждения изобретателей и новаторов приходится пользоваться лишь некоторым приближением к обычным способам тарификации.

Основные правила о вознаграждении изобретателей и новаторов, установленные Положением 1959 года, сводятся к следующему.

1) Изобретатели и рационализаторы получают вознаграждение за использование сделанных ими изобретений и рационализаторских предложений.

Таким образом, право на вознаграждение автора вытекает не из одного права авторства на техническое предложение, а требуется также факт внедрения технического предложения в народное хозяйство.

2) Размер вознаграждения изобретателя или иного новатора устанавливается в зависимости: а) от экономии или

инного полезного эффекта, получаемого народным хозяйством от внедрения предложения; б) от степени завершенности разработки предложения.

Инструкция предусматривает не только вознаграждение изобретателям и рационализаторам за использование их технических предложений, но также премии другим работникам за содействие разработке и внедрению предложений.

Размер премии, выплачиваемый отдельному работнику в течение одного квартала, не должен превышать полуторамесячного оклада (тарифной ставки) этого работника (п. 24 инструкции).

Воспроизводя основные правила Положения, инструкция 1959 года вводит вместе с тем и новые нормы. Эти новые нормы устанавливают правила о ставках вознаграждения (раздел II инструкции).

В п. 26 инструкции предусматривается премирование работников предприятия (организации) за проявленную инициативу в использовании в порядке обмена опытом изобретений, рационализаторских предложений, внедренных на других предприятиях или опубликованных в литературе. Эти премии должны выплачиваться из средств, выделяемых в данной организации на изобретательство и рационализацию. Как известно, прежняя инструкция 1942 года не содержала правил о премировании за «перенос опыта», так что упоминание о таком премировании в ст. 22 Положения 1941 года оставалось неразработанным. Новая инструкция делает в этом отношении шаг вперед.

3. Представляется весьма желательным построить систему вознаграждения труда новаторов техники на едином общем и притом объективном признаке или на нескольких таких признаках, но учитываемых постоянно, во всех случаях. Тогда и система оплаты труда новаторов техники будет полностью основана на принципе оплаты труда по его количеству и качеству. Однако в полном ее объеме эта задача пока не разрешена, поскольку количество и качество труда новаторов техники приходится учитывать только косвенным путем: путем оценки результата, даваемого техническим предложением, при его применении. Но результаты, даваемые различными техническими предложениями, качественно неоднородны. В этом и состоит препятствие к введению оценки труда изобретателей и иных новаторов по одному или нескольким, всегда применяемым объективным признакам¹.

¹ С. Н. Ландкоф, Правовые основания авторского вознаграждения за изобретения, «Юридический сборник Киевского государственного университета» 1954 г. № 7, стр. 80.

Некоторые предложения при их применении дают народному хозяйству экономию, производственную или потребительскую, которую можно подсчитать в денежном выражении. Однако экономия производственная и экономия потребительская, хотя и являются разновидностями народнохозяйственной экономии, все же имеют различный характер, требующий различных способов наблюдения и учета.

Некоторые технические предложения дают производственную или потребительскую экономию и другую выгоду, но тем не менее основная их ценность состоит не в даваемой ими экономии, а в другом результате, например, в прогрессивности технологии, в повышении безопасности и удобства работы. Существуют и такие предложения, которые вовсе не дают экономии ни в области производства, ни в области потребления; все их значение лежит в иной плоскости, например, в усилении обороны, улучшении лечения болезней, в использовании материалов недефицитных вместо дефицитных и т. д.

Наконец, есть предложения, приносящие экономию, может быть и значительную, но при современных способах учета не поддающуюся учету.

Поэтому наше действующее право применяет для установления размеров вознаграждения изобретателей и рационализаторов различные признаки: в одних случаях оно опирается на признак достигаемой экономии, в других, частично или полностью, отступает от этого признака.

4. Инструкция 1959 года значительно усовершенствовала правила отмененной инструкции 1942 года. Прежде всего в п. 5 инструкции совершенно четко говорится об экономии при использовании продукции и решается важный для практики вопрос о том, кто в этом случае должен выплачивать вознаграждение изобретателю или рационализатору.

Инструкция возлагает эту обязанность на предприятие (организацию), изготавливающие данную продукцию. Учет получаемой экономии у множества потребителей практически неосуществим, а вместе с тем экономия потребителя есть также и повышение качества (прочности, удобства, универсальности) продукции предприятия-изготовителя.

Как и в инструкции 1942 года, в новой инструкции определение вознаграждения за технические предложения по признаку даваемой им экономии (п. 7) — это правило, а все прочие случаи (пп. 9—11) — исключения.

Когда размер вознаграждения определяется по признаку экономии, даваемой предложением, инструкция исходит из следующих позиций: размер вознаграждения зависит, во-первых, от квалификации предложения: изобретение оплачивается выше, чем рационализаторское предложение.

Во-вторых, размер вознаграждения зависит от суммы годовой экономии, даваемой применением предложения. Соотношение между суммой экономии и суммой вознаграждения дано в шкале п. 7 инструкции в виде твердых сумм, соединяемых с процентными ставками. Чем больше экономия в рублях, даваемая предложением, тем ниже процентная ставка вознаграждения, твердая же ставка при этом постепенно возрастает. Так, при экономии, даваемой изобретением в размере от 50 тыс. до 100 тыс. руб. в год, вознаграждение изобретателю выплачивается в размере 6% от суммы экономии плюс 2500 руб. При экономии от 100 тыс. до 250 тыс. руб. в год вознаграждение выплачивается в размере 5%, но при этом твердая сумма, присоединяемая к процентному результату, повышается до 3500 руб.

Кроме того, инструкция устанавливает абсолютные пределы вознаграждения по каждому виду предложений — минимум и максимум.

Вознаграждение за изобретение не может быть менее 200 руб. и более 200 тыс. руб.; за рационализаторские предложения — менее 100 руб. и более 50 тыс. руб.

В определении размера экономии, приносимой реализацией предложения, инструкция 1942 года исходила из экономии, «получаемой в течение 12 месяцев с начала ...промышленного применения предложения» (п. 26).

Этот порядок сохранил свою силу и при действии новой инструкции 1959 года. Однако п. 8 и следующие инструкции 1959 года «О вознаграждении за открытия, изобретения и рационализаторские предложения» не касаются вопросов определения годовой экономии, подсчета ее в различных случаях. Эти вопросы разрешены особой инструкцией по подсчету экономии от применения предложений. Ее утвердил Комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР по согласованию с Госпланом СССР, Министерством финансов СССР и ВЦСПС (22 декабря 1959 года)¹.

Инструкция по подсчету экономии имеет три части: в первой изложены правила подсчета экономии; во второй дана методика подсчета; в третьей приведены примеры, облегчающие применение норм предшествующих частей.

Инструкция по подсчету экономии воспроизводит в п. 2 правило п. 16 инструкции о вознаграждении, определяющего сроки выплаты вознаграждения изобретателям и рационализаторам.

¹ Инструкция по подсчету экономии от внедрения изобретений и рационализаторских предложений 22 декабря 1959 г., Информационно-издательский отдел Комитета по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР, М., 1959.

Именно вознаграждение в размере до 2000 руб. должно быть выплачено в месячный срок со дня утверждения плана внедрения предложения. Если же вознаграждение превышает 2000 руб., то 25% его (но не менее 2000 руб.) выплачивается в указанный месячный срок, а остальная часть — по фактическому объему внедрения предложения, но не позднее двух месяцев после окончания первого года использования данного предложения.

В основу исчисления экономии кладется первый расчетный год (12 месяцев) использования технического предложения. От этого расчетного периода сделаны отступления для тех случаев, в которых предложение имеет лишь краткосрочное применение (например, на сезон, на выполнение одного заказа), а также для тех случаев, в которых использование предложения начинается не с начала года (п. 10).

Расчетный год (12 месяцев) идет «с начала фактического внедрения предложения» — непосредственно в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве и т. п. Момент внедрения весьма важен, поэтому инструкция требует документального его установления — актом, протоколом. Дело в том, что периоду «заводского» использования предложения всегда предшествуют предварительные периоды, в течение которых предложение применяется, но только с целью его проверки, опробывания, опыта, проектирования, конструкторской разработки, научного исследования и т. п.

Периоды не «заводского», а специального использования предложения инструкция не учитывает при подсчете экономии, даваемой предложением. Предварительные периоды, конечно, не могут дать даже относительно правильной картины экономического эффекта предложения. Естественным исключением из этого общего положения является правило, изложенное в п. 3 ч. 3 инструкции — там речь идет о предложениях, направленных на улучшение самого процесса работы проектной, конструкторской или научно-исследовательской организации.

Весьма важное значение имеет установление инструкцией обязательного срока, в течение которого должен быть определен размер экономии, даваемой предложением (п. 4). Этот срок — 20 дней со дня утверждения плана внедрения предложения. Значение рассматриваемой нормы для изобретателей и рационализаторов в том, что она косвенно определяет и время выплаты им вознаграждения. Правило п. 4 приобрело бы еще большее значение, если бы оно содержало в себе указание и на второй календарный срок — в течение которого предприятия или организации, принявшие предложение обязаны утвердить план внедрения, считая от даты принятия предложения.

Экономия, определенная за первый расчетный год, служит основанием для определения и выплаты вознаграждения. Впоследствии экономия может быть перерасчитана только в случае увеличения ее в последующие годы использования — по изобретениям — в течение последующих четырех лет, а по рационализаторским предложениям — за второй год их использования. В результате такого перерасчета экономии автору изобретательского или рационализаторского предложения производится доплата к ранее определенному вознаграждению (п. 15, ч. 4).

Размер экономии, даваемой использованием предложения, определяется не суммарно, а по элементам и статьям затрат, которые зависят от внедрения предложения.

Вообще говоря, экономия понимается в инструкции как разница между нормой затрат, действовавшей на предприятии (или в организации) до внедрения предложения, и нормой затрат, которая установлена для того же предприятия (или для той же организации) с учетом применения этого предложения. Однако норму, установленную с учетом внедрения предложения, приходится сопоставлять с фактическими затратами предприятия, когда до внедрения предложения предприятие (или организация) добилось более экономичного результата в сравнении с утвержденной для него нормой: нельзя приписать техническому предложению тот результат, которого предприятие добилось независимо от этого предложения.

Экономия от использования технического предложения может создаваться не только при изготовлении продукции, но и при эксплуатации этой продукции. Иногда оказывается, что внедренное предложение приносит экономию в стадии производства или только в стадии использования, либо в обеих стадиях одновременно.

Инструкция содержит для таких случаев правило о суммировании производственной экономии с экономией эксплуатационной, а также правило об уменьшении экономии, если в одной из стадий получается повышение затрат (п. 14). Аналогичное правило о зачете и суммировании имеется и для тех случаев, когда на одном производственном участке или предприятии применение предложения приводит к экономии, а на других — не только к экономии, но и к повышению затрат (п. 12).

В определении организации, которая обязана произвести подсчет экономии, инструкция по подсчету экономии исходит из нормы Положения от 24 апреля 1959 г. и из п. 4 инструкции о вознаграждении: подсчет экономии должно производить то предприятие или та организация, на которую возложена выплата

та вознаграждения. Это относится и к производственной экономике и к экономике эксплуатационной (пп. 7, 8).

5. Инструкция допускает несколько исключений из правила п. 7 об определении вознаграждения по признаку экономии.

Первое исключение дано в п. 9 инструкции. Если предложение не создает экономии, но его значение заключается в улучшении качества продукции, условий труда, техники безопасности и т. д., то размер вознаграждения определяется руководителем предприятия, внедрившего изобретение или рационализаторское предложение «в соответствии с действительной ценностью предложения», но не ниже минимальных и не выше максимальных сумм, предусмотренных в п. 7 инструкции. Эта формулировка не лишена недостатков. Прежде всего п. 9 инструкции не уточняет, чем должно руководствоваться при определении «действительной ценности предложения». Далее, п. 9 инструкции говорит лишь о том случае, когда предложение вовсе не дает экономии, но не касается тех многочисленных случаев, в которых наряду с экономией налицо другой более существенный результат от применения предложения. Эти вопросы возникали и при действии предыдущей инструкции 1942 г.¹ Напротив, инструкция 1931 года предусматривала упомянутый нами «смешанный» случай, когда, несмотря на экономию, даваемую предложением, основной эффект предложения, основная его польза, состоит не в экономии².

Второе исключение из правила об определении размера вознаграждения по признаку экономии, даваемой предложением, изложено в п. 10 инструкции. Здесь речь идет об изобретениях, которые открывают новые отрасли производства или создают новые виды ценных материалов, машин или изделий и лечебных средств.

В отношении таких изобретений инструкция в п. 10 предлагает повышать размер вознаграждения против установленного по шкале п. 7 не более чем в два раза и при этом не свыше максимальных сумм, определенных в п. 7.

¹ В. Н. Бакастов справедливо отмечал, что «предположение об отсутствии экономии является в большей мере условным», поскольку то, что сказано в п. 11 инструкции, дает экономию в народном хозяйстве («Изобретательство в СССР» 1957 г. № 4).

² Статья 5 инструкции 1931 года страдала другим недостатком: она предлагала определять вознаграждение за предложения, не дающие экономии или дающие несущественную экономию, приравнивая их к предложениям, дающим известную сумму экономии. Разумеется, что это приравнение было чисто искусственным приемом, не облегчавшим определение размера вознаграждения.

О третьем исключении из общего правила п. 7 инструкции говорит п. 11 инструкции. По предложениям, которые не могут быть реализованы в народном хозяйстве в массовом масштабе, а используются в небольших размерах или в порядке индивидуального выпуска продукции, «допускается повышение вознаграждения до 300% против установленного по шкале п. 7 инструкции».

Правило о максимуме вознаграждения применяется и в этом случае.

6. Инструкция ставит размер вознаграждения изобретателя или рационализатора в зависимость также от «степени завершенности изобретения или технического усовершенствования» (п. 12). Вознаграждение автору предложения повышается против нормального соответственно до 10, 20 и 30%, если одновременно с предложением представлены технический проект, рабочие чертежи, модели.

По существу норма инструкции (п. 12) рассматривает не вопрос о повышении вознаграждения изобретателя или рационализатора за их творческую работу, а о возмещении расходов на техническую работу (на составление технического проекта, рабочих чертежей, изготовление модели), о возмещении действительных расходов, понесенных автором предложения, поскольку они не превышают определенных пределов.

Социалистическая организация не должна возмещать расходы на технические работы (даже действительные расходы) в произвольном размере. Поэтому не может быть приведено убедительных возражений против самого установления предела возмещения таких расходов. Однако расходы, произведенные на изготовление проекта, чертежа, модели, не являются элементом вознаграждения изобретателя или рационализатора. Поэтому вызывает сомнение исчисление пределов расходов, принимаемых на себя госорганом, в виде процентных ставок от вознаграждения исчисленного автору предложения. Представляется более правильным возмещать расходы на технические работы в соответствии со стоимостью соответствующих технических (проектных или модельных) работ в наших проектных организациях. Возможно, что следует воспользоваться при этом некоторым поправочным коэффициентом.

Инструкция 1959 года устанавливает, что вознаграждение за использование изобретения или рационализаторского предложения выплачивается автору «независимо от того, относится ли это предложение к участку его работы» (п. 18)¹.

¹ В инструкциях 1931 и 1942 гг. это правило распространялось только на изобретения.

Это новое правило представляется вполне обоснованным: в большинстве случаев работник дает полезные новаторские предложения именно по тому участку работы, за которым постоянно наблюдает, функции которого чаще и глубже продумывает. Ограничение права на вознаграждение за новаторские предложения, связанные со своим участком работы, противоречит принципу материальной заинтересованности работника результатами его работы.

В п. 18 инструкции 1959 года учтены критические замечания и пожелания изобретателей¹.

Не лишая права руководящих работников на вознаграждение за использование их рационализаторских предложений, инструкция (п. 18, ч. 2) ставит выдачу такого вознаграждения под особый контроль.

Если руководящий работник сделал рационализаторское предложение, относящееся непосредственно к участку своей работы, то выплата вознаграждения может последовать лишь по распоряжению вышестоящего органа. Это относится к руководителям предприятий, трестов, комбинатов, главных и отраслевых управлений, главным инженерам, главным технологом, главным металлургам, главным механикам, главным энергетикам, главным конструкторам всех отраслей промышленности, транспорта, сельского хозяйства, торговли, строительства, а также и к заместителям этих лиц.

Выплата же вознаграждения за использование рационализаторских предложений, сделанных начальниками цехов, бюро и отделов предприятий и их заместителями, производится по распоряжению руководителя предприятия.

7. К вопросу о вознаграждении изобретателей и новаторов за их творческий труд примыкают вопросы: а) о премировании других лиц за содействие внедрению изобретений, рационализаторских предложений; б) о премировании за инициативу в переносе чужого опыта на свое производство.

Премированию за внедрение предложений посвящены пп. 23—25 инструкции.

Премирование за содействие внедрению предложений производится руководителем соответствующего предприятия, организации, министерства, ведомства, совнархоза, исполкомом Совета депутатов трудящихся.

Инструкция 1959 года и в другом отношении более совершенна, чем прежняя инструкция: руководитель обязан решать вопросы премирования с участием профсоюзных органов.

¹ См., например, Ч. Х. Быкин, Инструкция не отвечает задачам технического прогресса, «Изобретательство в СССР» 1956 г. № 3.

Премирование руководящих работников поставлено под особый контроль: премии директорам и главным инженерам предприятий, руководителям научно-исследовательских учреждений, конструкторских, проектных и других организаций и их заместителям может производиться лишь с разрешения руководителя соответствующей вышестоящей организации.

Выплата премии за содействие внедрению изобретений и рационализаторских предложений не может производиться ранее, чем выплачено вознаграждение изобретателю или рационализатору, а размер премии отдельного работника не должен превышать его полуторамесячного оклада (тарифной ставки).

Новая инструкция расширяет материальную базу премирования. В п. 22 инструкции 1942 года определялся размер фонда премирования в 25% от суммы вознаграждения изобретателя или другого новатора. Позднее этот процент был снижен до 11,25%¹.

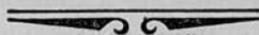
Инструкция 1959 года (п. 25) предлагает образовывать на предприятии, в организации фонд премирования в размере 35% от суммы вознаграждения, выплаченного изобретателям и рационализаторам. Как и ранее, этот фонд образуется не за счет уменьшения изобретательского вознаграждения, а за счет тех источников, из которых выдается вознаграждение изобретателю или рационализатору.

Новая инструкция в п. 26 предусматривает также премирование за проявленную инициативу в использовании в порядке обмена опытом изобретений и рационализаторских предложений, внедренных на другом предприятии или опубликованных в литературе. Эта та деятельность, которую в нашей литературе по изобретательству называют «переносом опыта». Ранее, в инструкции 1931 года (п. 11), премирование за перенос опыта тоже предусматривалось, однако премия определялась как вознаграждение за технические и организационные усовершенствования, но со скидкой до 75%. Инструкция 1942 года совсем исключила вопрос о премировании за перенос опыта.

Предусмотрев премирование по этому основанию, инструкция 1959 года не определяет, однако, в каких пределах должно производиться премирование, и лишь указывает, что премии вы-

¹ В литературе это вызвало справедливую критику. См. В. М. Готлобер и Э. Л. Пысин, Насущные вопросы развития рационализаторского движения в Свердловской области («Изобретательство в СССР» 1957 г. № 2, стр. 40); А. Ф. Гармашев, 40 лет советского изобретательства («Изобретательство в СССР» 1957 г. № 11, стр. 8) и др.

плачиваются из средств, выделяемых на изобретательство и рационализацию. Включение этого основания премирования нужно приветствовать и, конечно, нецелесообразно было повторять правило 1931 года, поскольку речь идет здесь не о самостоятельной творческой деятельности, а о переносе чужих идей, хотя бы и весьма полезном. Однако определение известного предела премирования (минимум и максимум) в этом случае было бы удобнее для практики.

СПбГУ

Глава VI

ЗАЩИТА ПРАВ ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ И РАЦИОНАЛИЗАТОРОВ

§ 1. Общие положения

1. Закон защищает субъективное право изобретателя на его изобретение, рационализатора — на его рационализаторское предложение (п. 1 Положения). Защищается именно субъективное право, и потому нельзя согласиться с тем, будто защищается не право изобретателя, рационализатора, а непосредственно сам объект, «мероприятие»¹.

Объем защиты права на изобретение зависит от того, применяется ли к данному изобретению правовой режим авторского свидетельства или режим патента.

Важным для теории и практики защиты изобретательского права является вопрос о порядке, в каком защищается право изобретателя. В одних случаях применяется судебный порядок защиты, в других возможна только административно-правовая защита. Тот или другой порядок защиты закон избирает в зависимости от того, какое право изобретателя нарушено и в чем нарушение этого права состоит.

Нормативные акты (ст. 177 УК РСФСР, ст. 126² УК УССР и соответствующие нормы УК других союзных республик) предусматривают в известных случаях также и уголовно-правовую защиту изобретательского правоотношения от преступных посягательств².

2. Общий принцип советского права — «споры о праве гражданском разрешаются в судебном порядке» (ст. 2 ГК) — должен применяться к тем случаям, когда предметом спора является субъективное гражданское право изобретателя. Изъятия

¹ См. Н. А. Райгородский, Изобретательское право СССР, Госюриздат, 1949, стр. 249, 251. Этой терминологии уже нет в позднейшей работе Н. А. Райгородского «Судебная охрана прав изобретателя» («Социалистическая законность» 1956 г. № 8, стр. 6 и сл.).

² См. § 3 п. 2 настоящей главы.

из этого общего правила возможны только в тех случаях, когда закон прямо устанавливает иной порядок разрешения спора.

Однако в административных правоотношениях защита субъективных прав участников этих правоотношений, как правило, осуществляется в административном же порядке, а не в судебном. Не учитывая этого, некоторые авторы делают ошибочный вывод о необходимости судебной защиты права изобретателя там, где право это составляет содержание не гражданского, а административного правоотношения¹.

Сопоставляя нормы Положения от 24 апреля 1959 г. и инструкции к нему о вознаграждении изобретателей и рационализаторов с нормами прежнего Положения и инструкции 1941 и 1942 гг., нужно отметить существенные изменения, касающиеся порядка защиты прав изобретателей и рационализаторов. Во-первых, значительно расширилась судебная защита их прав. Соответственно сузилось применение исключительно административного порядка разрешения споров. Нормативные акты 1959 года в ряде случаев ввели конфликтный порядок урегулирования споров, связанных с изобретательством, опирающийся на активное участие профсоюзной общественности. Такой порядок напоминает производство конфликтных комиссий на предприятиях «по рассмотрению споров о размере и порядке выплаты вознаграждения за технические и организационные предложения», существовавший на основе Закона об изобретениях и технических усовершенствованиях 1931 года².

Изменения порядка защиты прав изобретателей и рационализаторов, осуществленные в 1959 году, полностью соответствуют директивам Партии и Правительства о соблюдении строжайшей законности, о роли общественных организаций в управлении, о децентрализации управления в духе демократического централизма.

Судебный порядок повышает гарантию охраны прав изобретателей и рационализаторов; разрешение споров в конфликтном порядке с участием местных комитетов профессиональных союзов приближает рассмотрение конфликтов к месту работы изобретателя или рационализатора и повышает значение профсоюзных органов в развитии новаторского движения.

¹ См., например, Н. А. Райгородский, Судебная охрана прав изобретателя («Социалистическая законность» 1956 г. № 8, стр. 9); его же, Права и льготы изобретателя и рационализатора, Л., 1957, стр. 13, 31, 38.

² См. Положение о конфликтных комиссиях на предприятиях от 19 ноября 1932 г. «Вестник Комитета по изобретательству при СТО» 1932 г. № 10, постановление этого же Комитета от 28 июля 1934 г. («Вестник Комитета по изобретательству при СТО» № 5/6 от 31 мая — 30 июля 1934 г.) и др.

§ 2. Административный порядок защиты прав изобретателей и рационализаторов

1. Споры о выдаче авторского свидетельства (или патента) ввиду отсутствия в предложении существенной новизны разрешаются в административном порядке. Жалоба в таких случаях должна быть подана в Комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР. Решение Комитета является окончательным (п. 45 Положения)¹.

Право на принесение жалобы имеет любое лицо: государственная, кооперативная или общественная организация или гражданин. При этом не ставится условие, чтобы приносящий жалобу имел какой-либо юридический или экономический интерес в ее удовлетворении (п. 44 Положения). Широкий круг лиц, имеющих право оспаривать авторское свидетельство в таких случаях, объясняется тем, что наше государство и все общество весьма заинтересованы в истинности признания какого-либо лица изобретателем, в том, что получивший авторское свидетельство действительно дал существенно новое решение технической проблемы.

С этой точки зрения трудно объяснить, почему п. 44 Положения сохраняет по-прежнему сокращенный годичный срок на оспаривание авторского свидетельства за отсутствием в предложении новизны².

¹ Это правило Положения 1959 года воспроизводит правило Положения 1941 года (ст. 38). — споры о новизне предложения неподведомственны судебным органам. В судебной практике эта линия последовательно проводится. Отдельные допущенные ошибки исправляются вышестоящими судебными инстанциями. По иску Л. к Д. об аннулировании авторского свидетельства Московский городской суд 27 ноября 1957 г. рассмотрел спор по существу и отказал в иске. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР определением от 6 января 1958 г. прекратила дело производством, указав: «Как усматривается из материалов дела, Л. оспаривает задачу авторского свидетельства Д. по тем основаниям, что предложенное Д. изобретение не отличается новизной и по существу повторяет его, Л., изобретение. Согласно ст. 38 Положения... споры по поводу отсутствия новизны окончательно разрешаются в административном, а не в судебном порядке. Дело по иску Т-к к Т-б, рассмотренное по существу в нескольких инстанциях, было прекращено производством только Пленумом Верховного Суда СССР по протесту Председателя Верховного Суда СССР (постановление от 18 января 1957 г.), истец по делу утверждал, что он не оспаривает авторства ответчика, признает, что они (истец и ответчик), работая параллельно над одной и той же темой, не обменивались технической информацией и результатами своих исследований и что ответчик самостоятельно пришел к названному изобретению. Очевидно, что предметом спора было не авторство ответчика, а новизна сделанного им предложения.

² Ст. 53 Положения об изобретениях и технических усовершенствованиях 1931 года устанавливала для этих случаев трехлетний срок. Сокращение срока до одного года было впервые дано в ст. 38 Положения 1941 года.

Весь изложенный ранее порядок оспаривания авторского свидетельства в ст. 47 Положения распространен и на патенты, с тем, однако, отличием, что выданный патент в течение срока его действия может быть оспорен и аннулирован, «если будет установлено, что он был выдан в нарушение настоящего Положения» (то есть, в частности, при отсутствии существенной новизны предложения).

Положение не предусматривает жалобы на выдачу удостоверения на принятие к использованию рационализаторского предложения за отсутствием в этом предложении относительной новизны.

При действии прежнего Положения (1941 г.) в литературе были разногласия по вопросу о порядке разрешения споров, возникающих в связи с квалификацией предложений, не имеющих существенной новизны (технических усовершенствований и рационализаторских предложений)¹. В настоящее время, после принятия Положения 1959 года, признается лишь один объект изобретательского права, не обладающий существенной новизной — рационализаторское предложение — и нет надобности проводить разграничение его с техническим усовершенствованием.

В каком, однако, порядке должны разрешаться споры о принятии технического предложения и споры о невыдаче удостоверения на принятое предложение?

Оба эти вопроса получили ясное разрешение в Положении 1959 года, которое в п. 55, ч. 2, предусматривает рассмотрение жалоб рационализаторов на отклонение их предложений руководителем предприятия (организации) совместно с фабричным, заводским, местным комитетом профессионального союза. Жалобы рационализаторов, работающих на данном предприятии, рассматриваются в присутствии самих рационализаторов.

В п. 57 Положения допускается обжалование решений, вынесенных руководителем предприятия (организации) совместно с органом профсоюза в вышестоящую организацию вплоть до министерства (ведомства), совнархоза, исполнительного комитета областного (краевого) Совета депутатов трудящихся или кооперативного центра (в том случае, когда рационализатор представил свое предложение кооперативному предприятию).

¹ Н. Райгородский полагал, что порядок этот может быть судебным (см. «Изобретательское право СССР», Госюриздат, 1949, стр. 250; «Судебная охрана прав изобретателя», «Социалистическая законность» 1956 г. № 8; «Серьезные ошибки в обобщении судебной практики по делам об изобретательстве», «Социалистическая законность» 1958 г. № 1); Б. С. Антимонов и Е. А. Флейшиц считали, что по Положению 1941 года в этом случае порядок разрешения споров мог быть только административным («Советское государство и право» 1957 г. № 2).

Эти жалобы подлежат разрешению в месячный срок со дня их поступления.

Решение по такой жалобе, принятое министром (руководителем ведомства) или его заместителями, советом народного хозяйства административного района, исполнительным комитетом областного (краевого) Совета депутатов трудящихся, является окончательным.

Принципиальная позиция, занятая в этом вопросе Положением 1941 года, таким образом, сохранена, правда, с той существенной поправкой, что жалобы рационализаторов должны теперь разрешаться с участием профсоюзных органов.

2. Нормы п. 7 Положения не распространяются: а) на предложения «по улучшению организации и управления хозяйства», б) на предложения (кроме предложений изобретений) инженерно-технических работников научно-исследовательских, проектных и конструкторских организаций, «относящиеся к разрабатываемым в порядке выполнения служебного задания проектам, конструкциям и технологическим процессам».

Таким образом, приобретают существенное значение вопросы: как в конкретном случае провести разграничение между предложением рационализаторским и предложением «организационно-управленческим»; следует ли признать предложение инженера или техника связанным с исполнением служебного задания или независимым от этого задания.

Подобные квалификационные решения являются частными в отношении к общему решению: можно ли считать предложение принятым предприятием в смысле п. 55 Положения. Поэтому к спорам о квалификации предложения, если такие возникнут, должны применяться только что рассмотренные общие правила, предусмотренные в пп. 55 и 57 Положения.

3. Отказ подлежащего органу в выдаче авторского свидетельства на изобретение (или патента на изобретение), непринятие к использованию рационализаторского предложения могут быть обжалованы только в административном порядке.

Срок на обжалование отказа в выдаче авторского свидетельства (или патента) установлен месячный; срок на обжалование отклонения рационализаторского предложения в Положении не предусмотрен.

Положение установило сроки на рассмотрение жалоб изобретателей и рационализаторов. Жалоба изобретателя должна быть рассмотрена Комитетом в месячный срок (п. 41). В тот же срок должна быть рассмотрена жалоба рационализатора на решение руководителя предприятия — вышестоящей организацией вплоть до министерства или исполкома областного Совета (п. 57).

В отношении патентов следует отметить, что жалобы на отказ в их выдаче подлежат оплате пошлиной в сумме 130 руб.¹ Жалобы же на отказ в выдаче авторских свидетельств от пошлины свободны.

4. Лицо, сделавшее заявку об изобретении (п. 41 Положения), может сделать возражения против проектируемой Комитетом формулы изобретения только в административном порядке. Возражение должно быть мотивированным и сделано в месячный срок со дня получения копии противопоставленных материалов, на основании которых изменена формулировка предмета изобретения, данная самим изобретателем. Рассмотрение возражения по формуле изобретателя должно быть закончено в месячный срок со дня подачи возражения. Эти сроки относятся и к патентному производству.

5. Не допускается выдача заявителю патента, а выдается авторское свидетельство: а) если изобретение сделано в связи с работой изобретателя в государственном, кооперативном или общественном предприятии (организации) или по его заданию; б) если изобретатель получил от государственной, кооперативной или общественной организации «денежную или иную материальную помощь... для разработки изобретения».

Каковы последствия выдачи патента вопреки этим правилам? Выданный патент в течение всего срока его действия может быть оспорен и аннулирован, если будет установлено, что он был выдан в нарушение настоящего Положения (подпункт «г» п. 47 Положения).

Обжаловать неправильные действия органа административного управления имеет право любое лицо, поскольку все граждане и организации заинтересованы в том, чтобы при осуществлении государственного управления соблюдалась законность. Этот принцип, по нашему мнению, следует применить и в данном специальном случае. Так именно решался поставленный вопрос в ст. 45 Положения 1941 года, хотя в ней указывалось, что право оспаривания патента по мотивам ст. 5 «может иметь место по инициативе заинтересованных лиц».

Что касается порядка обжалования, то нужно прийти к выводу, что оспаривание должно происходить в административном порядке, поскольку спора о праве гражданском в этом случае нет и речь идет об исправлении ошибки органа административного управления.

6. Внедрение изобретательских и рационализаторских предложений — общенародное дело. Оно осуществляется государством. Государство в лице министерств, ведомств, совнархозов, ис-

¹ См. Справочник Всесоюзной торговой палаты «О порядке патентования иностранных изобретений и регистрации иностранных товарных знаков в СССР», М., 1956, стр. 9.

полнительных комитетов Советов депутатов трудящихся руководит делом внедрения полезных предложений и обеспечивает контроль за их внедрением (пп. 22 и 23 Положения). Кооперативные центры осуществляют эти функции в своих системах. Внедрение изобретений в производство и строительство проводится при широком участии профсоюзных организаций (п. 26 Положения). Однако изобретатель и рационализатор не могут стоять в стороне от воплощения их новаторских предложений. Положение указывает, что изобретатели и рационализаторы «должны активно содействовать внедрению и дальнейшему развитию их предложений» (п. 12). Если их активная деятельность, направленная на внедрение и усовершенствование полезных для государства предложений, наталкивается на препятствия — на недооценку их предложений, на волокиту и другие недопустимые факты — новаторы могут обращаться с жалобой в соответствующие вышестоящие органы, ведающие соответствующей отраслью народного хозяйства или культуры.

Комитету предоставлено право не только издавать обязательные для министерств, ведомств, совнархозов, исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся, предприятий и организаций указания и разъяснения по применению Положения и инструкции, но также указания и разъяснения по вопросам, связанным с расходованием средств на изобретательство и рационализацию, а также с выплатой вознаграждений за открытия, изобретения и рационализаторские предложения. Указания и разъяснения, касающиеся расходования средств, должны быть согласованы с Министерством финансов СССР¹.

В своем докладе на XXI внеочередном съезде КПСС товарищ Н. С. Хрушев отметил огромные достижения наших изобретателей и рационализаторов. За девять лет (1950—1958 гг.) в народное хозяйство было внедрено около десяти миллионов изобретений и рационализаторских предложений. За последние три года экономия, полученная от внедрения этих предложений, составляла около 24 млрд. руб.²

Практика показывает, что далеко не все еще сделано для того, чтобы полностью использовать движение изобретателей и новаторов. Председатель Комитета по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР писал по этому поводу: «...Еще имеются руководители, которые передоверили это важное дело второстепенным работникам, упустили контроль за разработкой и внедрением предложений и довольствуются «уме-

¹ См. п. 1, ч. 2 и 3, постановления Совета Министров СССР от 24 апреля 1959 г. об утверждении Положения и инструкции.

² См. Н. С. Хрушев, О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, Госполитиздат, стр. 12.

ло» составленными объяснениями «причин» снижения уровня изобретательской деятельности в подведомственных им предприятиях и хозяйствах»¹. Затруднения возникают как на первом этапе, когда предложение, сделанное изобретателем или рационализатором, рассматривается на предприятии для определения его полезности, так и на следующих этапах, когда предложение включается в производственный план предприятия и начинается выпуск соответствующей продукции. Об этом свидетельствуют как сигналы, поступающие в наши органы государственного управления, так и многочисленные статьи и заметки, появляющиеся в нашей общей и специальной прессе. В статье А. Омельченко «Что мешает развитию изобретательства?»² отмечалось, например, постепенное возрастание числа нерассмотренных технических предложений.

Председатель Комитета по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР отмечал, что работа по изобретательству и рационализации в большинстве министерств и на многих предприятиях поставлена еще неудовлетворительно. Обследование свыше двухсот организаций показало, что во многих министерствах и на предприятиях нет действительного контроля за внедрением принятых предложений³. Критика вполне справедлива, если учесть, что на 1 октября 1956 г. не внедрено было в производство более 3 тыс. изобретений и свыше 400 тыс. рационализаторских предложений, признанных полезными и принятых к реализации⁴. Эти недостатки отчасти зависят от нерешительности и недостаточной компетентности органов по изобретательству на самих предприятиях. Секретарь Ленинградского обкома КПСС на Всесоюзном совещании рационализаторов, изобретателей и новаторов производства по этому поводу отмечал: «На предприятиях судостроительной промышленности рационализаторские предложения принимаются только после подтверждения их ценности 12—20 подписями»⁵. Нет оснований считать, чтобы предприятия этой системы были худшими в этом отношении.

Определенную долю вины и ответственности за волокиту с признанием предложений и с дальнейшим внедрением полезных предложений нужно отнести за счет общих недостатков существовавшего у нас излишне централизованного управления промышленностью. Оно долго было сосредоточено в руках немногих общесоюзных министерств и ведомств. И это несмотря на то, что промышленность наша развернулась необычайно и на-

¹ «Изобретательство в СССР» 1957 г. № 11, стр. 8.

² См. «Коммунист» 1956 г. № 14.

³ См. «Правда» 18 октября 1956 г.

⁴ См. там же.

⁵ См. там же.

считывает более 200 тыс. промышленных предприятий и 100 тыс. строек¹.

Необходимы были также некоторые улучшения в правовом регулировании изобретательством. Секретарь Нижне-Тагильского горкома КПСС, писал, что «Положение об изобретениях и технических усовершенствованиях», утвержденное 15 лет назад, устарело и должно быть заменено новым... что «главный недостаток его в том, что оно слабо стимулирует быстрое и широкое внедрение рационализаторских предложений. В частности, премирование за содействие реализации предложений сведено почти на нет»².

Новое Положение об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях 1959 года сделало шаг вперед в борьбе за внедрение технических предложений в народное хозяйство.

Опыт многих лет показал, что право новатора подать жалобу на волокиту и административный порядок рассмотрения жалоб не являются достаточно действенным средством для преодоления этой волокиты. Нет, конечно, хороших перспектив и для нормы, которая устанавливала бы право обращения новатора в суд. По своей природе судебные органы не приспособлены для осуществления задач повседневного хозяйственного управления.

По-видимому, решение этой трудной задачи лежит на пути дальнейшего сочетания управленческой деятельности Комитета, руководителей учреждений, предприятий и организаций и содействия им профсоюзной общественности³.

В своем выступлении на июньском Пленуме (1959 г.) ЦК КПСС председатель ВЦСПС отметил известные положительные результаты в деятельности Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов, созданного в 1958 году по решению ЦК КПСС. Это общество объединяет уже свыше 1 100 тыс. рабочих, инженеров и техников. В результате его деятельности заметно повысился процент внедрения предложений в 1958 году: на 18% более, чем в предыдущем году (в абсолютных цифрах это увеличение числа внедренных предложений достигло

¹ См. Закон о дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством от 10 мая 1957 г.

² «Правда» 4 октября 1956 г.

³ В период существования пользовавшихся широкими полномочиями «конфликтных комиссий по рассмотрению споров о размере и порядке выплаты вознаграждения за технические и организационные предложения» («Вестник Комитета по изобретательству при СТО» 1932 г. № 10) вопросы о полезности или нецелесообразности внедрения предложений и о планах внедрения были прямо изъяты из ведения этих комиссий (см. постановление Комитета по изобретательству при СТО от 28 июля 1934 г., ст. 8, пп. «а» и «б» — «Вестник Комитета» 1931 г. № 5; 1930 г. № 6; 1934 г. № 5—6).

279 тыс.). Вместе с тем были высказаны критические замечания по адресу Комитета, который все еще мало уделяет внимания вопросам внедрения изобретений и рационализаторских предложений¹.

Многие ошибки, отмеченные нами, уже устранены. Но нельзя все же считать, что волокита в вопросах внедрения технических предложений отошла в прошлое. Об этом справедливо говорилось на I съезде Всесоюзного общества изобретателей, происходившем в сентябре 1959 года в Москве.

Дальнейшее развитие массового движения изобретателей и рационализаторов характеризуется как повышением общего числа предложений, так и значительным ростом числа внедренных предложений.

В сообщении Центрального статистического управления при Совете Министров СССР «Об итогах выполнения плана промышленности СССР за III квартал и девять месяцев 1959 года» приведены цифры, характеризующие дальнейший рост массового изобретательского и рационализаторского движения. За девять месяцев 1959 года более 1 700 тыс. изобретателей и рационализаторов во всех отраслях народного хозяйства внесли свыше 2 млн. предложений, а внедрено в народное хозяйство более 1 400 тыс. изобретений и рационализаторских предложений. Эта творческая работа изобретателей и рационализаторов дала более 7 млн. руб. экономии (в расчете на год)².

§ 3. Судебный порядок защиты прав изобретателей и рационализаторов

I. К судебному порядку разрешения споров, связанных с изобретательством, Положение 1959 года относит:

а) Споры об авторстве и о соавторстве на изобретения разрешаются судом (п. 46 Положения). В судебном же порядке должны рассматриваться споры об авторстве и о соавторстве на рационализаторские предложения. Спор об авторстве может быть заявлен любым лицом, то есть государственной, кооперативной или общественной организацией, либо гражданином независимо от того, имеет ли это лицо юридический или экономический интерес.

Что касается изобретений, то Положение предусматривает два случая: а) когда спор об авторстве или соавторстве возбужден в суде до выдачи авторского свидетельства (патента); б) когда такой спор возбужден в суде после выдачи авторского свидетельства (патента).

¹ См. «Правда» 27 июня 1959 г.

² См. «Правда» 15 октября 1959 г.

В первом случае Комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР задерживает выдачу авторского свидетельства (патента) до разрешения спора об авторстве или соавторстве судом.

Во втором случае Комитет по получению решения суда об объявлении авторского свидетельства (патента) недействительным погашает ранее выданное авторское свидетельство (или патент) и выдает в соответствии с решением суда новое авторское свидетельство (патент) с приоритетом со дня подачи первоначальной заявки лицу, признанному судом действительным изобретателем. В Бюллетене изобретений производится публикация как о признании судом недействительным ранее выданного авторского свидетельства (патента), так и о выдаче нового авторского свидетельства (патента) в соответствии с решением суда¹.

Спор об авторстве на изобретение, на которое выдано авторское свидетельство, может быть возбужден в суде до истечения одного года со дня публикации о выдаче авторского свидетельства (а в тех случаях, когда публикация не производилась — в течение одного года со дня внесения изобретения в реестр изобретений СССР). Что касается патентов, то указанный срок не применяется: патент может быть оспорен и по рассматриваемому основанию в течение всего срока его действия.

В отношении рационализаторских предложений Положение (в п. 56) предусматривает лишь рассмотрение споров о приоритете, о первенстве заявки на данном предприятии (в организации). Первенство признается за лицом, первым внесшим предложение. Обращение в суд по этому вопросу возможно в тех случаях, «когда возникшие споры о первенстве не разрешены на предприятии по месту внедрения».

Положение не упоминает о спорах о соавторстве в отношении рационализаторских предложений и о спорах, которые мо-

¹ Положение 1959 года в этом отношении не изменило принципа ст. 38 прежнего Положения 1941 года. Судебная практика последовательно признавала и признает споры об авторстве подведомственными суду. По иску С. к институту о признании авторства на изобретение, заявки на которую сделаны были как самой С., так и лабораторией института, Московский городской суд дело производством прекратил за неподведомственность ввиду того, что истица С. не имеет еще авторского свидетельства по своей заявке, а «авторство устанавливается в административном, а не в судебном порядке» (определение от 17 января 1958 г.), Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда СССР отменила определение о прекращении дела и в определении от 23 февраля 1958 г. указала, во-первых, на то, что спор идет между истцом и ответчиком об авторстве, а во-вторых, что именно ввиду возникновения спора об авторстве производство о выдаче авторского свидетельства приостановлено (на основании ст. 39 Положения 1941 г.).

гут возникнуть в тех случаях, когда два или несколько рационализаторов одновременно внесли одинаковые предложения на данное предприятие. По общему смыслу п. 56 Положения нужно прийти к выводу, что споры этих категорий должны рассматриваться в судебном порядке, если их не удалось разрешить на предприятии.

Ответчиком по спорам об авторстве на изобретение или рационализаторское предложение должен быть тот, чье субъективное изобретательское право вовсе отрицается либо, по крайней мере, ограничивается требованием о признании соавторства.

Споры об авторстве (и о соавторстве) на рационализаторские предложения встречаются в практике судов чаще, чем споры об авторстве или соавторстве на изобретения. В судебной практике обнаруживаются лишь изредка ошибки в определении подведомственности таких споров и чаще всего тогда, когда спор идет об авторстве на рационализаторское предложение.

Так, в 1954 году один из народных судов Заельцевского района г. Новосибирска отказал шлифовщику завода П. в приеме искового заявления о признании его автором рационализаторского предложения ввиду «неподведомственности спора суду». Ошибка была исправлена Новосибирским областным судом.

Такие дела имеют большое общественное значение, особенно когда под фабулой спора об авторстве скрывается «перехват» новаторских мыслей рабочих работниками администрации предприятия.

Таково, например, дело по спору об авторстве между рабочим картонажной фабрики Д. и инженером С. Инженер С. в беседе с рабочим узнал его идею и оформил рационализаторское предложение на свое имя (решение народного суда Кировского р-на Москвы, 1956 г.); дело по иску мастера тракторного завода В. и слесаря А. к начальнику пролета об авторстве; здесь начальник пролета воспользовался для «перехвата» идеи болезнью новатора (решение народного суда г. Рубцовска Алтайского края, 1956 г.); в деле по иску мастера цеха автозавода гр-на К. к старшему технологу того же завода гр-ну Ю. — предложение К. было отвергнуто в 1952 году, а потом в 1955 году было извлечено из архива и принято уже от имени старшего технолога (решение народного суда Пролетарского р-на г. Москвы, 1956 г.).

б) В судебном порядке должны разрешаться споры о размерах, порядке начисления и о сроках выплаты вознаграждения за изобретения и рационализаторские предложения (п. 19 Положения).

Положение 1959 года существенно отличается в этой норме от Положения 1941 года. Во-первых, судебный порядок разре-

шения споров распространен на споры о размерах вознаграждения. Положение 1941 года (ст. 24) относилось к компетенции судов лишь разрешение споров о порядке и сроках выплаты вознаграждения. Во-вторых, Положение 1959 года устанавливает досудебный порядок рассмотрения споров о размерах, порядке и сроках выплаты вознаграждения. Жалобы рационализаторов должны сначала направляться руководителю предприятия, которому представлено рационализаторское предложение. Руководитель предприятия обязан рассмотреть жалобу совместно с фабричным, заводским, местным комитетом профессионального союза.

Если рационализатор несогласен с решением, принятым по его жалобе администрацией совместно с фабричным, заводским или местным комитетом, он может в месячный срок обжаловать это решение руководителю вышестоящей организации.

Споры о размерах, порядке начисления, сроках выплаты вознаграждения за изобретения должны разрешаться (в месячный срок) руководителем вышестоящей организации.

Если изобретатель или рационализатор не согласится с решением, принятым по жалобе руководителем вышестоящей организации, он может обратиться в суд (по месту нахождения того предприятия (организации), которое обязано выплатить вознаграждение).

2. Уголовноправовая защита изобретательских правоотношений.

Пункты 17 и 18 Положения посвящены вопросам ответственности за нарушение общественных отношений, охраняемых изобретательским правом.

В п. 17 говорится о таких правонарушениях, которые одновременно являются нарушением субъективных гражданских прав изобретателей и рационализаторов, а именно: а) о присвоении чужого авторства; б) о принуждении к соавторству; в) о включении в число соавторов лиц, не принимавших участия в творческой работе над изобретением или рационализаторским предложением; г) о разглашении сущности изобретения или рационализаторского предложения до подачи заявки, без согласия автора.

Не уточняя конкретных последствий каждого из перечисленных правонарушений, п. 17 Положения в обобщенной форме устанавливает, что эти нарушения «влекут за собою ответственность в соответствии с законодательством союзных республик».

Мы не касаемся здесь снова гражданскоправовой защиты имущественных и личных неимущественных прав изобретателей и рационализаторов, поскольку этот вопрос затрагивался ранее (требования о возмещении имущественного вреда и иски о признании нарушенным личного неимущественного права).

Гражданскоправовая ответственность может соединяться с уголовноправовой ответственностью, но на практике она чаще существует независимо от уголовноправовой ответственности. Каждое нарушение субъективного гражданского права изобретателя или рационализатора влечет за собой гражданскую ответственность правонарушителя; уголовная же ответственность возникает только в том случае, когда лицо умышленно или по неосторожности совершило общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом (ст. 3 Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик 1958 года)¹.

За отсутствием уголовноправовых норм СССР, карающих за нарушение изобретательских отношений, охраняемых законом, нужно обратиться к законодательству союзных республик, к их уголовным кодексам. Отметим, что уголовные кодексы союзных республик содержат далеко не одинаковые нормы, относящиеся к исследуемому вопросу.

Для удобства сравнения мы расположили соответствующие нормы уголовных кодексов союзных республик по группам:

1) уголовным кодексам РСФСР, Казахской ССР, Киргизской ССР², Литовской ССР, Латвийской ССР, Эстонской ССР известен только узкий состав преступлений в отношении изобретательства: «оглашение изобретения до заявки без согласия изобретателя» (ст. 177 УК). Наказание за совершение такого преступления установлено в виде исправительно-трудовых работ на срок до трех месяцев или штраф до 1000 руб.

Статья 177 УК РСФСР предусматривает и другой состав преступления: «самовольное использование литературных, музыкальных и иных художественных и научных произведений с нарушением закона об авторском праве». Но этот состав не охватывает самовольного использования изобретений и рационализаторских предложений, поскольку в таком случае нарушаются другой объект и другая норма, не Положение об изобретениях и рационализаторских предложениях, а закон об авторском праве. Применение же уголовного закона по аналогии Основами уголовного законодательства СССР и союзных республик 1958 года не допускается. Общественные отношения, охраняемые изобретательским правом, имеют во всяком случае не меньшее общественное значение, чем общественные отношения, охраняемые авторским правом. Поэтому в будущем уголовноправовом законодательстве было бы целесообразно также

¹ «Ведомости Верховного Совета СССР» 1959 г. № 1.

² Казахская ССР и Киргизская ССР после преобразования их в союзные республики из автономных сохранили в действии на своей территории УК РСФСР. Литовская, Латвийская и Эстонская ССР временно применяют УК РСФСР в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 ноября 1940 г.

и изобретательские отношения поставить под защиту уголовной нормы от посягательств правонарушителей. При этом вместо недостаточно четкой формулировки ст. 177 УК было бы желательнее воспроизвести в будущей норме те случаи нарушения изобретательского права, которые упомянуты в п. 17 Положения 1959 года.

II. В уголовных кодексах Украинской ССР, а также в Молдавской ССР¹ (в ст. 126)² дана, напротив, широкая формулировка: в уголовном порядке наказывается «нарушение правил, установленных Положением об изобретениях и технических усовершенствованиях». В то время как в РСФСР норма, карающая за нарушение в области изобретательского права, помещена в разделе об имущественных преступлениях, в УК УССР она дана в главе V — о хозяйственных преступлениях. Наказание установлено в виде исправительно-трудовых работ до шести месяцев или штрафа до 1000 руб.

Формулировка состава преступления в УК УССР имеет то преимущество, что она распространяет уголовноправовую защиту на всю область изобретательского права. Но неясность границы, отделяющей случаи уголовной ответственности от случаев иной ответственности (гражданской, дисциплинарной), налицо и в ст. 128² УК УССР. Поэтому и эту норму следовало бы конкретизировать в соответствии с п. 17 Положения.

III. Третью группу составляют уголовные кодексы Белорусской ССР (ст. 263), Армянской ССР (ст. 208), Туркменской ССР (ст. 109) и Таджикской ССР (ст. 264). В своей диспозиции эти нормы совпадают между собой, а в санкциях отличаются друг от друга несущественно.

В БССР, Армянской ССР и Туркменской ССР состав преступления определен как «самовольное пользование изобретением с нарушением правил, установленных в законах о патентах на изобретение...». Воспроизводя эту формулировку, УК Таджикской ССР добавляет еще указание на цель совершения преступления: «из корыстных или иных видов». Но очевидно, что такое добавление уточнения не вносит, поскольку не только корыстные, но и всякие иные мотивы не исключают наказуемости указанных деяний. Следовательно, для применения уголовного наказания как будто достаточно любого виновного самовольного пользования изобретением, сопряженного с нарушением действующих правил. Помимо этого, термин «правила о патентах на изобретения», примененный в ст. 263 УК БССР и в других сходных с ней нормах, устарел, поскольку с 1931 года

¹ В Молдавской ССР действует УК Украинской ССР в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 декабря 1940 г.

² В ред. 25 мая 1931 г. (СЗ СССР 1931 г. № 9, ст. 156).

режим авторского свидетельства решительно преобладает у нас над режимом патента.

Санкции соответствующих норм в этой группе уголовных кодексов союзных республик весьма сходны между собой. УК БССР (ст. 263) устанавливает в качестве наказания только штраф (до 1000 руб.). Другие уголовные кодексы этой группы устанавливают такой же штраф, но допускают также и исправительно-трудовые работы, приближаясь в этом отношении к УК РСФСР (ст. 177). Однако по ст. 208 УК Армянской ССР возможно назначение исправительно-трудовых работ до трех месяцев, в то время как уголовные кодексы других союзных республик этой группы позволяют назначение исправительно-трудовых работ сроком до шести месяцев.

IV. К следующей группе уголовных кодексов мы относим УК Азербайджанской ССР и Грузинской ССР.

Статья 221 (ч. 1) УК Азербайджанской ССР очень близка по содержанию к ст. 196 УК Грузинской ССР.

Первый упоминаемый обеими нормами состав преступления совпадает в обоих уголовных кодексах: «Заведомо неправильное указание в заявке автора изобретения».

Статья 221, ч. 3, УК Азербайджанской ССР в точности совпадает со ст. 196, ч. 2, УК Грузинской ССР: «оглашение изобретения до заявки без согласия изобретателя».

Но в ч. 2 ст. 221 УК Азербайджанской ССР упомянут еще один состав преступления, который не предусмотрен в УК Грузинской ССР: «неправильное использование изобретения, право осуществления которого принадлежит государству».

Оба уголовных кодекса устанавливают за упомянутые преступления сходные наказания: исправительно-трудовые работы (по ст. 221 УК Азербайджанской ССР — до 6 месяцев, а по ст. 196 УК Грузинской ССР — до 3 месяцев) или штраф до 1000 руб.

V. Наконец, в Уголовном кодексе Узбекской ССР не говорится о нарушении изобретательского права, а только о нарушении авторского права (в ст. 248). Так что вопрос о привлечении к ответственности за нарушение изобретательского права решается здесь отрицательно.

В п. 18 Положения предусматривается «ответственность в соответствии с законодательством союзных республик» за целый ряд проступков и преступлений, нарушающих изобретательские правоотношения, которые могут быть совершены должностными лицами: 1) за бюрократизм и волокиту при рассмотрении, разработке и внедрении изобретений и рационализаторских предложений; 2) за уклонение от извещения изобретателя или рационализатора об использовании его изобретения или рационализаторского предложения; 3) за преднамеренно неправиль-

ный расчет экономии или преднамеренно неправильное начисление вознаграждения и за задержку выплаты вознаграждения.

Положение об изобретениях, открытиях и рационализаторских предложениях, утвержденное Советом Министров СССР, не может устанавливать новые уголовноправовые нормы. Поэтому нужно исходить из того, что перечисленные в п. 18 Положения неправомерные действия должны рассматриваться как уголовные преступления в тех случаях, когда это вытекает из норм уголовных кодексов союзных республик.

Так, например, ст. 111 УК РСФСР говорит о бездействии власти как о «халатном отношении к службе», как о небрежном или недобросовестном отношении к возложенным по службе обязанностям, повлекшим за собой волокиту, медлительность в производстве дел и отчетности и иные упущения по службе. Все три группы неправомерных действий, упомянутые в п. 18 Положения, при определенных условиях могут составлять преступления, которые предусматриваются ст. 111 УК РСФСР.

Возможны, конечно, случаи, в которых применению для охраны изобретательских предложений подлежит не ст. 111 УК, а другая норма уголовного кодекса, например, ст. 109, карающая за злоупотребление властью и т. д. Напротив, возможно, что то или иное неправомерное действие, упомянутое в п. 18 Положения, не перерастает в уголовное преступление и должно рассматриваться как дисциплинарный проступок. Статья 111 УК, определяя преступление, специально оговаривает, что налицо должны быть «признаки, предусмотренные ст. 109». Эти признаки и определили в общем границу между дисциплинарным проступком и должностным преступлением. Среди таких признаков упомянуты: явное нарушение правильной работы учреждения или предприятия, общественного порядка, охраняемых законами прав и интересов отдельных граждан, систематичность нарушений, наличие корыстной заинтересованности виновных лиц, заведомое знание ими возможных тяжелых последствий. Отсюда следует, что вопрос о том, является ли неправомерное действие, упомянутое в п. 18 Положения, уголовным преступлением или же дисциплинарным проступком, должен разрешаться в конкретном случае с учетом всех обстоятельств, определяющих общественную опасность неправомерного действия.

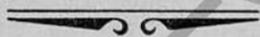
В Положении 1959 года говорится об уголовноправовой защите изобретательских и рационализаторских правоотношений, когда дело идет о секретных открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях (п. 58). И в этом случае Положение упоминает о привлечении к уголовной ответственности в установленном законом порядке. Руководствоваться

следует ст. ст. 12 и 13 Закона СССР об уголовной ответственности за государственные преступления от 25 декабря 1958 г.¹ и постановлением Совета Министров СССР от 28 апреля 1956 г., которое определяет перечень сведений, являющихся государственной тайной².

В постановлении Совета Министров СССР от 28 апреля 1956 г. (в п. 14) к числу сведений, составляющих государственную тайну, отнесены: «открытия и изобретения, имеющие крупное военное значение» и «открытия и изобретения, имеющие крупное научное народнохозяйственное значение, до дачи руководителями министерств и ведомств разрешения на их опубликование».

¹ См. «Ведомости Верховного Совета СССР» 1959 г. № 1.

² Это постановление отменило перечень, ранее действовавший (от 8 июня 1947 г.) (см. официальное издание УК РСФСР, 1957, стр. 143—145).

СПбГУ

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Введение	5
Глава I. ОЧЕРК ИСТОРИИ ИЗОБРЕТАТЕЛЬСКОГО ПРАВА	
§ 1. Законы об изобретениях в эксплуататорском государстве	20
§ 2. Законы об изобретениях в дореволюционной России	30
§ 3. Развитие советского изобретательского права	37
Глава II. ОБЪЕКТЫ ИЗОБРЕТАТЕЛЬСКОГО ПРАВА	
§ 1. Общие положения	58
§ 2. Понятие изобретения	69
§ 3. Изобретения и открытия	109
§ 4. Понятие рационализаторского предложения	120
Глава III. СУБЪЕКТ ИЗОБРЕТАТЕЛЬСКОГО ПРАВА	130
Глава IV. ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ РАЦИОНАЛИЗАТОРСКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ	
§ 1. Общие положения	146
§ 2. Авторское свидетельство и возникающие из него права и обязанности	159
§ 3. Патент и возникающие из него права и обязанности. Исключи- тельность права из патента	181
§ 4. Авторское свидетельство и патент на дополнительное изобре- тение и вытекающие из них права и обязанности	188
§ 5. Удостоверение на рационализаторское предложение и возни- кающие из него права и обязанности	191
§ 6. Секретные изобретения и рационализаторские предложения	194
Глава V. ПРАВО ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ И РАЦИОНАЛИЗАТОРОВ НА ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ ЗА ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ПРЕД- ЛОЖЕНИЯ	196
Глава VI. ЗАЩИТА ПРАВ ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ И РАЦИОНАЛИ- ЗАТОРОВ	
§ 1. Общие положения	209
§ 2. Административный порядок защиты прав изобретателей и ра- ционализаторов	211
§ 3. Судебный порядок защиты прав изобретателей и рационали- заторов	218

Антимонов Борис Сергеевич
Флейшиц Екатерина Абрамовна

«Изобретательское право»

Редактор *Н. Н. Бодерскова*

Технические редакторы *Н. Л. Щедрина,*
Н. М. Тарасова.

Корректоры *В. А. Зорина, В. Д. Рыбакова*

Слано в набор 13/1 1960 г. Подписано в печать
31/V-1960 г. Формат бумаги 60×92¹/₁₆. Объем:
физ. печ. л. 14,25; условн. печ. л. 14,25;
учетно-изд. л. 16,46. Тираж 7 000. А-05737.
Цена 9 р. 25 к. Заказ 948.

Госюриздат—Москва, Б—64, ул. Чкалова, 38—40.

Ивановская областная типография, г. Иваново,
Типографская, 6.